

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЕР

НЬЮ-ЙОРК

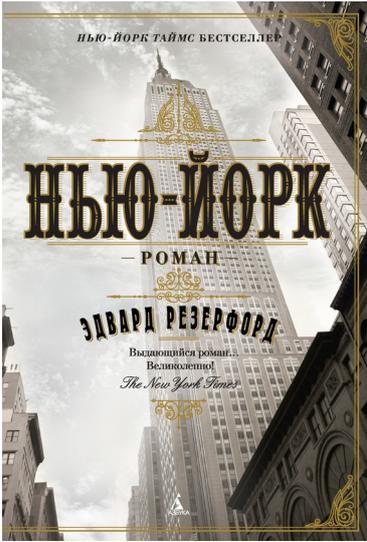
— РОМАН —

ЭВАРД РЕЗЕРФОРД

Выдающийся роман...
Великолепно!

The New York Times

ЭКСМО

Эдвард Резерфорд
Нью-Йорк
Серия «The Big Book»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033553
Нью-Йорк: Азбука, Азбука-Аммикус; СПб.; 2016
ISBN 978-5-389-10892-9

Аннотация

Город, основанный голландцами в 1626 году и получивший название Новый Амстердам. Город, через полстолетия захваченный англичанами. Город, в конце XVIII века ставший временной столицей США. Нью-Йорк. Сердце Америки. Крупнейший порт, подплывая к которому вы видите символ этой страны – Статую Свободы.

Захватывающий рассказ об индейских племенах, живших на территории, где голландцы начнут строить город, который станет потом одной из финансовых столиц мира. Увлекательная история нескольких семей, живших в этом городе на протяжении нескольких столетий. Первые поселенцы, участники Войны за независимость, Гражданской войны, африканские рабы, женщины из высшего общества, строители небоскребов и итальянские мафиози... В романе великолепно сочетаются романтика, семейные драмы и личные победы, в нем блестяще отражены поиск свободы и процветания в самом сердце Америки.

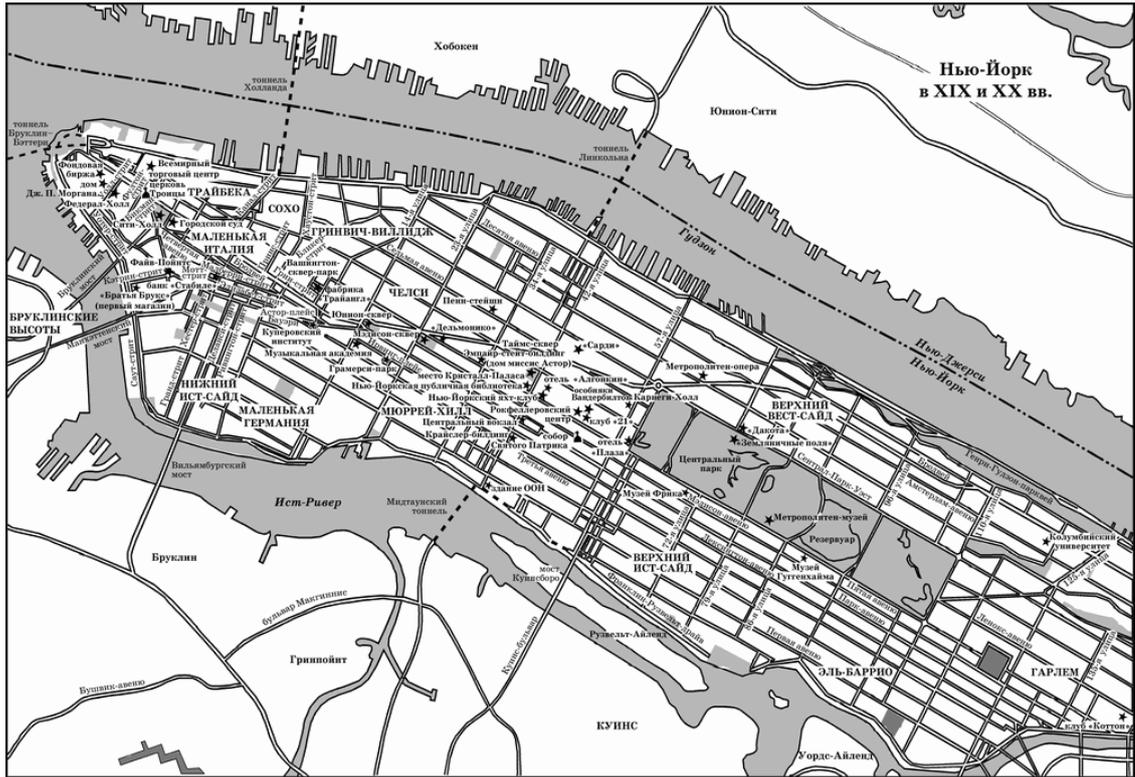
Это роман для всех тех, кто побывал в Нью-Йорке и полюбил этот город.

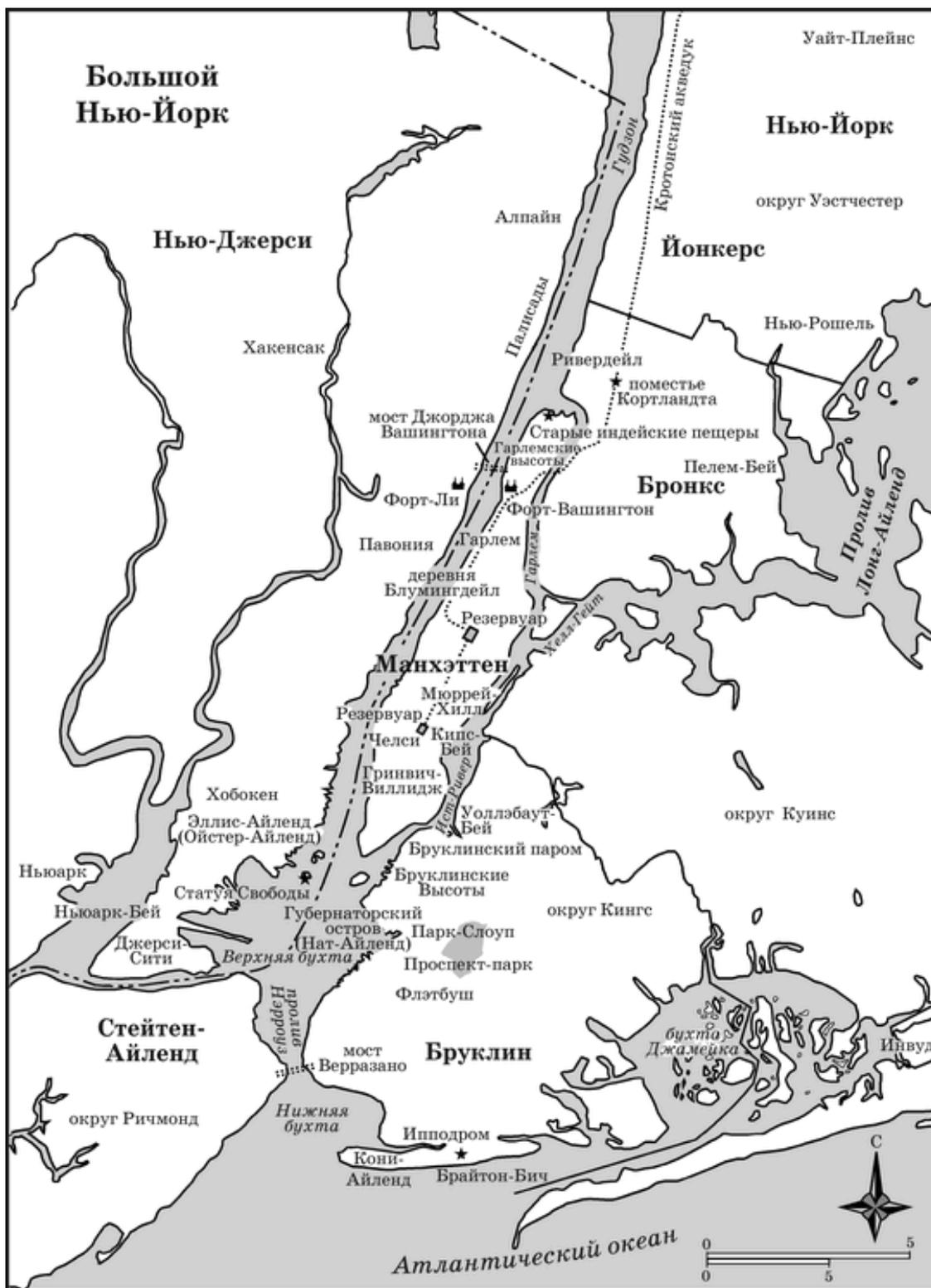
Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать.

Впервые на русском языке!

Содержание

Предисловие	7
Новый Амстердам	9
Нью-Йорк	40
Девушка из Бостона	81
Девушка из Филадельфии	97
Таверна Монтейна	107
Лондон	115
Абигейл	127
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Предисловие

«Нью-Йорк» – это прежде всего роман. Все семьи, судьбы которых прослеживаются по ходу повествования, являются вымышленными, как и отдельные их роли в описанных исторических событиях, но в изложении обстоятельств их жизни на протяжении веков я постарался поместить героев в окружение либо существовавшее, либо возможное.

В именах главных героев отражены корни. Ван Дейк – распространенная и запоминающаяся голландская фамилия. Мастер – вполне обычная английская, хотя мне придется признать, что по ходу того, как я обдумывал торговое будущее этого рода, связанное с Уолл-стрит, мне естественным образом пришло в голову выражение «хозяин мира»¹. Уайт – еще одна типичная английская фамилия. Келлер занимает пятидесятое место по распространенности в Германии и означает «виноторговец» или «заведующий погребом». О’Доннелл – известная ирландская фамилия, Карузо – знаменитая южноитальянская, а Адлер, означающая по-немецки «орел», встречается по всей Центральной Европе. Что касается героев второстепенных, то Риверсы вымышлены, а Альбионы фигурировали в моей книге «The Forest». На выбор имени Хуан Кампос меня вдохновил знаменитый пуэрто-риканский композитор Хуан Морель Кампос. Фамилии Хамблей, насколько я знаю, не существует, но в молитвенниках XVI века в таком написании встречается слово «humbly»². Для толкования фамилий Ворпал и Бандерснатч читатели отсылаются к стихотворению Льюиса Кэрролла «Джэббервоки»³.

С точки зрения истории придумывать пришлось очень немного. Это было сделано для гладкости изложения. Я упростил кое-какие запутанные и сложные события, но не считаю, что погрешил этим против общего смысла. Однако историческая интерпретация заслуживает некоторых пояснений.

Племена американских индейцев. Мною названы отдельные местные племена, как то: таппаны и хакенсаки, которые по-прежнему фигурируют в топонимике, но я не захотел смущать читателя избытком названий, так как племен в Нью-Йоркском регионе было великое множество. Взамен я предпочел расхожий обычай именовать их по общей языковой группе – алгонкинами. Таким же образом были названы северные племена – ирокезы, хотя местами, где это уместно, упоминаются и отдельные группы, например могауки. Возможно, читателей удивит то, что в рассказе о раннем периоде я, говоря о коренном населении Манхэттена, не обмолвился о ленапе. Дело в том, что это название появилось позднее, и я предпочел не использовать его по отношению к людям, для которых оно ничего не значило.

В исторических трудах последнего времени, особенно в замечательной книге Рассела Шорто «The Island at Center of the World»⁴, посвященной Новому Амстердаму, подчеркивается неизменность личной и гражданской свободы, которую завещали Нью-Йорку голландцы. Я попытался встроить этот труд в мой рассказ с небольшой оговоркой в том смысле, что история гражданской независимости восходит к опыту средневековой Англии и значительной части Европы.

¹ Master (англ.) – хозяин. – Здесь и далее примеч. перев.

² Кротко, смиренно (англ.).

³ Это абсурдное стихотворение вошло в сказку «Алиса в Зазеркалье». Бандерснатч известен у нас как Бармаглот. Что касается Ворпала, то этим вымышленным прилагательным описывается меч – нечто вроде разящего, булатного или вострого: vorpal sword.

⁴ «Остров в сердце мира» (англ.).

Мое мнение, изложенное в черновике насчет того, что англичане были более жестокими рабовладельцами, чем голландцы, подверглось пересмотру в ходе бесед с профессором Грэмом Ходжесом, который подробно осветил эту тему в книге «Root & Branch».

Я предпочел поверить тому, что английский губернатор лорд Корнбери действительно был трансвеститом. Несколько заслуженных историков были достаточно любезны, чтобы одобрить мою позицию.

По мере написания книги мои представления о динамике отношений между англичанами и американцами значительно изменились благодаря общению с профессором Эдвином Дж. Берроузом, почтенным соавтором справочника «Gotham»⁵, издавшим в то же время книгу «Forgotten Patriots»⁶, которая посвящена этой теме.

Нью-Йорк неисчерпаем для обсуждения и входит в число сложнейших городов мира. Любому романисту, пытающемуся объять его историю, приходится вновь и вновь выбирать. Мне остается надеяться, что читатель уловит хотя бы толику истории и духа города, который я люблю всей душой.

⁵ Э. Берроуз и М. Уоллес. Готэм: история Нью-Йорка до 1898 года.

⁶ «Забывшие патриоты».

Новый Амстердам

1664 год

Вот она, свобода!

Каное плыло по течению, и волны бились в носовую часть. Дирк ван Дейк взглянул на девчущку и задал себе вопрос: не было ли их путешествие ужасной ошибкой?

Большая река, манившая Дирка на север. Большое небо, звавшее на запад. Край многих рек, многих гор и многих лесов. Как далеко он простирался? Никто не знал наверняка. Только солнце, высоко над орлами совершавшее свое великое странствие к западу, могло объять его целиком.

Да, он обрел в этой глуши и любовь, и свободу. Ван Дейк был крупным мужчиной. Он носил голландские панталоны, сапоги с загнутыми носами и кожаную безрукавку поверх рубашки. Сейчас, приближаясь к порту, Дирк надел широкополую шляпу с пером и посмотрел на девочку.

Его дочь. Дитя греха. Проступка, за который по его вере полагалась кара.

Сколько ей – десять, одиннадцать? Она пришла в великое волнение, когда он согласился взять ее с собой. У нее были материнские глаза. Милое индейское дитя. Ее народ дал ей имя: Бледное Перо. Лишь светлая кожа выдавала ее происхождение.

– Скоро будем на месте.

Голландец говорил по-алгонкински, на языке местных племен.

Новый Амстердам. Торговый пост. Форт и городишко за палисадом. Но это не лишало его важности для торговой голландской империи.

Ван Дейк гордился тем, что он голландец. Пусть его страна мала, зато ее упрямые жители восстали против могущественной и алчной Испанской империи и отвоевали независимость. Именно его соотечественники построили огромные дамбы для защиты плодородных угодий от буйного моря. Именно голландцы, поселившиеся на морском берегу, создали торговую империю, возбуждавшую зависть других государств. Их города – Амстердам, Делфт, Антверпен – с высокими остроконечными зданиями вдоль величественных каналов служили раем для живописцев, ученых и вольнодумцев со всей Европы в сей золотой век Рембрандта и Вермеера. Да, ван Дейк был горд своим голландским происхождением.

В низовьях огромной реки имели место приливы и отливы. Этим утром ее влекло в океан. Днем течение обратится назад, на север.

Девочка смотрела прямо по курсу. Ван Дейк сидел напротив, откинувшись на кипу шкурок – в основном бобровых, – наваленных посреди каное. Оно было большим и широким, его борта – из прочного, но легкого хинного дерева. Гребли четыре индейца: два спереди, два сзади. За ними следовала вторая лодка, которой правили его земляки. Индейское каное понадобилось для переправки всего, что ван Дейк накопил. Небо над верховьем реки предвещало позднюю весеннюю грозу; над ними оно затянулось серыми тучами. Но впереди вода сверкала.

Луч света вдруг выбился из-за тучи. Река, словно природный барабан, предупреждающе стукнула в борт. От ветерка, похожего на игристое вино, покалывало лицо. Ван Дейк снова заговорил. Ему не хотелось ее ранить, но выхода не было.

– Молчи, что я твой отец.

Девочка скосила глаза на каменный кулончик, висевший на шее. Резное личико, расписанное черным и красным, перевернутое на индейский манер. Логично, вообще говоря:

поднимешь взглянуть – и лицо уставится на тебя. Счастливый амулет. Скрытый под маской Повелитель Лесов, хранитель природного равновесия.

Бледное Перо не ответила и знай смотрела в лицо своего индейского божка. О чем она думает? Поняла или нет? Он не знал.

Из-за скал на западном берегу, напоминающих высокий каменный частокол, донесся далекий громовой раскат. Девчушка улыбнулась. Голландец подумал, что его соотечественники, тесно связанные с морем, не жаловали грозу. Она приносила им горе и страх. Но индейцы были мудрее. Они понимали, что означает гром: то боги, обитавшие на двенадцати низших небесах, защищали мир от зла.

Звук прокатился над рекой и растворился вдали. Бледное Перо бережно, с проблеском глубокой благодарности опустила амулет, затем подняла взгляд:

– Я увижу твою жену?

Дирк ван Дейк чуть глотнул воздуха. Его жена Маргарета не ведала, что он уже рядом. Он не сообщил о своем возвращении. Но мог ли он рассчитывать всерьез, что утаит девочку от жены? Он неуклюже обернулся и посмотрел на реку. Они уже достигли северной оконечности узкого острова Манхэттен, и их несло по течению. Поворачивать поздно.

Маргарета де Гроот медленно затянулась и, не выпуская из чувственного рта глиняной трубки, оценивающе взглянула на человека с деревянной ногой, прикидывая, каково с ним спать.

Высокий, решительный правдолюб с буравящим взором, он поседел и был уже далеко не юн, но держался молодцом. Что до ноги, она была знаком доблести и напоминала о былых сражениях. Другой бы помер от такого ранения, но только не Питер Стайвесант. Он двигался по улице с удивительной скоростью. Взглянув на прочную отполированную деревяшку, Маргарета позволила себе слегка задрожать, хотя он и не заметил.

Что он думает о ней? Она не сомневалась, что нравится ему. Почему бы и нет? Она была красивой, цветущей женщиной за тридцать, с широким лицом и длинными светлыми волосами. Но, в отличие от многих голландок, не расплнела – все на месте, изящные и откровенно соблазнительные формы. Что касалось пристрастия к трубке, то этим славилось большинство голландцев обоих полов.

Он заметил ее, остановился и улыбнулся:

– Доброе утро, Грет.

Грет. Фамильярное обращение. Как и большинство голландок, Маргарета ван Дейк жила под своим девичьим именем – Маргарета де Гроот – и считала, что именно так он и должен ее называть. Конечно, он знал ее ребенком. Но все равно... Обычно он держался сугубо официально. Она едва не залилась краской.

– Всё в одиночестве?

Она стояла перед своим домом. Типичный голландский городской дом – простой, прямоугольный, в два этажа, с деревянными стенами и выходившей на улицу узкой, заостренной частью. Невысокое крытое крыльцо перед большой входной дверью – голландская особенность. Окна были невелики, но впечатление усиливалось благодаря высокому фронтому с уступами, столь милому голландцам, а также флюгеру, венчавшему крышу.

– Муж еще в верховье реки? – спросил Стайвесант, и она кивнула. – Когда вернется?

– Кто его знает, – пожалала она плечами.

Грех было жаловаться на дела, призывавшие мужа на север. Пушная торговля, особенно ценнейшими бобровыми шкурками, приобрела такой размах, что местные индейцы перебили едва ли не все зверье. Ван Дейку часто приходилось отправляться подальше на север и пополнять запасы у ирокезов. Он замечательно преуспел в этом.

Но почему он так долго отсутствует? На заре их брака он отлучался лишь на пару недель. Но постепенно стал задерживаться все дольше. Дома он был хорошим мужем, внимательным к ней и любившим детей. И все же она чувствовала, что ею пренебрегают. Не далее как нынешним утром дочурка спросила, когда же вернется отец. «Как только сможет, – улыбнулась она. – Будь спокойна». Но вдруг он ее избегает? Не завел ли себе других женщин?

Верность не была пустым звуком для Маргареты де Гроот. И вряд ли стоило удивляться тому, что она, заподозрив мужа в измене, мысленно обвинила его в моральной слабости и, мечтая очутиться в руках более праведных, позволила внутреннему голосу шепнуть: «Ах, был бы он похож на губернатора Стайвесанта!»

– Трудные времена, Грет. – (Она уловила печаль в его голосе, хоть та и не отразилась на лице губернатора.) – У меня, знаешь ли, есть враги.

Он доверялся ей. Она слегка разволновалась. Ей захотелось положить руку ему на плечо, но она не посмела.

– Проклятые англичане.

Она кивнула.

Голландская торговая империя раскинулась от стран Востока до обеих Америк, но английские купцы наступали на пятки. Случалось, что обе протестантские нации объединялись против общих врагов – католических Испании и Португалии, – но большую часть времени соперничали. Конкуренция усилилась пятнадцать лет назад, когда Оливер Кромвель с его богоугодной армией сорвал корону – а заодно и голову – с английского короля Карла. Голландцы наладили доходную работорговлю с Африкой и странами Карибского бассейна. Задача Кромвеля была очевидна.

«Работорговля должна отойти к Англии».

Многие честные голландцы сомневались в моральном праве на эту бесчеловечную торговлю людьми. У праведных английских пуритан таких забот не было. И вскоре Кромвель отобрал у испанцев Ямайку и превратил ее в работорговую базу. Четыре года назад, когда Кромвель умер и на английском троне восстановили второго короля Карла, эта политика не изменилась. До Нового Амстердама уже дошли вести о нападении англичан на голландские работорговые порты на побережье африканской Гвинеи. И через океан пополз слух, что им понадобилась не только голландская работорговля, но и новоамстердамский порт.

Новый Амстердам был невелик: форт, пара ветряных мельниц, церковь с острым шпилем, канал, больше смахивавший на здоровенную канаву, да еще несколько улиц, где стояли дома с уступчатыми фронтонами, и все это вкуче со скромными фруктовыми садами и огородами скрывалось за стеной, которая тянулась через южную оконечность Манхэттена с запада на восток. Но город обладал историей. Голландская Вест-Индская компания, воспользовавшись преимуществом просторной природной гавани, основала там торговый пост еще за десять лет до отплытия «Мейфлауэра». И ныне, по истечении полувека бурной деятельности, сменявшейся периодами затишья, Новый Амстердам превратился в шумный порт в окружении поселений, раскинувшихся на десятки миль окрест, – территория, которую голландцы называли Новыми Нидерландами.

И у города уже был характер. Голландцы и их соседи-протестанты, франкоязычные валлоны, на протяжении двух поколений сражались за независимость против господствовавшей над ними католической Испании. И победили. Голландцы с валлонами совместно основали Новый Амстердам. Сорок лет назад право поселиться на Манхэттене выкупил у индейцев валлон Петер Минейт, чье имя до сих пор произносилось на французский лад. И это место с самого основания прониклось суровым независимым духом протестантских купцов разных кровей.

Но главным являлось расположение. С военной точки зрения форт не особенно впечатлял, но он главенствовал на южной оконечности острова Манхэттен по-над широкими водами отлично защищенной бухты и охранял подступы к большой Северной реке.

А правил им Питер Стайвесант.

Враг был на подходе. Жители Новой Англии из Массачусетса и особенно из Коннектикута, ведомые их недостойным губернатором Уинтропом, уже предпринимали попытки завладеть дальними голландскими территориями. Стайвесант отгородил северную часть города прочной стеной и палисадом, а англичанам вежливо объяснили, что это «против индейцев». Но дураков не было. Стена защищала от англичан.

Губернатор все смотрел на Маргарету:

– Ладно, если бы англичане были моим единственным врагом.

Ах, бедняга! Он был слишком хорош для них, никчемных жителей Нового Амстердама.

В городе насчитывалось тысячи полторы человек. Примерно шестьсот из них были голландцами и валлонами, триста – немцами и почти столько же – англичанами, которые предпочли жить под голландским правлением. Прочие стянулись со всего мира. Были даже евреи. И много ли среди них всех честных и праведных? Не очень, по ее мнению.

Маргарета не была набожна. Голландская реформатская церковь исповедовала суровый кальвинизм, а Маргарета не всегда соблюдала ее предписания. Но теми немногими, сильными духом, истинными кальвинистами она восхищалась – такими, как старый пастор Богард и Стайвесант. Они хотя бы ратовали за порядок.

Разве поддерживали купцы Стайвесанта, когда тот запрещал пьянство и откровенно языческие праздники или пытался оградить город от глупых квакеров и несносных анабаптистов? Да никогда. Нельзя было положиться даже на Голландскую Вест-Индскую компанию, которой он служил. Когда из Бразилии пожаловали сефардские евреи и Стайвесант велел им убраться, компания приказала: «Пусть останутся. Это народ деловой».

Никто не отрицал, что он был отличным губернатором. До него правили в основном продажные шуты. Один идиот даже развязал бессмысленную войну с индейцами и чуть не погубил колонию. Но Стайвесант научился править мудро. На севере он загнал англичан в тупик. На юге в два счета расправился с возникшей на реке Скулкилл шведской колонией, когда та стала доставлять беспокойство. Он поощрял торговлю сахаром и начал ввозить все больше рабов. С каждым кораблем из Голландии прибывали балластом лучшие кирпичи для постройки городских зданий. На улицах было чисто, появилась маленькая больница, а в школе преподавали латынь.

Но был ли народ благодарен? Конечно нет. Его власть вызывала негодование. Эти болваны даже вообразили, будто способны править самостоятельно. Это они-то? Маргарета глубоко сомневалась.

Хуже всех был двуличный стряпчий ван дер Донк. Его прозвали Йонкером, то есть сквайром. Это он подсиживал губернатора, он писал письма в Вест-Индскую компанию и публиковал кляузы – все что угодно, только бы скovyрнуть Стайвесанта. И ради чего? «Йонкер – певец свободы», – говаривал ей муж. «Дурни! – кричала она. – Он любит только себя! Стоит ему занять место Стайвесанта, и он тебя прижмет!»

К счастью, Йонкеру не удалось сместить Стайвесанта, но он ухитрился прибрать к рукам большое поместье на севере города. Он даже написал книгу о Новых Нидерландах, и муж клятвенно заверял Маргарету, что очень недурную. Теперь негодяй был мертв – слава богу! Но жители Нового Амстердама продолжали называть его поместье владением Йонкера, как будто он был еще там. А его пример оказался столь заразительным для других купцов, что Стайвесант, по мнению Маргареты, не должен был верить никому из них.

Жесткий взгляд губернатора уперся в нее.

– Могу я на тебя положиться, Грет?

У нее екнуло в груди. Ничего не поделаешь.

– О да.

Он, разумеется, состоял в счастливом браке. По крайней мере, так ей казалось. Он и его жена Джудит Байард жили на ферме – бувери, как ее называли голландцы, – и были, судя по всему, совершенно довольны. Джудит была старше Питера. Она выходила его после того, как он потерял ногу, а потом вышла за него замуж. Насколько знала Маргарета, у него был только один роман, в молодости, задолго до знакомства с Джудит. Маленький скандал. Тем лучше для него, считала она. Иначе он мог стать кальвинистским священником по примеру отца, вместо того чтобы устроиться в Вест-Индскую компанию и отправиться за удачей в дальние края.

– А муж? На него я могу положиться?

– Мой муж?

Знать бы, где его носит. Бегаёт от нее.

Ну, с этим придется кончать. Пока его не было, она поразмыслила и составила план на будущее, которое станет отраднее. Хорошо, что обычай предоставлял голландкам намного больше свободы – и власти, – чем женщинам других народов. Благодарение Господу за добрачные соглашения. У нее были очень четкие планы насчет Дирка ван Дейка, когда тот вернется.

– О да, – повторила она. – Он сделает, как я скажу.

– Я иду в форт, – сообщил Стайвесант. – Пройдешься со мной?

Лондон. Погожий весенний день. Темза была забита кораблями. Томас Мастер взирал на стоявшее перед ним судно и пытался принять решение.

В руке он держал письмо от своего брата Элиота, где сообщалось о кончине отца. Том был слишком честен, чтобы изображать скорбь. Ему было двадцать два, и теперь он обрел свободу.

Итак, на чем остановиться? Америка или Англия?

Слева высился серый массив лондонского Тауэра – безмолвный, надежный хранитель тайн. Сзади неодобрительно таращилась длинная, высокая крыша старого собора Святого Павла. Но что она не одобряла? Его, разумеется. В конце концов, его послали в Лондон из немилости.

Тридцать лет назад, когда Адам Мастер с восточного побережья Англии познакомился в Лондоне с уроженкой Уэст-Кантри⁷ Абигейл Элиот, эти серьезные юные пуритане сочли английскую столицу ужасным местом. На троне сидел король Карл I, его жена-француженка была католичкой. Карл I правил Англией деспотически, а его новый приспешник, архиепископ Лод, намеревался подчинить англичан Англиканской церкви, которая была папистской во всем, кроме названия. Поженившись и питая надежду на лучшее, Адам и Абигейл прожили в Лондоне несколько лет. Но для пуритан все оборачивалось только хуже, а потому Адам и Абигейл Мастер приняли участие в великом переселении в Америку.

Англичане уезжали в Виргинию на протяжении двух поколений. Ко времени, когда пьесы Шекспира пошли в его театре «Глобус» на южном берегу Темзы, половина лондонцев уже дымила глиняными трубками, набитыми виргинским табаком. Но число тех, кто по-настоящему перебрался в Виргинию, оставалось скромным. Немногочисленные сорвиголовы отважились поселиться в Массачусетсе, возникли и другие колонии, но о миграции говорить не приходилось.

Однако во вторую половину правления короля Карла произошло нечто в корне отличное. Английские пуритане тронулись в путь. Они прибывали с юга, востока, запада; сбива-

⁷ Неофициальное название юго-западной части Англии.

лись в группы – иногда семьями, иногда целыми общинами – и устремлялись через Атлантику. Не проходило недели, чтобы к берегам Америки не причалило судно. С середины тридцатых годов XVII века король английский Карл лишился таким образом около пятой части своих подданных. Джентльмены вроде Уинтропа, молодые люди со средствами вроде Гарварда, купцы и ремесленники, рабочие и проповедники, с женами, детьми, слугами – все отплывали в Америку, подальше от короля Карла и его архиепископа. Это было первым настоящим заселением американских колоний, занявшим немногим больше десяти лет.

Король Карл ничуть не огорчился из-за этой потери. Да и той не было – наоборот, польза. Вместо того чтобы докучать ему на родине, где он старался установить авторитарную власть, они любезно прирастили его королевство бескрайними землями. Огромный и неизученный Американский континент был в их полном распоряжении, но они оставались его подданными, все до одного. Что касалось свободы вероисповедания, которой они так радовались, то пока она не волновала короля, а разобраться с ней можно было и позже.

Адам и Абигейл Мастер отправились в Бостон. Там они нашли общину по душе – суровую, порой жестокую в своей набожности. В конце концов они и не искали терпимости, они строили Царство Божие. И в этом смысле их старший сын Элиот не обманул надежд. Трудолюбивый, осторожный, решительный Элиот был воплощением мечты любого бостонского родителя. Но Том уродился другим.

Белокурый и голубоглазый Том Мастер нравился женщинам, несмотря на чуть выпиравшие зубы. В детстве он был художав, всегда в движении, горазд на проказы. К зрелому возрасту стал добродушным, живым остряком. Он был полон энергии, но его поведение и выбор друзей оставляли желать лучшего.

Приходилось признать, что даже в те ранние времена иные массачусетцы – моряки и рыбаки, купцы и фермеры, не говоря уже о низших разрядах, – пеклись не столько о спасении души, сколько о деньгах. Община как могла навязывала им свою волю, но вероотступники не переводились.

И юный Том, к великому огорчению родителей и брата Элиота, казалось, был обречен гореть в аду. Том не хотел учиться. У него были способности, но он их не применял. Он любил выпить. Связался с дурной компанией. Однажды даже пропустил воскресную службу. Отец не жалел розог, но впоследствии понял, что дело не в послушании, не в подчинении заповедям. В Томе было что-то глубинное, чего отец не мог изменить.

Адам Мастер наладил солидную адвокатскую практику. Купил ферму. Владел судном. Элиот изучил право, но хотел проповедовать. Том обучился торговле и выказал деловую смекалку. По крайней мере, это было хоть что-то.

Но два события разбили материнское сердце. Первое произошло, когда Абигейл лежала при смерти. Она послала за вторым сыном и в присутствии мужа взмолилась, прося его изменить свою жизнь. Ради спасения его души и чтобы сама она упокоилась с миром, Абигейл молила Тома пообещать, что впредь он в рот не возьмет спиртного. Она надеялась, что этот первый шаг направит его к свету. А он что сказал?

– Да к черту, матушка! Ты же знаешь, что я не могу этого обещать.

И это матери, на смертном одре. Адам так и не простил сына. Он не стал ссориться с Томом. Он знал, что Абигейл хотела другого. Он был учтив. Он сделал все, что мог как отец. Но ему было ясно: от Тома добра не жди.

А потому когда девятнадцатилетний Том завел свою первую интрижку с женой морского капитана, пока этот достойный человек был в плавании – капитан того самого судна, которым владел Адам, – отец постарался замять это дело ради Элиота. Но Тому велел немедленно покинуть Массачусетс. Он отослал его в Лондон к знакомому купцу, снабдив довольно невыразительным рекомендательным письмом. И запретил возвращаться.

Том был изгнан назад в Старый Свет. Для Нового он оказался слишком плох.

Лондон понравился Тому. Он его устроил. Кромвель и пуритане правили Англией десять лет, но великий эксперимент по руководству страной без короля завершился смутой и военным положением. К прибытию Тома англичане восстановили монархию и посадили на трон нового Карла, сына покойного короля. А Карл II был веселый малый. Его младший брат Джеймс, герцог Йоркский, был высокомерным и упрямым, тогда как король славился гибкостью и осмотрительностью. Он не хотел повторить судьбу отца. После многих лет изгнания он хотел веселиться и был рад, когда подданные разделяли это желание. Он гонялся за каждой юбкой, устраивал скачки и посещал театр, а также проявил неподдельный интерес к науке.

Лондон, встретивший Тома, застыл меж двух миров: средневековым и современным. Заморские владения Британии расширялись, и лондонским торговцам предоставлялась масса возможностей сколотить состояние. Аристократы и джентльмены задавали тон в моде. Развлечений было сколько угодно и на любой вкус. Том был очень доволен первым годом жизни в Лондоне.

И все же затосковал по Америке. Не по Бостону и не по пуританской родине, а по другим вещам, которые он вряд ли мог описать. По ощущению простора, новых пределов, открытия мира. Это было томление по свободе – быть может, по дикой воле. Он не умел выразить это чувство словами.

Теперь, когда не стало отца, ничто не мешало ему вернуться.

Имелось и другое соображение. По Лондону шел слух, что Карл II и его брат Джеймс вторично заинтересовались американскими колониями. И если так, тем правильнее было честолюбивому юноше стремиться обратно в Америку.

Что же делать? Остаться и развлекаться в Лондоне или дерзнуть отправиться за океан? Ему не составит труда сообщить купцу, на которого он работал, что отец умер и Элиот позвал его домой. Упаковать пожитки всяко недолго. Корабль, что был перед ним, отплывал завтра в Бостон. У капитана имелось место. Брать?

Помедлив, Том мысленно рассмеялся, вынул монету и подбросил. Орел – Бостон. Решка – Лондон.

На севере зарокотал гром, но впереди, где большая река впадала в открытые воды гавани, стояло озеро жидкого золота.

Накануне вечером ван Дейк попытался растолковать Бледному Перу важность этого места с помощью самодельной карты. Указывая черенком трубки, он стал объяснять:

– Вот эта линия, идущая сверху донизу, – Северная река. Во многих днях пути вверх по течению находятся большие озера и протоки, которые тянутся до самых льдов. Слева от реки, – он чиркнул трубкой по бумаге, – раскинулся весь Американский континент. Справа, – теперь он указал на огромный треугольный участок суши вершиной вниз и основанием к Атлантике, – находятся Коннектикут, Массачусетс и многие другие места. А рядом – огромный океан, который пересекли наши.

Проведя трубкой до южного конца клина, он обратил ее внимание на другую яркую особенность. К клину как бы пришвартовался вытянутый в длину остров⁸ – примерно двадцать миль в ширину и сто – в длину. Между ним и побережьем материка притаился длинный пролив.

– Всю эту территорию, – ван Дейк ткнул в нижнюю часть клина и соседнюю оконечность острова, – веками занимал твой народ. А это, – постучал он по самому южному участку клина, – Манхэттен.

⁸ Современный Лонг-Айленд.

Манна хата – индейское название. Насколько он знал, оно означало просто остров. На самом деле это был узкий полуостров, за тем исключением, что в самой северной части имелась небольшая, резко загибающаяся горловина, благодаря которой воды Северной реки сообщались с островным проливом и формально превращали Манхэттен в остров.

Манхэттен открылся бы бурям Атлантики, не будь он защищен огромным молом длинного острова. Но в силу этого счастливого обстоятельства Северная река, огибая его оконечность, впадала в отлично защищенную бухту примерно четырех миль в ширину и семи в длину – просторную якорную стоянку, известную морякам как Верхняя бухта. Этим везение не исчерпывалось: на участке выхода в Атлантику через узкие проливы южной части гавани с обеих сторон обозначились огромные песчаные отмели, служившие внешними волноломами против океанических вод, благодаря чему возникла тихая Нижняя бухта, настолько просторная, что там могли бросить якорь все корабли мира.

– Это ворота на север, – объяснил ван Дейк.

Но Бледное Перо не поняла. И пусть он продолжил разглагольствования о торговле и транспорте, ему было видно, что ей непонятен смысл карты белого человека.

Белые люди прибывали с времен Христофора Колумба. Сперва они искали то золото, то путь на Восток. Одного, по имени Верразано, запомнили, он прибыл в 1524 году; остальных забыли. Да и пришельцы не всегда были белыми – взять хотя бы темнокожего португальского капитана Гомеса. Он явился, захватил человек шестьдесят индейцев, чтобы продать как рабов, и после исчез с горизонта. Но прибыл и другой человек, бесповоротно изменивший жизнь местного люда, селившегося на берегах великой Северной реки и ее бухты.

Генри Гудзон был англичанином на службе у конкурентов-голландцев и отправился на восток в надежде найти короткий путь в Китай. Поискав вымышленный северо-восточный проход выше России и сочтя эту затею бессмысленной, он проигнорировал все приказы, отправился через Атлантику и стал искать проход северо-западный. Именно Гудзон вошел в бухту ниже Манхэттена и несколько дней поднимался по большой реке, пока не заключил, что так в Китай не попасть.

– Этот путь не ведет в Китай, – сообщил он голландским работодателям по возвращении, – но земля там прекрасная. Полным-полно бобров.

А алчность жителей Северной Европы до бобрового меха не знала пределов.

– Бобер, – говаривал детям ван Дейк, – полезнейшая тварь. Бобровый жир помогает при ревматизме, зубной боли и желудочных коликах. Яички бобра, если растолочь и растворить в воде, способны излечить слабоумного. Мех густой и теплый.

Но главным соблазном являлся не мех, а его мягкая кожаная основа. И почему же? Из нее делали фетр.

Шляпы. Фетровую шляпу хотели все, но позволить себе могли только богачи. Это был крик моды. Бывало, что шляпники сходили с ума, отравленные ртутью, которую использовали для отделения меха от кожи. И ван Дейк не исключал доли безумия в том, что ради модных шляп была основана целая колония, а то и империя, где люди рисковали жизнью и убивали друг друга. Но так был устроен мир. Если северо-восточное побережье Америки колонизировали ради атлантического рыбного промысла, то знаменитую бухту Нового Амстердама и большую Северную реку – ради фетровых шляп.

И в благодарность бесстрашному исследователю ван Дейк и ему подобные торговцы мехом нередко называли эту реку не Северной, а рекой Гудзон.

– Приехали. Вот он, Новый Амстердам.

Голландец улыбнулся при виде трепета, охватившего взволнованную дочь. Впереди в необъятные воды гавани вторгался южный мыс Манхэттена. Над гладью, чуть тронутой рябью, носились морские птицы. Просоленный воздух бодрил.

Бледное Перо таращилась на мельничные крылья и приземистый массив форта, господствовавшего над береговой линией. Когда они обогнули мыс, где остроконечные купеческие дома выстроились в некоторое подобие рядов, ван Дейк обратил внимание дочери на открывшуюся панораму:

– Видишь дома возле форта? Там был ваш лагерь до прихода белых людей. Они оставили после себя такие залежи устричных раковин, что мы зовем эту улицу Жемчужной – Перал-страат. Вон тот светлый дом принадлежит Стайвесанту. Он называется Уайт-Холл.

Миновав южную точку, они свернули в широкий, длинный канал, тянувшийся вдоль восточной стороны Манхэттена. Он был известен как Ист-Ривер – Восточная река, хотя рекой не являлся. Ван Дейк указал на противоположный берег:

– Бруклин.

Голландцы называли это место в честь города неподалеку от Амстердама⁹.

– Земля моего народа, – произнесла девочка.

– Была.

На восточной стороне мыса построили пристань. Каное устремилось к ней. На Ист-Ривер по соседству стояло на рейде несколько кораблей. Когда каное достигло суши, к его пассажирам приковались любопытные взгляды.

Бобровые шкурки сгрузили в две большие тележки и повезли на склад Вест-Индской компании. Это не заняло много времени. Ван Дейк шагал рядом, Бледное Перо шла чуть позади. Он коротко кивал знакомым. На берегу толпился разношерстный люд: матросы в открытых рубахах, купцы в широких панталонах; был даже пастор в черном и высокой конической шляпе с широкими полями. Когда они покинули береговую зону, ван Дейк повстречал пару голландских торговцев, Спрингстина и Стинбёргена, – довольно важных птиц, с которыми пришлось здороваться обстоятельнее.

– Ваша жена у форта, мингер ван Дейк, беседует со Стайвесантом, – сообщил Спрингстин.

– Вы можете встретиться в любую минуту, – сказал Стинбёрген.

Ван Дейк мысленно выругался. Вчера ему казалось, что все получится легко и просто. Его люди разгрузят лодку и индейское каное. Индейцы останутся ждать отлива. У него будет время поводить Бледное Перо по городку и угостить голландским печеньем – счастливая кульминация недолгого пребывания вместе. Затем индейцы спокойно заберут ее обратно и увезут вверх по реке, а он пойдет к жене и детям.

Даже узнай Маргарета, что он был на причале, она поняла бы, что первым делом – склад, а остальное потом; она ждала бы его дома. Он не предвидел, что она отправится к форту.

Что ж, он сдержит данное дочери обещание, но будет осторожен.

– Идем, Бледное Перо.

Ему пришлось нелегко: трудно показывать окрестности и одновременно высматривать жену. Но Бледное Перо казалась очень довольной. Он же поймал себя на том, что гордится городом. Нельзя было отрицать заслуг Стайвесанта. Широкое грязное побережье частично замостили. Даже в самом людном районе, близ рынка, дома с высокими уступчатыми фронтонами были окружены просторными ухоженными садами. Идя на восток, отец и дочь пересекли узкий канал и достигли ратуши – Stadt Huys. Это было большое здание с центральным входом и тремя рядами окон, а также еще двумя в крутой мансардной крыше с вдовьей площадкой¹⁰. Оно стояло среди прочих зданий, похожих на голландских купцов, невозможно взирающих на Ист-Ривер. Перед ратушей виднелись колодки для наказания злоумыш-

⁹ Нидерландский город Брёкелен.

¹⁰ Площадка с перильцами на крыше прибрежного дома, где жены моряков ожидали своих мужей.

ленников. Ван Дейку пришлось объяснить дочери, как запирали туда людей, подлежавших прилюдному унижению.

– Вон там есть и виселицы, – указал он вдоль берега. – Душить веревкой преступников посерьезнее.

– У моего народа так не принято, – произнесла Бледное Перо.

– Знаю, – сказал он мягко. – Но это принято у нас.

Едва они остановились перед таверной, где пили какие-то матросы, из-за угла показалась и направилась к ним Маргарета ван Дейк, в свободном платье и с трубкой в руке.

Маргарета уставилась на мужа и девочку. Жена мингера Стинбёргена лишь несколько минут как сказала ей, что ван Дейк в городе. Возможно, ей показалось, но Маргарета заметила блеск в ее глазах, а потому насторожилась – так смотрят те, кто застукал чужого мужа с посторонней женщиной.

Неужто Дирк не постыдится так поступить с ней на людях? Ее вдруг охватил холодный липкий страх, но она взяла себя в руки и улыбнулась, как будто не удивилась, потому что сегодня его и ждала.

И вот он, с индейской девочкой. Так или иначе – не с любовницей. Но с девочкой, которая... была бледновата для индианки.

– Ты вернулся, – сказала Маргарета и быстро обняла его. Затем отступила.

– Да. Мы разгрузались на складе.

Разволновался? Может быть.

– Удачно съездил?

– Очень. Шкурок столько, что понадобилось еще и каноэ.

– Это хорошо. – Она вперилась взглядом в Бледное Перо. – Что за девочка?

Дирк ван Дейк посмотрел на Бледное Перо – понятно ли ей, о чем шла речь? Он неожиданно понял, что не знает. Некоторые индейцы владели голландским языком, но с дочерью он всегда разговаривал на ее родном. Он мысленно помолился.

– Она приехала с индейцами, – ответил он хладнокровно. – Из клана Черепахи.

У местных индейцев принадлежность к клану наследовалась по женской линии. Ребенок был членом материнского клана.

– У меня добрые отношения с кланом Черепахи.

Маргарета сосредоточенно изучала Бледное Перо.

– Ты знаком с ее матерью?

– Нет, – мотнул головой ван Дейк. – Она умерла.

– Ребенок смахивает на полукровку.

Догадалась? Он ощутил укол страха, но быстро его отогнал:

– Мне тоже так кажется.

– А кто отец?

– Откуда мне знать? – пожал он плечами.

Жена пососала трубку.

– Эти индианки все одинаковы.

Странно, подумал ван Дейк. Несмотря на приверженность кальвинизму, голландки до замужества сплошь и рядом заводили любовников, и с этим мирились. Но стоило отдельным индианкам, народ которых ограбили белые, пасть до торговли телом в портах за мелкие суммы непонятных денег, как жена уже видела в каждой индейской женщине заурядную шлюху.

– Не все, – сказал он тихо.

– Она милашка. – Краем рта Маргарета выпустила дым. – Жаль, что недолго им быть такими.

Правда или нет? Увидит ли он при жизни, как увядает красота дочурки?

Он заметил, что Бледное Перо уставилась вдаль и застыла. Боже, никак она поняла? Или догадалась по тону?

Дирк ван Дейк любил жену. Наверное, меньше, чем следовало, но она неплохая женщина и прекрасная мать. Он считал, что идеальных браков не бывает, и в чем бы ни провинился он сам, ее вина была ровно такой же. Он был ей верен – большей частью, не считая матери Бледного Пера, но это особый случай.

Так или иначе, у Маргареты не было причин считать Бледное Перо его дочерью. Разве что женским чутьем.

– Не води ее в дом, – негромко сказала Маргарета.

– Конечно нет, – услышал он собственный голос.

Она догадалась. Ван Дейк был почти уверен в этом. Обвинит, когда он придет домой? Закатит сцену? Не исключено. Но он спокойно отопрется, и Маргарета останется в дураках. Для этого она слишком горда.

Он надеялся, что ранил ее не слишком тяжело.

– Пусть уходит, – велела Маргарета. – Тебя ждут твои дети.

Она повернулась, готовая уйти.

Он не мог ее упрекнуть – напротив, восхитился ею. Она вела себя достойно, оберегая семью. Но тут он взглянул на Бледное Перо.

Та продолжала смотреть вдаль, но на лице застыло изобличающее потрясение. Ей было незачем понимать слова. Все было ясно по тону и взглядам. Обещанные чудеса обернулись обидой и горем. Он предал ее, хотя и не по своей воле. Его захлестнули укоры совести. Он не мог покинуть ее вот так.

Маргарета уже удалялась. Как бы ей ни было больно, дело сделано. К тому же она зрелая и сильная женщина, а стоявшая рядом девочка – невинный ребенок. Он быстро прикинул.

– Грет, у меня еще останутся дела, когда индейцы уйдут, – сказал ван Дейк вдогонку. – Мне нужно на бувери Смита. Половина шкурок его, помнишь? – Это была чистая правда, хотя он собирался заехать к фермеру не сегодня. – Передай детям, что буду завтра.

– А снова когда уедешь? – обернулась жена.

– Уеду? – улыбнулся он. – Теперь не скоро, через несколько месяцев.

Маргарета кивнула. Смягчилась?

– Тогда до завтра, – сказала она.

Какое-то время ни ван Дейк, ни Бледное Перо не произносили ни слова. Ему хотелось приобнять ее, утешить, но он не осмелился. Они молча шагали по улице, пока она не спросила:

– Это твоя жена?

– Да.

– Она хорошая женщина?

– Да. Хорошая.

Они прошли еще немного.

– Теперь ты отправишь меня обратно?

– Нет, – улыбнулся он. – Идем со мной, доченька.

На сборы ушло меньше часа. Ван Дейк послал одного из своих людей за конем. Купил еды и два одеяла. Затем, отдав индейцам распоряжения, кликнул Бледное Перо и выехал в путь.

Главным выездом из Нового Амстердама была широкая дорога, начинавшаяся перед фортом на рынке и уходившая к стене через западную половину города.

Ван Дейк ехал медленно. Довольная Бледное Перо шла рядом. Голландские дома вскоре сменились огородами и садами. Они достигли городской стены и миновали ворота с каменным бастионом. Широкий тракт протянулся на сотни ярдов мимо кладбища и мельницы. Потом повернул направо. Они продолжили путь по берегу Ист-Ривер, оставив позади небольшую табачную плантацию и болото. Спустя короткое время слева показался большой пруд, и от него дорога шла на север до конца острова.

Остров Манхэттен был странным местом: лишь пара миль в поперечнике, но целых тринадцать в длину. Нетронутые топи, девственные луга и леса, испещренные холмами и участками обнажившихся скальных пород, представляли собой замечательные индейские охотничьи угодья. Да и сама дорога, которой они шли, была старой индейской тропой.

Индейцы, населявшие остров, звались манатами, но это была лишь одна из многочисленных групп местных алгонкиноязычных племен. На Ист-Ривер в Бруклине жило племя канарси; за бухтой, близ широкого участка суши, который голландцы называли островом Статен – Стейтен-Айленд, селились раританы. Выше к северу по великой реке жили хакенсаки и таппаны. Десятки наименований. Белые люди сразу отметили красоту туземцев: мужчины были рослы и грациозны, женщины – с точеными, изящными чертами. Ван Дейк испытывал гордость, посматривая на шедшую рядом девочку.

Но белые редко утруждались изучать индейцев. Да и был бы он лучше, если бы не ее мать?

Даже Манхэттенская колония родилась по недоразумению. Получая товары от Петера Минёйта, местные индейцы не сомневались, что белые люди вручали им традиционные дары за право на охоту в их землях в течение пары сезонов. В Европе это назвали бы арендой. Поскольку индейцы не знали частной собственности на землю, им и в голову не пришло, что Минёйт покупал ее в вечное пользование. Ван Дейк с кривой усмешкой подумал, что праведным бюргерам Нового Амстердама и не было дела до их понимания. Голландские представления о землепользовании отличались практичностью: если застолбил землю, то и владеешь ею.

Неудивительно, что с годами возникли трения. Уязвленные индейцы перешли в нападение. Пришлось отказаться от колоний в верховьях реки. Даже здесь, на Манхэттене, серьезно пострадали два голландских поселения: Блумингдейл, что в нескольких милях к западу, и Гарлем на севере.

Но белый человек всегда побеждал и отвоевывал все больше территорий. Голландцам достались обширные земли вверх по реке. Датчанин Бронк заплатил индейцам за освобождение огромного участка суши севернее Манхэттена. Разрозненные кучки индейцев еще как-то перебивались на землях Бронка и в нетронутых районах Манхэттена, но тем дело и ограничилось.

Ван Дейк и Бледное Перо одолели миль пять и достигли лесного массива в центре острова, где голландец решил устроить привал. Свернув на тропку, которая уходила на запад, они прошли мимо лощин и скальных проплешин до земляничной поляны. Ван Дейк спешился и привязал коня к дереву. Расстелив одеяло, он пригласил Бледное Перо сесть.

– Ну-ка, посмотрим, что там у папы есть, – улыбнулся он.

Купить овсяные хлопья, изюм, орехи пекан и копченое мясо было довольно легко. Из них готовили смесь, которую индейцы называли «пеммикан». К нему прилагались голландский капустный салат и ржаной хлеб. Но ван Дейк прихватил и голландские сладости – печенье и шоколад, любимые всеми детьми. Сидя бок о бок, довольные отец и дочь разделили трапезу. Покончив с первым печеньем, Бледное Перо повернулась к нему и спросила:

– Как ты думаешь, мне нужно сделать татуировку?

Ван Дейк помедлил с ответом. Она была само очарование. Ножки обуты в мокасины, длинные темные волосы перехвачены ремешком. Как большинство индейских девочек ее

лет, в теплое время года она прикрывала лишь нижнюю половину тела юбкой из оленьей кожи, которая доходила до колен. Верх был обнажен и только украшен крошечным амулетом, груди еще не обозначились. Кожа, защищенная от солнца и москитов тонким слоем енотового жира, была безупречна. Когда Бледное Перо подрастет, она, наверное, нанесет немного красной краски на щеки и темной вокруг глаз. Но он надеялся, что до поры до времени она останется маленьким совершенством. Нет, индейские женщины не уподоблялись мужчинам, делая себе большие татуировки. Но все равно...

– По-моему, лучше подождать, – заметил он осторожно, – пока ты не выйдешь замуж, и выбрать татуировку, которая понравится мужу.

Она подумала и кивнула:

– Я подожду.

Бледное Перо сидела молча, но ван Дейку казалось, что она о чем-то размышляла. Спустя какое-то время она взглянула на него:

– А ты медведя убивал?

Переходный обряд. В ее народе мальчики становились мужчинами, когда убивали оленя, – и правильно. Это доказывало, что человек может прокормить семью. Но чтобы показать себя настоящим смельчаком, приходилось выполнить задачу намного труднее и опаснее: убить медведя. Сделав это, человек считался истинным воином.

– Было дело, – ответил ван Дейк.

Семь лет назад он жил среди ирокезов. Индейцы посоветовали ему не ходить по той горной тропе, по которой он собирался пойти, поскольку незадолго до этого несколько человек подверглись там нападению медведя. Медведи обычно не нападают первыми, но если решаются, то дело плохо. Ван Дейк выступил в путь подготовленным. Ему повезло: когда зверь неожиданно выскочил и бросился на него, ван Дейк сумел уложить медведя первым же выстрелом из мушкета.

– Это был черный медведь, – пояснил ван Дейк. – В горах.

– В одиночку убил?

– Да.

Бледное Перо ничего не сказала, но он видел, что она довольна отцом: настоящий воин.

День еще только начинался. Солнечный свет, проникавший сквозь листву, заливал траву с земляничными россыпями. Умиротворенный ван Дейк откинулся назад. План, так неожиданно возникший у него, заключался в том, чтобы провести с дочерью весь день. Утром индейцы с каноэ перехватят их на севере острова и заберут Бледное Перо в верховья реки. Он же отправится на ферму Смита и будет дома задолго до темноты. Хороший план, и времени вдоволь. Ван Дейк смежил веки.

Должно быть, он ненадолго задремал. Открыв глаза и сев, он обнаружил, что Бледное Перо исчезла.

Он огляделся: никого. Ван Дейк нахмурился. Глупо, но на секунду он испытал страх. Не случилось ли с ней чего? Он уж собрался звать, когда уловил легчайшее движение. Примерно в сотне ярдов, в лесу, вскинул голову олень. Ван Дейк инстинктивно замер. Олень смотрел в его сторону, но не видел. Затем опустил голову.

И тут ван Дейк заметил Бледное Перо. Она была справа, за деревом с подветренной стороны от оленя. Приложила палец к губам, показывая: тихо. Потом выступила из укрытия.

Ван Дейк не раз наблюдал, как подкрадываются к оленю; он сам это делал. Но ничего подобного не видал. Бледное Перо скользила среди деревьев бесшумной тенью. Он прислушался к едва различимому шороху мокасин во мху. Подбираясь ближе, она уподобилась кошке и двигалась все медленнее и медленнее, зависала на каждом шаге, невесомая словно пушинка. Теперь Бледное Перо была позади оленя в каких-то пятнадцати ярдах... уже в десяти... пяти... Олень по-прежнему не ощущал ее присутствия. Ван Дейк не верил глазам.

Бледное Перо стояла за деревом в трех шагах от животного, пощипывавшего траву. Она выжидала. Олень поднял голову, помедлил, опять опустил. И Бледное Перо прыгнула. Она пронеслась как молния. Олень восторженно, отпрянул и бросился прочь, но не раньше, чем девочка с радостным воплем коснулась его.

Затем она побежала к отцу, смеясь, и тот поймал ее в охапку. И голландец Дирк ван Дейк осознал, что не испытывал и впредь уж не испытает большей гордости за ребенка, чем ощутил сейчас за свою проворную индейскую дочку.

– Я дотронулась до него! – ликовала она.

– Молодец!

Он обнял ее. Славно, когда у отца не дочка, а совершенство. Он изумленно качал головой.

Они посидели еще немного. Он мало говорил, а она не возражала. Ван Дейк прикидывал, не пора ли трогаться в путь, когда она попросила:

– Расскажи о маме.

Он поразмыслил:

– Что мне сказать? Она была красивая. Ты на нее похожа.

Ван Дейк подумал об их первой встрече. Это случилось летом в лагере у пролива, где ее соплеменники собирали моллюсков. Они ставили на берегу не длинные дома¹¹, а вигвамы. Моллюсков высушивали, потом выскребали из раковин, которые зарывали, а содержимое припасали для супа – сушеные устрицы, мидии, клэмы¹². Чем его так поразила та молодая женщина? Тем, что была свободна? Может быть. Она была замужем, но потеряла и мужа, и ребенка. Или причиной был огонек любопытства в глазах? И это тоже. Он остался там на два дня и проговорил с ней весь вечер. Влечение было обоюдным, но он приехал по делам, и их общение ограничилось разговорами.

Через неделю он вернулся.

Именно благодаря ей он впервые постиг индейцев. Он понял и первых голландских колонистов, которые, не имея собственных женщин, женились на индианках и после не покидали их даже при самых настойчивых религиозных внушениях. Она была гибка и проворна, как дикая зверушка, но если он уставал и гневался – превращалась в ласковую голубку.

– Ты очень-очень ее любил?

– Да. Очень. – Это была правда.

– А потом у тебя появилась я.

По обычаям ее народа, в большой семье материнского клана всегда находилось место для таких побочных детей.

– Ты ведь женился бы на маме, если бы у тебя не было жены на торговом посту белых людей?

– Конечно. – Ложь, но во благо.

– Ты все время ее навещал.

До страшной весны трехлетней давности, когда он прибыл в селение и узнал, что мать Бледного Пера занедужила.

«Вчера была в парильне, но не помогло, – сказали ему. – Теперь ее лечат знахари».

Ван Дейку были известны их обычаи. Даже при сильной лихорадке индеец шел в конурку, которую нагревали докрасна раскаленными камнями, пока не становилось жарко, как в печке. Когда пот уже лился с больного градом, тот выбегал, окунался в холодную реку,

¹¹ Длинный дом (длинный вигвам) у ирокезов и соседних племен – многосемейное прямоугольное жилище из жердей и коры с полукруглой двускатной крышей.

¹² Съедобный морской моллюск, кроме устрицы, мидии и гребешка.

закутывался в одеяло и высыхал у костра. Это лечение часто помогало. Если нет, за дело брались знахари, пользовавшие травами.

Когда ван Дейк приблизился к дому, где она лежала, оттуда вышел старик.

– Теперь надежда только на шамана, – горестно сказал тот.

Навыки шаманов превосходили способности простого знахаря. Они общались с духами и знали тайные заговоры. Если помочь могли только они, то больная лежала при смерти.

– Что за болезнь? – спросил ван Дейк.

– Лихорадка. – Старик ответил неуверенно, однако поморщился. – На коже... – Похоже, он говорил об оспенной сыпи.

Старик тихо удалился.

Оспа. Голландец содрогнулся. Болезни были величайшим проклятием, которое навлек на Америку белый человек. Грипп, корь, оспа – обычные хвори Старого Света, против которых у индейцев не было иммунитета. Вымирали целые деревни. Местное коренное население уже сократилось, наверное, на добрую половину. Корабли белых людей привезли с собой малярию, а также сифилис. Но самым страшным подарком была оспа. Только за последний год этот бич почти целиком выкосил целое племя, обитавшее южнее Новых Нидерландов, после чего добрался даже до Нового Амстердама.

Неужели оспа?

И тогда он совершил ужасный поступок. Конечно, понятный. Ему приходилось думать о себе, жене, детях, праведных жителях Нового Амстердама. Пастор сказал бы ему: думай о большем благе. О да, ван Дейку было чем оправдаться. Он правильно сделал, когда помедлил у входа и после, чураясь даже Бледного Перо, поспешил в лодку и отплыл вниз по реке.

Но разве нельзя было подождать, не улепетывать как трус? Он бросил свою индейскую подругу в тот самый час, когда ее родня готовилась оказать ей поддержку. Ребенка-то уж мог повидать? Его по сей день мучил чудовищный, убийственный стыд. По нескольку раз в год он просыпался посреди ночи в слезах от ужаса перед содеянным.

Он вернулся месяц спустя и нашел Бледное Перо под опекой ее многочисленного семейства. Ему было сказано, что ее мать скончалась на следующий день после его отъезда, но не от оспы, а от кори.

Он постарался наладить отношения с дочерью и приезжал ежегодно, когда ее народ поминал усопших. О мертвых было не принято говорить, за исключением этого торжества, когда живые молились об их душах. Этим и занимался ван Дейк на протяжении нескольких дней перед тем, как увез с собой Бледное Перо.

– Расскажи обо мне, когда я была маленькой.

– Нам пора, – сказал он, – но я расскажу на ходу.

Они покинули земляничную поляну и вновь отыскивали старую индейскую тропу. Ван Дейк ехал медленно и старательно вспоминал мелкие события ее детства, дни, проведенные с ней и ее матерью. Бледному Перу нравилось. Спустя какое-то время он, хотя она не устала, посадил ее перед собой на коня.

Они достигли вершины Манхэттена задолго до сумерек и разбили лагерь на возвышенности поверх каких-то индейских пещер. Завернувшись в одеяла, легли и стали смотреть в чистое звездное небо.

– Ты знаешь, где сейчас мама?

– Да. – Он был знаком с индейскими верованиями и указал вдоль Млечного Пути. – Ее дух вознесся по звездной тропе на двенадцатое небо. Она пребывает с Создателем всех вещей.

Она долго молчала, и он уже решил, что заснула, но тут она сонно произнесла:

– Я часто думаю о тебе.

- И я о тебе.
- Если меня не увидеть, то можно услышать.
- Научи.
- Слушай голос ветерка, поющего в соснах. Вот и услышишь меня.
- Буду слушать, – ответил он.

Утром они спустились к воде и обнаружили большое каноэ с двумя индейцами. Оно отчалило, и Дирк ван Дейк поехал домой.

Маргарета ван Дейк ждала три недели. Наступило воскресенье. Муж был в гостинной и читал детям, а заодно мальчику-рабу Квошу; Маргарета наблюдала из кресла. Такие минуты она ценила превыше всего. Их сыну Яну было тринадцать; крепкий мальчуган с копной темных волос, обожавший отца и хотевший последовать по его стопам. Дирк водил его на склад, объяснял устройство кораблей, рассказывал о портах назначения, муссонах и пассажах, которым подставляли паруса капитаны. Но Ян напоминал ей и собственного отца: не такой неугомонный, как Дирк, и больше расположенный к бухгалтерии. Она считала, что он преуспеет в жизни.

Еще два ребенка скончались от лихорадки несколько лет назад. Это стало страшным ударом, но утешением явилось рождение крошки Клары. Ей, белокурой и синеглазой, исполнилось пять лет, и она походила на ангела. На редкость доброе и кроткое дитя. Отец души в ней не чаял.

Что касалось мальчика-раба Квоша, тот отлично прижился. Он был ровесником Яна, и им разрешали играть вместе, когда Ян был маленьким. Квош отлично поладил и с Klarой. Но он знал свое место.

При виде довольного мужа, читавшего детям, Маргарета подумала, что их брак еще может оказаться счастливым, если ей удастся кое-что изменить.

Поэтому она спокойно кивнула, когда муж, дочитав и отпустив детей к соседям на чаепитие, сообщил, что в скором времени опять отправится в верховье реки. Затем расставила силки:

- По-моему, Дирк, тебе пора вступить в синдикат.
- Ван Дейк быстро взглянул на нее и пожал плечами:
- Мне это не по средствам.

Но она знала, что завладела его вниманием.

Дирк ван Дейк имел дар в отношении пушной торговли. Четверть века назад, когда в порту еще целиком заправляла Вест-Индская компания, он был бы фигурой покрупнее. Но экономика Нового Амстердама стала открытой и несказанно разрослась; синдикатами, которые финансировали перевозки табака, сахара, рабов и прочих, все более многочисленных товаров, правил золотой круг, образованный ведущими фамилиями – Бикманами, ван Ренсселерами и парой десятков других. Там-то и сколачивали состояния – оставалось заплатить вступительный взнос.

- Денег у нас больше, чем тебе кажется, – спокойно возразила она.

«У нас»: в команде, у мужа и жены. Ее слова прозвучали так, будто они владели деньгами на равных, но оба знали, что дело обстоит иначе. Отец Маргареты, скончавшийся полгода назад, оставил ей наследство, неподвластное мужу по условиям добрачного соглашения. Она же не говорила ему, насколько оно велико.

- Думаю, мы можем немного вложить в синдикат, – добавила Маргарета.
- Это рискованно, – предупредил ван Дейк.

Она знала об этом. В числе крупнейших инвесторов-колонистов были богатые вдовы и жены. Она потолковала со всеми.

- Не сомневаюсь. Но я верю в твое здравомыслие.

Она следила за ним, пока он раздумывал. Догадался о ее замысле? Возможно. Но предложение было из тех, от которых не отказываются. Ван Дейк поразмыслил еще, потом улыбнулся.

– Моя дорогая жена, – тепло произнес он, – я почитаю за честь твое доверие и сделаю для нашей семьи все, что в моих силах.

Совет ей дала богатейшая колонистка – вдова, только что взявшая себе третьего, молодого супруга. «Не помыкай мужем. Сделай так, чтобы он выбрал сам». Маргарета рассудила, что ван Дейк быстро войдет во вкус и приучится к крупным сделкам, а также к напряженной общественной жизни, которая им сопутствует. У него появится слишком много дел в Новом Амстердаме, чтобы гоняться по диким лесам за индианками. Быть может, его и потянет отбиться от стада, но он успеет привыкнуть к новому положению да побоится вдобавок того, что она урежет фонды.

– Но мне все равно придется уплыть, – заметил ван Дейк.

– В самом деле? – нахмурилась она.

– Не могу же я бросить пушную торговлю, которая есть. Во всяком случае, не сейчас. Прибыль покамест не лишняя, согласись?

Она заколебалась. Его доходы и впрямь не были лишними, а довод серьезен, коль скоро она не хотела огласить истинные размеры своего богатства. Но Маргарета поняла его игру. Он пытался соскочить с крючка. Черт бы его побрал!

Ждала ли его в лесах женщина? А то и несколько? Она не сомневалась, что эта маленькая индианка была его дочерью. Строго говоря, ему грозили серьезные неприятности. Одержимый страстью к соблюдению нравственности, Стайвесант объявил половые связи с индейцами вне закона. Но если она потащит мужа на губернаторский суд, то ничего не решит, какие бы чувства ни испытывала. Нет, она сохранит спокойствие. Пусть изворачивается как хочет, она все равно перехитрит. Она нагрузит его делами так, что ему еще долго не придется путешествовать по реке.

– Да, ты прав, – ласково произнесла Маргарета.

Пусть думает, что победил.

В последовавшие недели Дирку ван Дейку сопутствовала удача. Он быстро сошелся с группой крупных торговцев, переправлявших через Атлантику табак на огромные перерабатывающие фабрики старого Амстердама. Они с Маргаретой стали вхожи в знатные торговые дома, куда прежде и на порог не ступали. Ван Дейк купил новую шляпу и даже несколько пар отличных шелковых чулок. Камин в гостиной украсился замечательными бело-голубыми изразцами. Даже Квоша, состоявшего на побегушках, Маргарета придела и научила прислуживать за столом. Старый пастор, почтивший их визитом, особо отметил смекалку маленького раба.

Однажды в июне ван Дейк отыграл в таверне партию в кегли, и молодой голландский купец назвал его боссом. А если голландец называл тебя словом «баас», то это означало, что ты большой, уважаемый человек. Ван Дейк поверил в себя еще больше; жена, казалось, не могла на него нарадоваться.

Поэтому ссора застала его врасплох.

Стоял июльский вечер. Утром ван Дейку предстояло отплыть к верховью реки. Маргарета уже знала об этом, а потому он не нашел никакого резона в ее неожиданной реплике:

– Мне кажется, тебе не следует завтра плыть.

– Это еще почему? Все уже готово.

– Потому что нельзя бросать семью в такое опасное время.

– Чем же оно опасно?

– Ты отлично знаешь. Я говорю об англичанах.

– Ох ты, – пожал он плечами. – Об англичанах!

Конечно, она говорила дело. Купец Спрингстин, чье мнение он уважал, недавно выразился предельно ясно: «Англичане, понятно, хотят прибрать к рукам нашу торговлю рабами и мехом. Табак, который отправляют из этого порта, принесет им десять тысяч фунтов в год. Но главное, мой друг, в том, что с Новым Амстердамом им достанется и река, а потом и весь север».

Англичане наращивали агрессию. Они владели дальней частью длинного острова, а земли по соседству с Манхэттеном всегда оставляли за голландцами. Однако в прошлом году коннектикутский губернатор Уинтроп решил обложить налогом и некоторых голландских колонистов. Отказаться посмели не все.

Недавно возникла угроза пострашнее.

Король Англии Карл II был веселым повесой и ни капли не походил на своего младшего брата Джеймса, герцога Йоркского. Джеймса недолго любили. Его считали надменным, упрямым и честолюбивым. Подоспевшие новости произвели панику: «Король отдал брату американские колонии от Массачусетса и чуть не до самого Мэриленда». Эта территория включала в себя голландский Новый Амстердам. И герцог Йоркский, намереваясь заявить о своих правах, выслал в Америку флот.

Стайвесант был вне себя. Он начал укреплять оборонительные сооружения, выставил дозоры. Вест-Индская компания приказала ему защищать колонию, хотя не выделила ни войск, ни средств, и отважный губернатор решил отстоять хотя бы сам Новый Амстердам.

Но из Голландии прибыло новое сообщение. Британское правительство категорически заверило голландцев, что и не думает посягать на их колонию. Флот направлялся в Бостон. Вскоре прибыли и новости утешительные. Флот действительно прибыл в Бостон и там остался. Кризис миновал. Стайвесант уже держал путь в верховья реки, намереваясь уладить кое-какие трения с тамошними индейцами-могауками.

Поэтому когда Маргарета сослалась на угрозу со стороны англичан, желая отговорить ван Дейка от похода, тот сразу распознал ее коварство: она пыталась контролировать его. И он не собирался ей потакать.

– А как же моя торговля? – спросил ван Дейк.

– Подождет.

– Вряд ли. – Он выдержал паузу, пока она сверлила его взглядом. – Тебе и детям ничто не грозит.

– Это по-твоему.

– Потому что так и есть.

– Значит, не хочешь остаться?

– Московитский князь и то не видит беды, – беспечно ответил он. Так за глаза называли Стайвесанта жители Нового Амстердама, которых часто возмущали его диктаторские замашки.

– Не называй губернатора этим дурацким прозвищем! – гневно воскликнула она.

– Как угодно, – пожал он плечами. – Тогда Колченогий.

Если на то пошло, Стайвесанта мало кто жаловал среди торговцев, включая богатых подруг жены и даже Вест-Индскую компанию. Ван Дейк полагал, что некоторым и вовсе безразлично, какой стране принадлежит колония, – лишь бы не мешали торговле. Его немного забавлял тот факт, что подруги жены придерживались скорее его, а не ее точки зрения.

– Он стоит десяти таких, как ты! – крикнула она, придя в бешенство.

– Боже мой! – расхохотался он. – Никак ты влюбилась!

Он переборщил. Маргарета взорвалась:

– И это все, на что ты способен? Не суди по себе! Твои походы к индейцам... – Она произнесла это с горьким презрением, не оставляя сомнения в смысле сказанного. – Обер-

нись за три недели, если рассчитываешь на мои деньги! – Выкрикнув эту угрозу, она поднялась. Глаза сверкали от ярости.

– Я вернусь, когда покончу с делами, – ответил ван Дейк с ледяным спокойствием.

Но Маргарета уже вылетела из комнаты.

Он выехал из дому на рассвете, так больше и не увидев ее.

Стояло прекрасное летнее утро. Широкая, обшитая внакрой лодка с четырьмя гребцами плыла на север. Правда, на этот раз ван Дейк отправился в путь не по большой реке Гудзон, а предпочел Ист-Ривер с другой стороны Манхэттена. Посреди лодки громоздилась кипа плотного и прочного голландского сукна, которое называлось даффл. Этот законный груз мог обмануть любое недремлющее око.

Картина была безмятежной. Немного позже они миновали пологий и вытянутый участок суши посередине реки и повернули направо к маленькой пристани, где их ждала группа мужчин с фургоном, нагруженным бочонками. Это был груз настоящий.

На погрузку бочонков ушло время. Бригадир, тучный фермер-голландец, осведомился, не угодно ли проверить товар.

– Такой же, как всегда? – спросил ван Дейк.

– В точности.

– Я тебе верю.

Они давно работали сообща.

Бочонки были наполнены бренди. Индейцам его вечно не хватало. Продавать индейцам бренди было, строго говоря, запрещено. «Но преступление уже не такое тяжкое, – простодушно сообщил бригадир. – Я разбавил его водой». Долил немного, индейцам и не почувствовать разницы, но достаточно, чтобы увеличить прибыль ван Дейка на десять процентов. Когда погрузка закончилась, лодка отчалила и вернулась на середину реки.

Процедура осложнялась лишь тем, что грузить приходилось на Ист-Ривер. Если не возвращаться к Новому Амстердаму, плыть приходилось вдоль восточного берега Манхэттена и уже дальше выходить к великой Северной реке, а это было чревато опасностями.

В своей верхней части Ист-Ривер раздваивалась. Левый рукав огибал северную оконечность Манхэттена. Правый, пошире, уходил на восток к большому проливу, безмятежные воды которого простирались почти на сотню миль, будучи защищенными от океана длинным островом. Опасность скрывалась в развилке. Все три пути казались мирными, однако подводные, чуть разнившиеся течения создавали на их стыке сложный водоворот, распознать который было еще труднее из-за наличия там же нескольких островков. Неопытному гребцу даже в безветренный день, когда спокойные воды едва колыхали водоросли, случалось вдруг обнаружить, что лодку засосало неукротимым вихрем, который швыряет ее в стену воды, восставшую как некое злобное божество глубин. Это место называли вратами ада – Хелл-Гейт. От него старались держаться подальше.

Поэтому они плыли осторожно, держась поближе к Манхэттену, потом направили лодку в левый проток; их покачало, но они благополучно прошли.

Слева виднелось небольшое поселение под названием Гарлем. Самая северная часть Манхэттена имела всего милю в поперечнике, но достигала изрядной высоты. Справа потянулись земли Бронка. Узкий канал продолжился еще несколько миль, пока, миновав древние индейские пещеры и стойбища, не впал через извилистую и крутую горловину в великую Северную реку. Это был второй участок, опасный встречными течениями. Ван Дейк облегченно вздохнул, когда оказался на просторах большой реки.

Дальше плылось легко. Когда атлантический прилив достигал бухты и аккуратно обращал реку вспять, течение устремлялось вверх на многие мили. Оно благоприятствовало плывшим. Нагруженная лодка неслась на север сама, и гребцы лишь немного помогали

ей веслами. Справа проплыло поместье Йонкера. Высокие каменные Палисады западного берега тянулись слева, пока не уступили место горбатуму холму. И вот ван Дейк различил справа пункт назначения – индейскую деревню на склоне восточного берега.

– Там и заночуем, – сказал он гребцам.

Она очень обрадовалась и повела его по деревушке здороваться. Жилища, сооруженные из составленных жердей и крытые корой, стояли на удобной отмели без всякого защитного частокола. В самом большом, длинном и узком доме жили пять семейств. Возле него росло два ореховых дерева, а позади, в кустах, виднелись гроздья дикого винограда. Ближе к воде на рамах из кольев висели огромные рыболовные сети. В камышах промышляли лебеди и кряквы.

Ван Дейк подумал, что его дочь, хоть и бедна, живет не хуже его.

Они поужинали рано вечером, ели сочную речную рыбу. Еще не стемнело, когда Бледное Перо позвала его подняться на скалистую площадку с красивым видом на реку. Он заметил, что она прихватила небольшой предмет, завернутый в листья. Потом они очень уютно сидели в лучах заходящего солнца и любовались орлами, парящими в поднебесье. Спустя какое-то время она сказала:

– У меня для тебя подарок. Я сама его сделала.

– Покажи!

Она протянула сверточек. Ван Дейк развернул листья и восхищенно улыбнулся.

– Вампум! – воскликнул он. – Красивый.

Бог знает, сколько часов она трудилась.

Вампум. Кусочки раковины просверливались по центру и нанизывались на нитку. Белые – от литорин¹³; лиловые или черные – от куахогов¹⁴. Нити переплетали, и получались пояса, головные ленты, всевозможные украшения.

А также валюта. Индейцы расплачивались вампумами за товары, приносили их в дань, скрепляли ими брачные предложения. Они воплощали достаток, и мудрецы всегда старались распределить вампумы между семьями.

Но он был больше чем валюта и украшение. Вампуму часто придавался смысл. Белый означал мир и жизнь; черный – войну и смерть. Но вампум, предназначенный для ношения, можно было усложнить и превратить в маленькие геометрические пиктограммы, доступные прочтению. Большие церемониальные пояса, имевшие много футов в длину, могли обозначать важные события и соглашения. Жреческие вампумы изобиловали символами, полными глубокого и тайного значения.

Голландец быстро выяснил, что и меха можно купить на вампум – индейцы называли его сиваном. Но англичане-пуритане из Массачусетса придумали лучше. Индейцы по традиции выкапывали раковины из песка летом, а зимой проделывали скрупулезную работу, дырявя их каменными сверлами. Но англичане воспользовались стальными, повышавшими производительность, и начали делать собственные вампумы, вытесняя местных индейцев. Еще неприятнее было то, что с ростом запаса вампумов возрастал и спрос на товары, а потому за одну и ту же вещь приходилось платить больше. Голландцы и англичане не видели беды в этой инфляции, однако индейцы, привыкшие заботиться о красоте и самоценности вампумов, заподозрили белых в надувательстве.

Сейчас ван Дейк держал в руках пояс. Его ширина не достигала и трех дюймов, зато длина равнялась шести футам, и он мог опоясаться им дважды. На тыльной стороне белых раковин виднелись красные геометрические фигурки.

¹³ Береговая улитка.

¹⁴ Съедобный моллюск, распространен у побережья Северной Атлантики. Имеет твердую круглую раковину.

– Знаешь, что это такое? – гордо указала на них девочка.
– Нет, – признался он.
– Тут сказано, – она повела пальцем, – «Отцу Бледного Пера». – И улыбнулась. – Будешь носить?
– Не снимая, – пообещал ван Дейк.
– Вот и хорошо.
Она радостно смотрела, как он обматывал вокруг себя пояс. Потом они долго сидели, следя за солнцем, которое медленно багровело и опускалось в леса за рекой.
Утром, прощаясь, он дал ей слово заглянуть на обратном пути.

Поход Дирка ван Дейка сложился тем летом удачно. Погода стояла прекрасная. На западном берегу раскинулись бескрайние леса, в которых по-прежнему хозяйничали алгонкиноязычные, как его дочери, племена. Он миновал знакомые затоны. И он путешествовал, как любил говорить, в качестве гостя реки. Мощное приливное течение, созданное океаном, отзывалось вверх по Гудзону на сто пятьдесят миль, до самого форта Оранж. Летом бывало, что миль на шестьдесят растекалась даже соленая морская вода. Поэтому ван Дейк отдался на волю течения и безмятежно приближался к землям могауков.

Могауков боялись многие. Все индейцы, жившие вокруг Манхэттена, говорили по-алгонкински, но многочисленные племена вроде могауков, контролировавшие обширные северные земли, изъяснялись на ирокезском языке. А эти племена не жаловали алгонкинов. Они теснили их уже сорок лет, совершали набеги и требовали дань. Но, несмотря на дурную славу могауков, голландцы относились к ним с простым прагматизмом: «Могауки грабят алгонкинов – тем лучше. Если повезет, алгонкины будут слишком заняты войной, чтобы докучать нам».

Голландцы даже продавали могаукам ружья.

Ван Дейк считал такую политику отчасти рискованной. Северные аванпосты Новых Нидерландов в форте Оранж и Скенектади находились на могаукской территории. Бывало, что тамошние могауки чинили неприятности. Стайвесант отправился в форт Оранж как раз по такому случаю. Ван Дейк его недолюбливал, но не сомневался, что старый губернатор справится с могауками. Они отличались воинственностью, однако были заинтересованы в торговле, а потому с ними можно было договориться.

Сам ван Дейк не боялся могауков. Он говорил по-ирокезски, знал их обычаи и всяко направлялся не в дальний форт Оранж, а к торговому посту на небольшой речке к югу от форта, до которого был день пути. Опыт подсказывал, что торговцев встречали радушно, что бы ни творилось в мире. Ван Дейк углубится в лесные дебри, продаст могаукам разбавленный бренди и вернется с неплохим грузом шкурок.

«Доверьтесь торговле, – говаривал ван Дейк. – Королевства рождаются и умирают, но торговля вечна».

Конечно, жаль, что приходилось иметь дело с могауками. Ему больше нравились алгонкины, народ его дочери. Но что поделать? Жадность белого человека до шкур и готовность индейцев их поставлять привели к тому, что в низовьях Гудзона почти не осталось бобров. Чтобы удовлетворить ненасытных белых, даже могаукам пришлось податься еще дальше на север, в окрестности озера Гурон. Но у могауков не истощались запасы. Это было главное. Поэтому теперь они были основными торговыми партнерами ван Дейка.

Путешествие заняло десять дней. Ван Дейк беспрепятственно проник во внутренний район. В отличие от алгонкинских деревень, торговый пост могауков являлся местом оседлости и был окружен надежным частоколом. Могауки были резки и суровы, но бренди взяли.

– Но лучше бы ты ружья привез, – попеняли они ван Дейку.

Шкурки он нагрузил больше, чем когда-либо прежде. Но, несмотря на ценную добычу, ван Дейк не спешил на Манхэттен. Он прикидывал, как бы ему потянуть время – день там, день тут.

Пусть Маргарета подождет.

Не очень долго. Он все рассчитал. Она назначила крайний срок – он его нарушит. Конечно, наплетет про дела, занявшие больше времени, чем он думал. Жена заподозрит его во лжи, но что она сможет сделать? Оставить ее в легкой неуверенности – таков был план. Он любил жену, но хотел показать, что помыкать им не удастся. Недели сверху должно было хватить. Таким образом, его гребцы не сильно напрягались, держа курс на юг, а ван Дейк хладнокровно подсчитывал дни.

Его беспокоило только одно – мелочь, не дававшая покоя.

У него не было подарка для дочери.

Вампум, который она ему дала, чего-то, конечно, стоил. Но он был бесценен. Дочурка сделала его собственными руками, прокалывала раковины, сшивала пояс час за часом в бесхитростный знак любви.

И чем ответить? Что дать ей взамен? Ван Дейк не умел работать руками – ни столярничать, ни плести, ни вырезать. «Мне неведомы все эти древние искусства, я могу только покупать и продавать. Как показать ей мою любовь без дорогих подарков?»

Он чуть не купил у могауков куртку. Но ей могла не понравиться могаукская одежда. К тому же он хотел дать ей что-то от собственного народа, кровь которого текла в ее жилах. Ван Дейк ломал голову, но так ничего и не придумал.

Оказавшись на алгонкинской территории, он велел править к западному берегу, где находилось селение, с которым ван Дейк уже вел дела. Он любил сохранять связи; вдобавок это было хорошим оправданием задержки.

Его приняли радушно. Жители деревни были заняты, наступило время урожая. В марте, как большинство окрестных индейцев, они сажали кукурузу, а в мае – фасоль, подпиравшую высокие кукурузные стебли. Сейчас убирали и то и другое. Ван Дейк и его люди задержались у них на два дня, помогая с уборкой. Это был тяжелый труд под палящим солнцем, но ему нравилось. Меха у алгонкинов было мало, но кукурузой они все еще торговали, и ван Дейк пообещал через месяц вернуться и забрать груз.

Жатва спорилась. На третий день все расселись за вечерней трапезой, и женщины начали выносить еду, когда показалась маленькая лодка. Правил ею один-единственный человек.

Ван Дейк присмотрелся. Лодка ткнулась в берег, мужчина вышел и выволок ее на сушу. Это был белокурый малый чуть старше двадцати, с немного торчавшими резцами. Лицо приятное, но жесткое. Несмотря на теплую погоду, на нем были сапоги для верховой езды и черный плащ, заляпанный грязью. Голубые глаза так и буравили взглядом. Незнакомец вынул из лодки кожаную сумку и повесил на плечо.

Индейцы подозрительно рассматривали его. Один обратился к нему, но тот явно не понимал алгонкинского, однако показал непринужденным жестом, что нуждается в крове и пище. Отказывать было не в обычае алгонкинов. Ван Дейк поманил незнакомца, чтобы тот сел рядом.

За считанные секунды он понял, что молодой человек не знает и голландского. Только английский, на котором ван Дейк говорил довольно прилично. Но блондин в черном плаще был осторожен и по-английски тоже сказал немного.

– Откуда вы? – осведомился ван Дейк.

– Из Бостона.

– Чем занимаетесь?

– Торговлю.

– А здесь какими судьбами?

– Ездил в Коннектикут. Там ограбили. Лишился коня. Решил отправиться по реке.

Ему дали кукурузы, и он принялся за еду, уклоняясь от дальнейших расспросов.

Ван Дейк был знаком с двумя категориями бостонцев. Первые были праведными пуританами и жили общинами в лучах Божьей славы. Но это был тяжелый свет. Нетерпимость Стайвесанта к изгоям вроде квакеров, которых тот гнал отовсюду при первой возможности, не шла ни в какое сравнение с нравами жителей Массачусетса. Говорили, что чужаков там били до полусмерти. Правда, незнакомец не показался ван Дейку набожным. Вторую категорию составляли люди, прибывшие в Новую Англию ради торговли и рыболовства. Суровые, крепкие мужики. Возможно, юнец был из них.

Но его рассказ прозвучал неправдоподобно. Может, сбежал от кого на запад? И лодку украл. Ван Дейк решил держать с ним ухо остро.

Тому Мастеру не везло. По пути в Бостон с английским флотом он несколько раз попал в шторм. Когда Том добрался до Бостона и ступил на порог родного дома, ныне занятого братом, Элиот приветствовал его взглядом, полным ужаса. Последовало многочасовое молчание, которое показалось Тому еще неприятнее, чем морские бури. Брат не выставил его за дверь, но в присущей ему спокойной и серьезной манере дал понять, что отца нужно слушаться, мертвый тот или живой, а Том, сделав попытку вернуться в семейный круг, нарушил всякие приличия.

Сначала Том обиделся, потом разозлился. На третий день решил обратиться все в шутку и знай посмеивался за спиной у брата.

Но стоило ему пуститься на поиски работы, как стало не до смеха. Было дело в дурной репутации или Элиот успел предупредить о нем всех подряд, но знакомые купцы дали ему от ворот поворот. Стало очевидно, что в Бостоне ему придется туго.

Он захотел выяснить, не помянул ли его отец в завещании. Спросил у брата, и Элиот ответил: «Сугубо при условиях, которые ты не выполнил». Том не усомнился в правдивости брата.

Как же быть? Вернуться в Лондон? Возможно, Элиот оплатит дорогу, если он навсегда уберется из Бостона. Но его раздражало быть изгнанным из города родным братом.

К тому же его привели сюда и другие соображения.

Флот герцога Йоркского остался в бостонской гавани. Командующий притворился, будто занимается в Бостоне делами герцога. Но в разговоре с молодым офицером подтвердились подозрения Тома: флот отправлялся в Новый Амстердам, и скоро.

– Если герцог отберет у голландцев Новые Нидерланды, то обретет здесь империю, – сказал офицер. – Нам хватит пушек и пороха, чтобы разнести Новый Амстердам в клочья.

Гарантии, данные английским королем голландцам, оказались обычным маневром монарха – наглой ложью.

А если так, то перед молодым англичанином в американских колониях открывались широкие возможности. Том решил, что глупо возвращаться в Англию. Нужен был план.

Идея созрела на следующий день. Дерзкая, как многие идеи Тома, но не без юмора. Он встретился в таверне со знакомой девушкой, чья репутация была изрядно подмочена, и завел с ней беседу. Через день вернулся поговорить еще. Когда он сказал, чего хочет, и назвал цену, девушка рассмеялась и согласилась.

Тем же вечером он обратился к брату.

Том начал с извинения. Признался в угрызениях совести из-за былых грехов. Это было воспринято молча. Том сообщил, что хочет осесть, пусть и скромно, и попытаться зажить праведной жизнью.

– Надеюсь, не здесь, – обронил брат.

Да нет же, именно здесь, утешил его тот. И не просто осесть – он и жену, похоже, нашел. При этой новости Элиот оторопел.

Том объяснил, что давно знает эту женщину – безупречной не назовешь, но она тоже готова остепениться. Спасти ее – лучший способ явить христианское милосердие и смирение. Или он не согласен?

– Что за женщина? – холодно спросил Элиот.

Том назвал имя и таверну, в которая та служила.

– Я понадеялся на твою помощь, – добавил он.

К полудню следующего дня Элиот разузнал достаточно. Девушка была обычной шлюхой. Она подтвердила: да, она с радостью выйдет за Тома, чтобы спастись и жить в Бостоне пусть даже в полной нищете и забвении, ибо все это было лучше ее нынешнего прискорбного положения. Элиот мгновенно заподозрил подвох, но юмора не понял. Не имела значения и правдивость услышанного. Было совершенно ясно, что Том задумал неладное и собрался его опозорить. Элиот решил, что брат готов и убраться, но за определенную цену. Вечером состоялся еще один разговор.

Беседа была выдержана в скорбной манере, которой Элиот владел мастерски. Она проходила в конурке, которую он использовал под кабинет. Их разделял стол, на нем – чернильница, Библия, резак для бумаги и шкатулка соснового дерева с новеньким серебряным долларом.

Предложение Элиота сводилось к передаче доли наследства, которую Адам Мастер завещал младшему сыну при том, и только при том условии, что тот предъявит доказательства своего приобщения к сонму праведников. Элиот честно уведомил брата, что нарушает отцовскую волю.

– Блаженны милостивы, – серьезно ответил Том.

– Итак, ты отказываешься вернуться в Англию?

– Совершенно верно.

– В таком случае вот письмо купцу из Хартфорда, что в Коннектикуте. Там более снисходительны к таким, как ты, – сухо произнес Элиот. – Условие же таково: ты никогда, ни при каких обстоятельствах не вернешься в Массачусетс. Ни даже на день.

– В Евангелии сказано, что блудный сын вернулся и встретил радушный прием, – благостно заметил Том.

– Он вернулся один раз, как ты уже сделал. Не дважды.

– Мне нужны деньги на дорогу. От твоего письма не будет толку до Хартфорда.

– Этого хватит? – Элиот вручил ему пару-другую вампумов и кошелек с несколькими шиллингами. Что-то, как рассудил Том, пойдет в уплату гулящей девице, а на оставшееся он проживет.

– Благодарю.

– Я опасаюсь за твою душу.

– Знаю.

– Поклянись, что не вернешься.

– Клянусь.

– Я буду молиться за тебя, – кивнул брат, явно не убежденный, что это поможет.

Том выехал рано утром. Перед отъездом он проскользнул в кабинет брата и умыкнул шкатулку с серебряным долларом. Просто назло.

Не сильно спеша, он двинулся на запад через Массачусетс и всю дорогу останавливался на фермах. Достигнув реки Коннектикут, Том должен был повернуть на юг, чтобы попасть в Хартфорд. Однако надобность подчиняться распоряжениям брата бесила его, и он без всякой на то причины ехал на запад еще несколько дней. Он никуда не торопился. Денег, спрятанных в небольшую сумку, должно было на какое-то время хватить. Он много

слышал о величии большой Северной реки. Наверное, имело смысл доехать и посмотреть, а уж потом повернуть обратно к Хартфорду.

Оставив Коннектикут позади, он перебрался на голландскую территорию, но не встретил ни души. Не забывая об индейцах, он осторожно продолжал путь еще пару дней. На исходе второго начался спуск, и вскоре Том увидел изгиб большой реки, а на уступе над берегом – голландскую ферму. Она была невелика: одноэтажный дом с широким крытым крыльцом; с одной стороны амбар, с другой – конюшня и приземистый флигель. Луг нисходил к берегу, где были деревянный причал и лодка.

В дверях Тома встретил худой и с кислой физиономией мужчина лет шестидесяти, ни слова не понимавший по-английски. Когда Том показал, что ищет ночлег, фермер нехотя дал ему знать, что ужинать можно в доме, но спать – в амбаре.

Поставив коня в стойло, Том вошел в дом и застал там фермера, двоих мужчин, которых принял за наемных работников, и чернокожего – очевидно, раба; все собирались ужинать. Хозяйка, низенькая, светловолосая и намного моложе фермера, позвала мужчин к столу и показала Тому его место. Тот не заметил ни следа детского присутствия. Том слышал, что голландские фермеры едят за одним столом с рабами, и сейчас наверняка стянулись все.

Женщина оказалась превосходной стряпухой. Жаркое было восхитительным, и запивали его элем. За ним последовал большой фруктовый пирог. Но говорили мало, и он, не зная голландского, не мог участвовать в беседе.

Том прикидывал, кто эта женщина. Может быть, фермер вдовец и снова женился? Или это дочь? Небольшого роста, но с пышной грудью; в ней было нечто решительно чувственное. Седой фермер называл ее Аннети. Мужчины относились к ней почтительно, но между ней и фермером угадывалось некоторое напряжение. Обращаясь к мужчинам, тот как будто ее игнорировал. Когда она подала фермеру жаркое, Том заметил, что тот слегка отпрянул. После она сидела и спокойно слушала, однако Том уловил в ней затаенное раздражение. Пару раз ему показалось, что она наблюдает за ним. Однажды их взгляды встретились, и она улыбнулась.

Когда трапеза завершилась, работники и раб отправились спать во флигель, а Том пошел в амбар. Темнело, но он нашел немного соломы, разложил на ней плащ и был готов улечься, когда увидел направлявшуюся к нему фигуру с лампой.

Это была Аннети. Она принесла кувшин с водой и печенье в салфетке. Отдавая, она коснулась его руки.

Том удивленно взглянул. Он не был зелен и знал, как заигрывают женщины, ошибки быть не могло. Он пригляделся к ней в свете лампы. Сколько ей? Тридцать пять? Весьма соблазнительна. Том посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Она чуть сжала его плечо и повернулась к выходу. Том наблюдал за лампой, плившей по двору к дому. Покончив с печеньем, он плотнул воды и лег. Ночь была теплая. Дверь амбара осталась открытой. В проем Том видел свет, проникавший сквозь ставни фермерского окна. Спустя какое-то время свет погас.

Он не знал, сколько продремал, когда был разбужен громким звуком, доносившимся из фермерского дома. Хозяин храпел. Слышно было, наверное, до самой реки. Том заткнул уши, попытался заснуть и почти преуспел, но вдруг понял, что не один. Дверь амбара была прикрыта. Рядом лежала Аннети. И тело ее было теплым. Из дома все разносились фермерские рулады.

Том проснулся перед самым рассветом. Зазор под дверью чуть посветлел. Аннети спала под боком. Храп прекратился. Что, фермер встал? Том пихнул Аннети, и та зашевелилась. В ту же секунду скрипнула дверь, и на них пал холодный и бледный свет.

Старый фермер стоял на пороге. Он наставил на Тома кремневое ружье.

Аннети тупо смотрела на старика. Но фермера интересовал Том. Он зна́ком велел ему подниматься. Натянув одежду, Том подчинился, подхватил плащ и ранец. Фермер указал на

дверь. Застрелит снаружи? Но во дворе фермер повел стволом в направлении тропы, уходящей за косогор. Приказ был ясен: проваливай.

Том в свою очередь показал на конюшню, где был его конь. Фермер взвел курок. Том сделал шаг. Фермер прицелился. Неужто старый голландец и правда его прикончит? Вокруг на многие мили не было жилья. Исчезни он – кто хватится? Том нехотя повернул к тропе и пошел в сторону леса.

Но, скрывшись из виду, он остановился, чуть выждал и крадучись вернулся к ферме. Все было тихо. Что бы ни произошло между фермером и Аннети, это никак не проявилось. Обогнув дом, Том подкрался к стойлу.

Грохот заставил его подскочить. Пуля прошла над головой и ударилась в дверь конюшни. Том обернулся и увидел старого фермера. Тот стоял на пороге и перезаряжал ружье.

Том заозирался в поисках выхода. Он припустил к реке, добежал до пристани с лодкой. Отвязать последнюю было секундным делом. Слава богу, в лодке было весло. Но едва он забрался внутрь, как прогремел очередной выстрел, и всплеск показал, что старик промахнулся всего на пару футов. Схватив весло, Том оттолкнулся и начал бешено грести. Он не остановился и даже не оглянулся, пока не удалился на четверть мили. После этого поплыл по течению и причалил к берегу, когда оно переменялось.

На привале до Тома дошло, что он так и не понял, была ли Аннети женой старика, дочерью или находилась с ним в каких-то совсем иных отношениях. Он знал одно: у фермера остался его конь, который стоил намного дороже лодки.

Эта мысль расстроила Тома.

Ван Дейк оставил Тома в покое, и тот доел молча. Но чуть погода спросил, видел ли тот в Бостоне английский флот. На миг Том замаялся, но после признал, что видел.

– И чем этот флот занимается? – не отставал ван Дейк.

Молодой человек снова помедлил, затем пожал плечами:

– Какими-то бостонскими делами, когда я уезжал.

Он взял кукурузную лепешку и какое-то время жевал, глядя в землю, но у ван Дейка осталось впечатление, что парень знает больше, чем говорит. Индейцы спросили, хороший ли человек этот незнакомец.

– Не знаю, – ответил он по-алгонкински. – Присматривайте за ним.

Индейцы стали настаивать, чтобы ван Дейк вернулся на исходе лета, когда начнется охотничий сезон. Ван Дейк уже охотился с ними. Большая охота была развлечением, но развлечением жестоким. Выследив оленя, участники выстраивались в огромную дугу – чем больше народа, тем лучше – и шли через лес, загоня зверя к реке. Очутившись в воде, олени не могли бежать быстро, и убивать их было легко. Алгонкинам жилось хорошо, пока оставались олени. Ван Дейк пообещал явиться. Какое-то время он продолжал поддерживать веселую беседу.

Было видно, что его откровенная дружба с индейцами заинтриговала молодого англичанина, так как потом тот спросил, всегда ли голландцы приятельствуют с туземцами.

– А вы, англичане, не потрудились изучить индейские обычаи?

Молодой человек помотал головой:

– Бостонцы желают лишь одного – избавиться от своих индейцев. Это не трудно. Им нужно только одно.

– И что же?

– Вампумы, – криво улыбнулся тот. – Бостонцы заставляют индейцев платить дань вампумами по числу мужчин, женщин и детей. Но те, как правило, не успевают изготовить

их в срок. Ну и взамен у них отбирают землю. Индейское население сокращается с каждым годом.

– А если платят?

– Тогда наши магистраты¹⁵ штрафуют их за преступления.

– Это за какие же?

– Мало ли, – пожал плечами Том. – В Массачусетсе преступление не одно, так другое. Наступит день, когда индейцев там не останется.

– Понятно.

Ван Дейк с отвращением посмотрел на молодого англичанина, испытывая желание ударить, но тут до него дошло: разве его соотечественники-голландцы лучше? Число алгонкинов в Новых Нидерландах ежегодно уменьшалось. Охотничьи угодья почти исчезли с Манхэттена. На землях Бронка и Йонкера индейцев подкупали и гнали прочь. То же самое творилось на Лонг-Айленде. Не приходилось сомневаться, что со временем алгонкинов вытеснят и отсюда, из-за великой реки, где у голландцев пока имелось лишь несколько аванпостов. Добавить к этому опустошительные европейские болезни – корь, оспу и тому подобное... Нет, уныло заключил ван Дейк, не имеет значения, откуда мы прибываем, ибо белый человек рано или поздно уничтожит индейцев.

Хотя эти раздумья остудили пыл ван Дейка, ему хотелось осадить юнца. Когда Том заметил, что бостонцы полагают, будто индейцы прекрасно обойдутся вампумами, а сами производят расчеты в фунтах, он воспользовался случаем.

– Беда ваша в том, – сказал он, – что вы толкуете о фунтах, а подержаться не за что. У индейцев хотя бы вампумы есть. Мне сдается, – продолжил он холодно, – что в этом смысле индейцы вас обогнали.

Он умолк, следя за реакцией.

Это была чистая правда. В Англии встречались традиционные пенни, шиллинги и золотые флорины. Но монет высшего достоинства не хватало. Что до колоний, то положение становилось и вовсе убогим. В Виргинии, например, валютой оставался табак, и бизнес часто сводился к бартеру. В Новой Англии практически не было ни серебряных, ни золотых монет, хотя торговцы производили расчеты в фунтах стерлингов и выписывали личные векселя.

Но если ван Дейк надеялся смутить англичанина, то зря. Том рассмеялся.

– Не спорю, – признал он. – Вот единственные деньги, которым я верю.

Вынув из-за пазухи шкатулку, он пристукнул по ней пальцем и вручил ван Дейку. Шкатулка была сделана из сосны и удобно легла в ладонь голландца. Тот откинул крышку. Внутри на сукне лежала одинокая монета, блеснувшая в угасавшем свете.

Это был серебряный доллар, похищенный у брата.

Голландцы называли доллары даальдерами, но слово больше напоминало немецкое «талер». Купцы уже почти век пользовались долларами, и большую их часть в Новом Свете изготавливали голландцы. Хождение имел дукатон, больше известный как дукат, с отчеканенным всадником и достоинством в шесть английских шиллингов. За ним шел риксдаальдер, который англичане называли риксдолларом, равнявшийся пяти шиллингам – или восьми испанским реалам, если плыть на юг. Но чаще встречался львиный доллар.

Он был немного дешевле остальных, зато красивее и крупнее. На лицевой стороне был выбит рыцарь во весь рост со щитом, на котором изображался лев, стоящий на задних лапах; на оборотной тот же лев занимал уже всю поверхность. У монеты имелся небольшой изъян: чеканка бывала неудачной. Но это не имело значения. Красивыми голландскими львиными долларами рассчитывались от Новой Англии до испанского Мэна.

¹⁵ Судья первой инстанции, избираемый в городских районах и рассматривающий дела о нарушениях правил дорожного движения и легких преступлениях, а также мелкие гражданские иски.

– Голландские деньги, – усмехнулся Том, когда ван Дейк извлек и осмотрел монету.

Львиные доллары обычно бывали затертыми, но на этом не было ни царапины – новехонький, блестящий. И тут голландца осенило.

Он встал и направился к двум индейским девушкам примерно тех же лет, что Бледное Перо. Показал им монету, дал подержать. Их лица светлели по мере того, как они вертели сверкающий диск, рассматривали изображение и поворачивали монету так и сяк, ловя заходящее солнце. «Почему, – подумал ван Дейк, – серебро и золото завораживают людей – что мужчин, что женщин?»

– Красивая, – сказали девушки.

Ван Дейк вернулся к молодому бостонцу и заявил:

– Я покупаю ее.

Том прикинул в уме:

– Она обойдется вам в дукат и бобровую шкурку.

– Что?! Да это грабеж!

– Шкатулка сверху, – жизнерадостно добавил Том.

– Вот прохвост! – развеселился голландец. – Но я беру.

Он не стал торговаться. Проблема разрешилась. Шкурка была жертвой, которой он чуть не порадовался, так как у него появился подарок для дочери.

Ван Дейк заночевал в лодке, чтобы Том ничего не стащил. Лежа на шкурах и ощущая вес шкатулки с серебряным долларом в поясном кошелье, он вслушивался в шелест крон и с довольной улыбкой различал дочкин голос, как та обещала.

Утром ван Дейк расстался с молодым англичанином. Он рассчитывал еще до вечера добраться до деревни Бледного Пера, провести с дочерью завтрашний день и после взять курс на Манхэттен.

Погода стояла теплая, ван Дейк был в открытой рубашке. Он сменил обычный кожаный пояс на дочкин вампум, к которому прицепил кошель с серебряным долларом.

Река была почти пустынно. Иногда они замечали в заводях индейские каноэ, но лодку несло течением на простор, и путь был свободен. Крутой западный берег защищал реку от легкого бриза. Вода была безмятежна. Они плыли в почти неземной тишине. Чуть позже они миновали излучину, где над западным берегом вздымался скалистый выступ, похожий на часового. Ван Дейк называл эти вехи по своему вкусу. Эту – Западным Пиком, или Вест-Пойнт. Чуть погодя река повернула вновь и миновала небольшую гору со сплюсненным горбом, которую он прозвал Медвежьей. Затем река разливалась на две-три мили от берега до берега и оставалась такой на протяжении пятнадцати миль к югу, пока не сужалась до длинного пролива, который тянулся мимо Манхэттена до просторной бухты.

Время текло, и они все еще находились на несколько миль выше пролива, когда один из гребцов кивнул ван Дейку, и тот, оглянувшись, заметил милях в пяти другую лодку, следовавшую за ними. Присмотревшись, он понял, что она настигает их, и быстро.

– Должно быть, спешат куда-то, – обронил ван Дейк без особого интереса.

Спустя полчаса, когда пролив был уже близок, он оглянулся опять и удивился скорости лодки. Она была намного больше его собственной, с мачтой, но ветер дул с юга, и лодка шла на веслах. Она уже вдвое сократила расстояние между ними и стремительно приближалась. Ван Дейку не удавалось сосчитать весла, но в одном факте сомневаться не приходилось.

– Гребут как бешеные, – произнес он.

Они вошли в узкий пролив, и ван Дейк разрешил гребцам передохнуть. Лодка плыла вдоль западного берега. Полуденное солнце бросало лучи на серые скалы, образовавшие каменный Палисад. Вода подернулась рябью. Ван Дейк оглянулся, но лодку, которая, по его мнению, должна была последовать за ними в пролив, не стало видно за поворотом.

И вдруг она появилась. Лодка летела стрелой, и теперь он видел ее во всех подробностях: большая, вытянутая, обшитая внакрой, крытая в середине, где высилась мачта. На четырех парах весел сидело восемь гребцов. Осадка была малой, что означало отсутствие груза. Зачем пустой посудине так гнаться? На корме стоял человек, но ван Дейк не мог его рассмотреть.

Лодка приблизилась. Она отставала всего на несколько длин, потом на одну. И вот поравнялась. Он озадаченно взглянул на стоявшую фигуру.

Лишь с тем, чтобы узреть отлично знакомое лицо. Инстинкт подсказал, что лучше бы им не встречаться. И человек ответил ему немигающим взглядом.

Стайвесант.

Ван Дейк быстро отвернулся, но было поздно.

– Дирк ван Дейк! – разнесся над водой каркающий голос.

– Добрый день, губернатор! – откликнулся он. Что тут скажешь?

– Живее! Почему не спешим? – Теперь Стайвесант поравнялся с ним. Не дожидаясь ответа, он обратился к гребцам ван Дейка: – А ну, приналягте! Быстрее! – Гребцы, узнавшие грозного губернатора, немедленно подчинились, и лодка пошла полным ходом. – Вот так! – крикнул тот. – Молодцы! Не отставайте. Мы поплывем вместе, Дирк ван Дейк.

– Но почему? – прокричал ван Дейк.

Губернатор уже чуть поотстал, но его люди держали скорость, и они могли продолжать перекрикиваться.

– Не знаете, что ли? Англичане в Манхэттенской бухте. Весь флот!

Значит, английский флот все же прибыл. Ван Дейк ничего не слышал об этом, но не удивился. Должно быть, жители Нового Амстердама послали в форт Оранж гонца, и губернатор мчался обратно, воспользовавшись отливом. Индейцы, конечно, скоро проведуют, но на это уйдет какое-то время.

Понятно, что англичане лгали. Он подумал о парне из Бостона. Знал ли Том об их прибытии? Наверняка. Вот почему он замешкался при вопросе об английском флоте.

– Что будем делать? – крикнул ван Дейк Стайвесанту.

– Сражаться, ван Дейк! Нам понадобятся все до единого!

Губернаторский лик превратился в камень. Он твердо и прямо стоял на своей деревяшке, несокрушимый, как никогда. Нельзя было не восхищаться им. Но если английский флот прибыл из Бостона в полном составе, то это грозная сила. На кораблях будут пушки. Несмотря на все последние старания Стайвесанта, ван Дейк не мог представить, что береговые укрепления Нового Амстердама продержатся долго. Если Стайвесант рвался в бой, тот станет кровавым и неблагодарным делом.

Как будто в тон его мыслям, набежала туча, и каменные Палисады вдруг потемнели, приобретя вид мрачный и угрожающий.

Что бы ни говорил Стайвесант, ван Дейк мгновенно смекнул и другое. Если опасность такого курса очевидна ему, то ее осознают и все остальные купцы. Поддержат ли жители Нового Амстердама своего губернатора в борьбе с англичанами? Наверное, нет, если те прибыли во всеоружии. Грозил ли опасность его семье? Вряд ли. Хотят ли англичане сровнять город с землей и насмерть поспориться с голландскими торговцами? Ван Дейк сомневался в этом. Англичанам был нужен богатый порт, а не озлобленные руины. У них были все основания выдвинуть щедрые условия. Ван Дейк считал, что только политика и религия делают людей опасными. Торговля наделяет их мудростью. Он решил, что вопреки Стайвесанту все завершится сделкой.

А если так, то нужно ли мчаться на Манхэттен со Стайвесантом, уподобившись ангелу мщения?

Он посмотрел вперед, на реку. С такой скоростью они через час достигнут северной оконечности острова. Ван Дейк перевел взгляд на своих гребцов. Удержат темп? Скорее всего, нет. И хорошо. Если удастся слегка сбавить ход, то он отстанет от Колченогого, не достигая Нового Амстердама.

Ван Дейк выжидал. Лодка губернатора уже оказалась впереди.

– Поднажмите! – крикнул Стайвесант, повернувшись к ним.

– Я с вами, мой генерал! – отозвался ван Дейк.

Его люди услышали, чуть налегли и какое-то время следовали впритык. Тем лучше. Пусть вымотаются. Лишь бы ненадолго успокоить губернатора.

Нос лодки поймал небольшую волну, взлетел и шлепнулся на воду, так что ван Дейка шатнуло вперед. Он выпрямился, и поясной кошель слегка ударил по бедру. Ван Дейк глянул вниз, подумал о надежно спрятанном серебряном долларе и потрясенно осознал: они почти достигли деревни Бледного Перо. Неожиданная история со Стайвесантом заставила его забыть о дочери. Шлепок по ноге явился напоминанием.

Бледное Перо. Что делать?

Стайвесант продолжал сверлить его взглядом. Ван Дейк не посмел повернуть к деревне. Он знал, что с губернатора станется догнать его и силой вернуть на реку.

Минуты летели. Две лодки, удерживаемые незримой силой воли Стайвесанта, неслись по течению. И вот на восточном берегу показалась деревня. На мелководье виднелись индейцы с рыболовецкими сетями. Еще дальше, сверху, за ними наблюдали другие – наверное, женщины. Была ли среди них Бледное Перо? Он не мог разглядеть. Знала ли она, что он проплывает мимо и не задерживается даже на секунду, несмотря на обещание? Решит ли, что отец от нее отвернулся?

Он пристально смотрел через реку, потом отвел глаза. Если дочь была там, он не хотел видеть ее лица. Глупый поступок. Его не разглядеть даже с ее зоркостью. Он склонил голову, уставился на шкурки в ногах и устыдился. Индейская деревушка уплывала прочь. Ван Дейк оглянулся. Он все еще видел женщин, стоявших в ряд, но они расплылись и стали неразличимы.

Лодка покрыла очередную сотню ярдов. Затем еще.

– Разворачивайтесь к берегу! – приказал ван Дейк.

Гребцы пришли в удивление.

– Но, босс... – начал было один.

– Поворачивайте! – Он указал на восточный берег. В конце концов, он и был боссом.

Гребцы нехотя подчинились.

Стоило лодке развернуться, как Стайвесант сразу заметил.

– Что, черт возьми, вы делаете?! – закричал он.

Ван Дейк заколебался. Ответить? Он лихорадочно соображал.

– Я догоню! – крикнул он, надеясь выразить тоном, что его единственное желание – быть с губернатором. – Мы скоро подтянемся!

– Держите курс! – проорал Стайвесант. Через секунду его голос снова разнесся над водой. – Забудь о своем индейском отроде, ван Дейк! Подумай о родине!

Откуда он узнал о Бледном Перо? Ван Дейк про себя обругал губернатора. Привозить девочку в Новый Амстердам было ошибкой. Не следовало этого делать.

– Следуй за мной, Дирк ван Дейк! – вновь заорал Стайвесант. – Оставь свою метиску и ступай за мной! Иначе, клянусь, я все расскажу твоей жене!

Ван Дейк снова выругался. Неужели его жена обсуждала девочку с губернатором? И вообще, что у нее за отношения со Стайвесантом? Кто ее знает. Но угроза рассказать Маргарете была серьезной. Одно дело – оставить ее в сомнении насчет того, где он был. Но если она узнает, что он пренебрег губернатором, не защитил семью – а так она и скажет – и все

ради дочери-полукровки... Это будет тяжким обвинением. Такого Маргарета не потерпит. Бог знает, во что она превратит его торговлю и семейную жизнь. Проклятый Колченогий! Черт бы его побрал! Ван Дейк кивнул гребцам.

– Ладно, – сказал он покорно.

Лодочный нос развернулся и снова нацелился по течению.

Ван Дейк смотрел перед собой. Что за тщетные метания! Неужто он отныне обречен повсюду следовать за Колченогим? Делать то самое, чего он всячески избегал?

Промедление создало немалый разрыв между его лодкой и губернаторской. Он подумал об английском флоте, о полном решимости, недалеком губернаторе и гневном, уязвленном лице жены. Подумал о ждавшей его невинной, незащитной дочурке. Серый скальный Палисад как будто вторил ему беззвучными стенаниями под шорох воды. Ван Дейк снова оглянулся. Деревня скрылась за деревьями. Он собирался к дочери, а потом прошел стороной.

– Поворачивайте!

– Босс?

– Мы возвращаемся. Поворачивайте! – велел он.

Мужчины неуверенно переглядывались.

– Или вам хочется сцепиться с англичанами?! – заорал ван Дейк.

Те снова переглянулись. И подчинились. Нос лодки развернулся к восточному берегу.

Стайвесант все смотрел. Он увидел и понял. И голос его разнесся над потоком с неслышной силой:

– Предатель! – Это слово достигло ван Дейка как громовой раскат. Как знать, быть может, оно долетело до самых истоков реки на дальнем севере. – Изменник!

Ван Дейк следил за губернаторской лодкой, но та не изменила курса. Их пути разошлись, и оба это знали, куда течение великой реки несло Стайвесанта на юг, а ван Дейк, свободный хоть ненадолго, плыл обратно, чтобы вручить своей дочке сверкающий доллар.

Нью-Йорк

Меня зовут Квош, и это значит, что я родился в воскресенье. Я знаю, потому что в Африке, откуда вышел мой народ, ребенка часто называют по дню недели, в который он появился на свет. Мне сказали, что в Африке я звался бы Квази. Родись я в пятницу, был бы Кофи, а по-английски – Каффи. Дитя понедельника носит имя Коджо, у англичан – Куджо, и есть другие похожие имена.

Я думаю, что родился примерно в 1650 году от Рождества Господа нашего. Моего отца и мать продали в рабство на Барбадос. Когда мне было пять, нас с матерью забрали от отца и продали снова. На рынке нас разлучили. С тех пор я не знаю, что с ней стало, но меня купил голландский морской капитан, и в этом мне повезло, потому что он привез меня в Новый Амстердам, как тот назывался тогда; останься я там, где был, меня бы нынче и в живых не было. В Новом Амстердаме голландский капитан продал меня, и я стал собственностью мингера Дирка ван Дейка. Мне было шесть. Отца я не помню вовсе, а мать – только чуточку; они, конечно, давным-давно умерли.

С малых лет я мечтал получить волю.

Я узнал, что это такое, от старого чернокожего, которого встретил, когда мне было лет восемь или девять. В те времена рабов в провинции Новые Нидерланды было всего шестьсот, причем половина приходилась на город. Одни принадлежали семьям, другие – Голландской Вест-Индской компании. И однажды я заметил на рынке чернокожего старика. Он сидел в повозке, на нем была большая соломенная шляпа, и он улыбался и выглядел довольным собой. Ну, я и подошел к нему, потому был нагловат, и сказал:

– У тебя счастливый вид, старый. Кто твой хозяин?

А он ответил:

– У меня нет хозяина. Я вольный.

И объяснил, что это значит.

Голландская Вест-Индская компания, которая годами раньше ввезла партии рабов и использовала их на многих общественных работах, как то: строительство форта, мощение улиц и тому подобное, предоставила землю некоторым из тех, кто трудился лучше и дольше других и посещал церковь, и сделала их вольными на определенных условиях дальнейшей службы. Они назывались вольноотпущенниками. Я спросил, много ли таких.

– Нет, всего несколько, – ответил он.

Некоторые жили неподалеку от стены, другие – дальше, на восточной стороне острова, а третьи обосновались за северной рекой в местности, которую называли Павонией. У меня было мало надежды на такую судьбу, но мне показалось, что вольным быть здорово.

Мне, правда, повезло попасть к добрым людям. Мингер ван Дейк был сильным и энергичным человеком, который любил торговлю и путешествия вверх по реке. Его жена была щедрая красивая леди. Она строго держалась Голландской реформатской церкви, пасторов и губернатора Стайвесанта. Она была невысокого мнения об индейцах и не любила, когда ее муж пребывал среди них.

Впервые попав в этот дом, я застал там кухарку и наемную служанку Анну. Ей оплатили проезд через океан, за что она обязалась отработать семь лет, после чего ей причиталась некоторая сумма денег и воля. Я же был просто рабом.

Мингер ван Дейк и его жена всегда пеклись о семье. Если и ссорились, то мы видели это редко; для них не было большей радости, чем собраться за столом всем семейством. Я работал в доме и много времени проводил с их детьми, а потому знал голландский почти не хуже, чем они сами.

С их сыном Яном мы были примерно одних лет. Он был ладным мальчуганом с копной каштановых волос. Похож на отца, но сбит покрепче – наверное, пошел в мать. Маленькими мы часто играли и всегда оставались друзьями. Что до его сестренки Клары, то она была милейшее дитя на свете – златовласая и синеглазая. Крошкой я возил ее на закорках, и даже в десять или одиннадцать лет она заставляла меня таскать ее на себе и при этом хохотала, уверяя, что хочет лишь меня подразнить. Я любил это дитя.

Я всегда был отличным бегуном. Иногда мингер ван Дейк устраивал нам забеги: ставил Яна передо мной, а маленькую Клару – почти у финишной черты. Яна я обычно обгонял, но, поравнявшись с Klarой, притормаживал и бежал сзади впритык, чтобы она, к ее великому восторгу, выиграла.

Некоторые голландцы жестоко обращались с рабами, но мингер ван Дейк и Госпожа всегда были ко мне добры. Когда я был мал, мне поручали только легкую работу. Когда подрос, мингер ван Дейк приспособил меня ко множеству дел. Я вечно таскал и волок то одно, то другое. Но выпорол он меня только раз, когда мы с Яном разбили стекло, и нам досталось поровну.

Мне было лет четырнадцать, когда мингер ван Дейк преуспел в делах и стал важной птицей. Все начали звать его Боссом, и я в том числе. С этого момента я так и буду его называть. Примерно в то же время Госпоже пришло в голову, что хорошо бы нарядить меня в ливрею и сделать слугой в большом доме. Босс посмеялся, но возражать не стал. Мне очень шла эта голубая ливрея, и я чрезвычайно гордился собой. А Госпожа научила меня отворять дверь гостям и прислуживать за столом, и мне это страшно понравилось. А она сказала: «Квош, у тебя красивая улыбка». Ну, я и старался улыбаться без усталости и был у нее в фаворе, и у Босса тоже. Однажды к нам пришел старый пастор Корнелий, весьма влиятельный человек. Он был высок, неизменно в черном и, несмотря на возраст, держался очень прямо. Даже он похвалил мой вид, когда разговаривал с женой Босса. После этого я уже не мог ее огорчить. И думаю, что из-за этого доброго отношения возмнил о себе слишком много. Наверное, какое-то время я считал себя скорее наемным слугой, чем рабом. И часто прикидывал, что бы сделать, чтобы семья оценила меня еще выше.

Примерно через месяц после того визита Госпожа дала мне какое-то поручение, и я встретил старого пастора на улице, опять-таки в черном и в большой заостренной шляпе с широкими полями. Всего несколько дней назад я вбил себе в голову, будто способен возвыситься в глазах Босса и его родных, поскольку вспомнил слова чернокожего старика о том, что вольноотпущенникам разрешалось принять христианство и посещать голландскую церковь. И вот, увидев старого пастора, я подошел и очень почтительно произнес:

– Доброе утро, сударь.

А он ответил суровым взглядом, поскольку я отвлек его от дум, однако узнал меня и произнес:

– Ты раб ван Дейков.

– Да, сударь, – кивнул я. – И мне хотелось кое о чем спросить у вашего преподобия.

– Вот как? О чем же?

– Могу ли я вступить в лоно Церкви, – ответил я.

Некоторое время он смотрел на меня как громом пораженный:

– Ты хочешь стать членом моей паствы?

– Да, господин.

Он опять замолчал и только стоял, рассматривая меня холодно и задумчиво. Когда заговорил, его голос был тих:

– Я понимаю, чего тебе нужно. – (И я, будучи молодым и глупым, решил, что это к добру.) – Ты ищешь лучшей доли?

– Да, господин, – подтвердил я, испытав надежду и улыбнувшись лучезарно, как мог.
– Так я и думал, – буркнул он, скорее обращаясь к себе, и кивнул. – К пастве присоединяются из любви к Богу, а не ради награды.

А я, пожив с ван Дейками и зная, как воспитывались их дети, вообразил, будто немного разбираюсь в христианской религии. Я позабыл, что был рабом, а он – пастором, и вздумал спорить.

– Но это делают, чтобы избежать адского пламени, – возразил я.

– Нет. – (Мне показалось, что он не был настроен на беседы со мной, но как пастор считал своим долгом наставить даже раба.) – Кто пойдет в ад, а кто спасется, уже предрешено, – сказал он. – Благодетельные служат ради Господа, не для себя. – Затем он нацелил в меня палец. – Смирение, молодой человек, есть цена приобщения к Церкви. Понятно тебе?

– Да, господин.

– Ты не первый раб, который воображает, будто служение нашей Церкви ведет на волю. Но это недопустимо. Мы повинемся Богу, потому что Он благ. Но не ради себя. – Теперь его голос стал громче, и какой-то прохожий оглянулся. – Бога не проведешь, молодой человек! – крикнул он мне, сверкнул глазами и пошел прочь.

Спустя несколько дней со мной заговорил Босс:

– Я слышал, ты побеседовал с преподобным Корнелием... – И он странно посмотрел на меня.

– Да, Босс, – ответил я, но впредь уже не заговаривал о религии.

А вскоре произошли события поважнее, чем спасение моей души. Летом, когда Босс отправился вверх по реке, прибыли англичане.

Я работал на кухне, когда вбежал Ян с новостями.

– Скорее, Квош! – позвал он. – Побежали к реке!

Я не знал, позволит ли Госпожа, но в следующую секунду пришла и она с маленькой Кларой. Помню, что Кларино круглое личико пылало от возбуждения. И мы всем скопом отправились на берег к форту. День выдался ясный, и бухта была как на ладони. Там, вдалеке, виднелись два английских парусника. Они перекрыли вход в гавань, чтобы не вышел и не вошел ни один корабль. То и дело появлялись клубы белого дыма. Затем, после долгой паузы, долетал орудийный грохот, больше похожий на гул, так как стреляли милях в семи от нас. Люди, стоявшие у воды, отзывались криками. Ходили слухи, что английские колонисты за Бруклином начали мобилизацию и вооружались, хотя наверняка не знал никто. На гавань со стены форта навели пушку, но губернатор отсутствовал, ответственность брать никому не хотелось, и Госпожа пребывала в крайнем негодовании. По-моему, она бы с удовольствием взяла все на себя.

Гонцов уже послали за губернатором, но тот поспел лишь через пару дней. Все это время английские корабли оставались на месте, не пытаясь приблизиться.

И вот однажды вечером губернатор вернулся и заступил на пост, а Госпожа, едва услышав об этом, отправилась к нему. Домой она вернулась ужасно злой, но почему – не сказала. На следующее утро возвратился и Босс.

Когда Босс вошел, Госпожа заметила, что его долго не было. И он ответил, что вернулся, как смог. А губернатор сказал иначе, возразила она. Ей доложили, что он останавливался в пути. И Госпожа хмуро посмотрела на Босса. Англичане напали на его семью, а он устроил привал – так она заявила.

– И правда, – расплывается в улыбке Босс. – Ты бы радовалась!

На это она ответила довольно суровым взглядом, но ему и дела не было.

– Смотри, – говорит он, – когда Стайвесант сказал мне об англичанах, я понятия не имел, что происходит. Мне было известно одно: они уже вошли в город, захватили наше

добро и выставили тебя на улицу. Что же, пускай и груз забирают? Довольно ценный, между прочим! У нас могло ничего не остаться, кроме него. Поэтому я решил переправить его в надежное место. Он находится у индейского вождя в деревне, куда я отправился на глазах у Стайвесанта. Грет, я много лет знаком с этим индейцем. Он один из немногих, кому я доверяю. И ты, наверное, согласишься с тем, чтобы груз оставался там, пока не закончится эта канитель.

Ну и Госпожа не сказала больше ни слова, но я-то понял, каким замечательным человеком был Босс, не забывавший о родных.

Суматоха в Новом Амстердаме продлилась весь день. Лодки сновали туда-сюда, возя депеши от английского командующего полковника Николлса губернатору Стайвесанту, и наоборот, но что говорилось в этих посланиях, никто не знал, а губернатор помалкивал. Тем временем английские боевые корабли продолжали перекрывать пролив.

На следующий день мы с Боссом и Яном пошли на берег и увидели толпу. Люди указывали в сторону Бруклина, налево от нас. И там отчетливо сверкало оружие английских войск, собиравшихся у переправы. А кто-то указал на горловину пролива, сообщив, что англичане высадили войска еще и западнее, на большом холме, который голландцы называют островом Статен.

Там был мингер Спрингстин.

– В форте у нас сто пятьдесят человек, – сказал он Боссу, – а в городе мы соберем еще двести пятьдесят, способных сражаться. Итого – максимум пятьсот даже с рабами. У английского полковника вдвое больше обученных войск. И еще поговаривают об отрядах английских колонистов на длинном острове.

– В форте есть пушка, – ответил Босс.

– Пороху мало, – говорит тот. – И боеприпасов. Если английские корабли подойдут ближе, они разнесут нас в клочья. – Он взял Босса под руку. – Ходит слух, что они потребовали сдать город, а Стайвесант чтобы не дергался.

Когда мингер Спрингстин отошел, Ян спросил у Босса, не перебьют ли нас англичане.

– Не думаю, сынок, – ответил тот. – Мы куда важнее для них живыми. – Затем рассмеялся. – Но кто их знает!

И пошел толковать с какими-то торговцами.

Дома он сообщил Госпоже, что купцы не желают драться, а та разгневалась и обозвала их трусами.

На следующий день в лодке прибыл губернатор Коннектикута Уинтроп. Я видел его. Маленький смуглый человек. И у него было очередное письмо от полковника Николлса. Он и губернатор Стайвесант отправились на переговоры в таверну. Теперь уже все купцы собрались на берегу, желая узнать, что происходит, и к ним присоединился Босс. Вернувшись, он сообщил, что кое-кто из торговцев выведал у людей губернатора Уинтропа о чрезвычайно легких условиях англичан в случае, если Стайвесант сдаст им город, поэтому, когда Уинтроп отбыл, они потребовали у губернатора Стайвесанта показать английское письмо. Но губернатор Стайвесант не только не показал, но и разорвал его у них на глазах, и купцы рассвирепели. Впрочем, они подобрали клочки и сложили. Так они выяснили, что англичане были готовы позволить им сохранить все голландские обычаи, а также имущество и вообще заниматься ровно тем же, чем прежде, при условии, что губернатор Стайвесант отдаст город и не будет чинить неприятностей. Всем именно этого и хотелось. То есть всем, кроме губернатора Стайвесанта.

Госпожа была целиком и полностью за него.

– Он правильно сделал! – закричала она. – Единственный мужчина среди вас!

И обозвала купцов сворой безродных псов, а потом еще кое-что сказала, чего я не стану повторять.

Тут на улицах завопили: «Англичане идут!» И мы все помчались на берег – и точно: английские военные корабли вошли в гавань и направлялись к нам. Постепенно они обложили город, наставив на нас пушки, и так остались стоять, просто показывая, что они делают, если захотят.

Ну и наутро все купцы подписались под петицией к губернатору с требованием сдаться. Госпожа спросила у Босса, подпишет ли он, и тот ответил: «Подпишу». Поставил подпись даже родной сын губернатора Стайвесанта, что стало тяжелым ударом для отца. Но Стайвесант не уступал. И мы толпой отправились в форт, где увидели губернатора, в одиночестве стоявшего у пушки на крепостном валу, и ветер трепал его белые волосы, а Босс сказал: «Черт побери! Похоже, он хочет выстрелить сам». Но к нему подошли два пастора и принялись умолять не делать этого, чтобы не погубить всех. И наконец они, будучи людьми Божьими, убедили его спуститься. И город достался англичанам.

На родине англичане так обрадовались победе, что объявили голландцам войну, рассчитывая отхватить еще больше. Но вскоре голландцы отплатили им, прибрав к рукам кое-какие богатые области в тропиках. На следующий год в Лондоне разразилась чума, а после город сгорел в Великом пожаре, а еще через год голландцы доплыли по Темзе до самого Лондона, захватили лучший боевой корабль короля. Англичане же были настолько ослаблены, что ничего не смогли сделать. Поэтому они согласились на мир. Голландцы вернули себе ранее отобранные англичанами тропики в счет торговли рабами и сахаром. А англичане сохранили Манхэттен. Госпожа была недовольна, но Босс не огорчился.

– Мы только пешки в большой игре, Грет, – сказал он.

Когда полковник Николлс стал новым губернатором, он уведомил голландцев, что те вольны уехать, но обещал, что, если останутся, их никогда не заставят воевать с Нидерландами, в чем бы ни заключался конфликт. Полковник переименовал город в Нью-Йорк в честь владевшего им герцога Йоркского, а окрестную территорию назвал Йоркширом. Затем он дал городу мэра и олдерменов по образу и подобию английского города. Но большинство в этом органе всяко осталось за голландскими купцами, а потому полковник Николлс понравился им больше, чем Стайвесант, так как всегда обращался к ним за советом. Николлс был дружелюбным человеком; встречая на улице Госпожу, он всякий раз снимал шляпу. Он также организовал конные бега, которых был большой любитель.

А после того как губернатор Стайвесант побывал в Нидерландах, где объяснился в потере города, и возвратился в свое бувери, полковник Николлс неизменно обращался со стариком предельно почтительно, и они стали закадычными друзьями. Английский губернатор всегда находил время навестить Стайвесанта на ферме. А Госпожа по-прежнему недовольствовала англичан.

– Но я не стану отрицать, что Николлс любезен, – признавала она.

Следующий губернатор был похож на полковника Николлса. Он наладил почтовое сообщение с Бостоном. Себя он тоже не обижал, извлекая немалую прибыль. Зажиточным купцам было все равно, однако голландцы победнее, которых было большинство, спустя какое-то время разочаровались в английской власти из-за постоя войск, причинявших им беспокойство и расходы.

Когда я был мальчишкой, большинство рабов Вест-Индской компании привлекали к строительным работам. Принадлежащие купцам рабы занимались в основном садоводством или погрузкой и разгрузкой лодок на пристани. Некоторых брали на корабли, чтобы усилить команду. Но были и рабыни. Они большей частью стирали и прибирали в доме; впрочем, некоторые служили на кухне. Мужчины часто появлялись на улицах, и по вечерам можно было видеть, как они общаются через ограду с рабынями. Нетрудно догадаться, что след-

ствием этих бесед часто оказывались дети. Но хозяева не возражали, хотя это и шло вразрез с их религией. И как я понимаю, по вполне понятной причине.

Работорговля была очень доходной. Стоимость раба, купленного в ту эпоху в Африке, к Манхэттенской пристани возрастала больше чем в десять раз, а в других местах бывала и выше. Поэтому купец, лишившийся в пути доброй части груза, мог поправить дела продажей рабов. Именно поэтому и старый губернатор Стайвесант, и наш новый правитель герцог Йоркский возлагали столь большие надежды на превращение Манхэттена в крупный невольничий рынок. Действительно, и при губернаторе Стайвесанте, и после Новый Амстердам принимал сотни рабов, иных напрямую из Африки. Большинство рабов оставались в городе, но часть продавали на английские плантации в Виргинии и других краях. Поэтому, если нью-йоркский раб обзаводился детьми, хозяин мог дожидаться, пока те подрастут до определенного возраста, и продать их; бывало, что их оставляли и обучали труду, а продавали мать, чтобы та не испортила их чрезмерной заботой.

Таким образом, в городе было полным-полно молодых женщин, мой интерес к ним рос, и к приходу англичан я уже испытывал сильнейшее желание стать в этом смысле мужчиной. И вечно высматривал себе сговорчивую рабыню, способную обогатить меня известным опытом. По воскресеньям, когда Босс и прочие горожане были в церкви, чернокожие выходили на улицы поразвлечься, и мне встречались девушки-рабыни из других частей города. Но с парой-тройкой тех, кого я подцепил, мне так и не удалось побыть толком. Дважды за мной гнались по улице за попытку проникнуть в дом хозяина одной из них, а третью девицу высекли за разговоры со мной. Поэтому я пребывал в некотором затруднении.

Конечно, в городе нашлись бы женщины – порт как-никак, – которые согласились бы на все, лишь бы платили. А у меня было немного денег. Босс то и дело дарил мне монетку, когда бывал мной доволен. Или сдавал меня на день внаем, а после ссыпал мне немного из выручки. И я хранил эти деньги в надежном месте. И вот я подумал, что мне, возможно, придется немного потратиться на леди известного сорта, чтобы стать мужчиной.

Однажды вечером я присоседился к компании каких-то рабов, и они отвели меня по Бауэри-роуд за город, туда, где проживали большинство черных вольноотпущенников.

Мы пришли в деревянный дом, похожий на постоянный двор и бывший больше прочих. Высокий человек, им владевший, дал нам сластей и рому. Там собралось с дюжину чернокожих, рабов в том числе. И мы пробыли там совсем недолго, когда я заметил дремавшего в углу старика в соломенной шляпе – того самого, которого повстречал мальчиком и сказавшего мне, что я могу стать вольным. Я и спросил у высокого человека, владевшего тем домом, кто это такой, а тот ответил: «Мой отец». Мы немного поговорили. Он произвел на меня сильнейшее впечатление. Ему принадлежал дом с небольшим участком земли, были и наемные работники. Он был свободен, как белый человек, и не имел недостатка в деньгах. Его звали Куджо.

Пока мы беседовали с ним и пили ром, я обратил внимание на вошедшую в дом девушку примерно моих лет. Она тихо села в углу, где спал старик, и никому, казалось, не было до нее дела. Но я поглядывал на нее и гадал, замечает ли она. Наконец она повернула голову и посмотрела прямо на меня. И я увидел, что в глазах у нее так и плясали чертики, а улыбка была теплой.

Я уж собрался пойти к ней, но Куджо придержал меня за плечо.

– Не советую ее трогать, – сказал он тихо.

– Почему? Это твоя женщина?

– Нет, – ответил он.

– Ты ее отец?

– Нет, – покачал он головой. – Я ее хозяин. Она моя рабыня.

Сперва я не поверил. Я не знал, что у чернокожего могут быть рабы. И мне показалось странным, что человек, родной отец которого получил вольную, сам держит рабов. Но это было так.

– Ищешь женщину, молодой человек? – спросил Куджо, и я сказал, что да. – У тебя уже была подружка? – (На это я ответил, что нет.) – Подожди здесь, – велел он и вышел.

Вскоре он вернулся с молодой женщиной. Ей было лет двадцать – двадцать пять. Она была почти с меня ростом и неспешной, непринужденной походкой показывала, что лично ей живется неплохо, а остальные пусть как хотят. Она подошла ко мне, села рядом на лавку и спросила, как меня звать. Мы немного поболтали и выпили. Потом она взглянула на Куджо и чуть кивнула.

– Идем-ка со мной, сладенький, – позвала она.

Я и пошел. Куджо улыбнулся мне вслед:

– Все будет хорошо, ты справишься.

И я стал мужчиной той ночью.

В последующие годы я сошелся со многими городскими рабынями. Босс несколько раз сообщал мне о недовольстве одного мингера, рабыня которого родила, – дескать, моя работа. Соседи советовали Боссу отправить меня на ферму. Но он этого не сделал.

Я вечно силился угодить и Боссу, и Госпоже. Но это бывало нелегко, потому что они не всегда ладили.

Бывало, например, что Госпоже не нравились друзья Босса. Сперва она невзлюбила мингера Филиппа. Странно, поскольку тот был голландцем, а Госпожа дружила с его женой. Они и не бедные были. Но Госпожа заявила, что мингер Филипп излишне рядится в англичанина и забывает, что он голландец. Впрочем, Босса он вполне устраивал.

Вторая напасть была вот такая.

Босс любил путешествовать по реке. Он постоянно выискивал повод. Иногда брал лодку и вывозил куда-нибудь все семейство. Однажды мы отправились на островок у самой оконечности Манхэттена, который называли Нат-Айленд, или Ореховый остров; у нас была большая корзина с едой и питьем, и мы провели там весь день. В другой раз заплыли дальше, через бухту, на остров, прозванный Устричным, – Ойстер-Айленд.

В один прекрасный день Босс заявил, что отправляется куда-то на длинный остров и мы с Яном поедem с ним.

Мы отчалили и поплыли по Ист-Ривер. Когда достигли развилки и вступили в восточный канал, вода будто взбесилась, и я перепугался. Даже Ян побледнел, хотя и старался не показывать. Но Босс только рассмеялся и произнес:

– Это Хелл-Гейт, ребята! Не бойтесь.

Мы миновали стремнину, вода успокоилась, и немного погодя Босс обратился ко мне:

– Это пролив, Квош. Вот с этой стороны, – он указал налево, – побережье идет до Коннектикута и Массачусетса. А с этой, – показал он направо, – на сотню миль протянулся Лонг-Айленд. Ну что, теперь доволен?

Еще бы! Я в жизни не видел ничего прекраснее. Синело чистое небо, меня согревало солнце. Повсюду, куда ни глянь, вода была безмятежна, а суша на удивление плавно вырастала из отмелей и камышовых зарослей; над мелкими волнами носились морские птицы. Мне казалось, что я в раю.

Мы плыли несколько часов, пока не достигли деревушки на островной стороне пролива, где был причал и где мы нагрузили лодку товарами, которые Босс намеревался продать в городе. Но не успели закончить, как к нам подошел с инспекцией человек. Он был английским купцом. Вскоре он уже задумчиво рассматривал Босса, а Босс изучал его, и человек спросил:

– Не вам ли я продал в свое время серебряный доллар?

– Полагаю, что мне, – ответил Босс.

И после этого они проговорили полчаса. Я слышал не все, но стоял рядом, когда англичанин сообщил, что пару лет как женился и несказанно рад своему возвращению из Лондона. Мы уже отплывали, и Босс посоветовал ему поселиться в Нью-Йорке, где тот мог достичь немалых высот, и англичанин обещал подумать.

Этого человека звали Мастер. И ему предстояло причинить великие неприятности в том, что касалось Госпожи.

Однажды мне довелось чрезвычайно порадовать Госпожу.

Любой американский колонист отлично знал, что его жизнь зависела от раздоров между нашими заокеанскими правителями. С тех пор как завершился последний спор между голландцами и англичанами, прошел пяток лет, и вот опять началось. Правда, на этот раз причина была скорее делом семейным.

Английский король Карл II был дружен со своим кузеном, французским королем Людовиком XIV, и не забыл трепку, которую ему задали голландцы. А потому, когда Людовик напал на Нидерланды в 1672 году, король Карл выступил на его стороне. Но дела у них не заладились, так как едва французы вторглись в Нидерланды всеми своими полчищами, голландцы открыли дамбы и преградили им путь наводнением. Следующим летом до нас дошла весть о голландских кораблях, которые двигались вдоль побережья, сжигая табачные корабли из Виргинии, принадлежавшие англичанам, и творя всяческие бесчинства. А в конце июля мы увидели, как голландские военные корабли встали на якорь у Стейтен-Айленда.

Так вот, в городе жил тогда молодой джентльмен по имени Лейслер. Немец, по-моему, но он приехал на Манхэттен, женился на богатой голландской вдове и хорошо показал себя в деловом мире. Он был голландцем до мозга костей и этим очень нравился Госпоже. Когда Босс находился в отъезде, Лейслер пришел в дом, и я слышал, как он поделился с ней желанием многих приветить голландцев и разрешить им снова вышвырнуть с Манхэттена англичан, коль им будет угодно.

– Кое-кто из купцов подумывает направить делегацию на Стейтен-Айленд, – сообщил он. – Но меня беспокоит форт. Там есть сорокадюймовая пушка, которая может причинить ущерб голландским кораблям.

Когда Лейслер удалился, Госпожа призадумалась. Вернулся Босс, и она передала ему слова Лейслера. До Босса уже дошли слухи, и он велел всем сидеть дома, а сам опять ушел наводить справки.

Вскоре после его ухода Госпожа позвала меня:

– Квош, у тебя есть молоток?

Ну да, у меня был молоток, в мастерской. Там Госпожа огляделась и увидела большие металлические кольца, которыми Босс крепил палатку.

– Их тоже возьми, – сказала она. – Пойдешь со мной.

Мне было страшно после слов Босса, но я не посмел перечить и ей. И мы пошли в форт.

Солнце садилось, но людей собралось полно. Главным стал капитан форта. Он был с солдатами, но пытался организовать добровольцев, большей частью стянувшихся на пяточок под названием Боулинг-Грин перед самым фортом. Госпожа даже не взглянула на капитана. Она просто вошла со мной в форт, кликнув нескольких волонтеров. Нас набралось человек двадцать. Затем Госпожа направилась прямо на огневые позиции и, не успели окружающие понять, что происходит, взяла у меня кол, молоток и начала пробивать в орудии дыру там, куда засыпают порох, чтобы было не выстрелить. Солдаты увидели, подняли крик и попытались помешать, но она не обратила на них никакого внимания и так ударила по этому колу, что тот засел намертво. Законопатить оружие – так это называется.

Солдаты всполошились. Они были плохо обучены. Они побежали к нам, крича добровольцам остановить Госпожу. Но добровольцы, будучи голландцами, как раз доброй воли не проявили. А Госпожа уже взялась за следующее орудие.

Тут один солдат подоспел к Госпоже и замахнулся мушкетом. Мне ничего не оставалось, как только броситься на него, и не успел он ударить, как я сбил его с ног и приложил головой об пол так, что он остался лежать. Но подбежал уже второй, прицелился в меня из большого пистоля и нажал на курок. Тут мне бы и помереть. Но на мое счастье, пистоль был плохо заправлен и не выстрелил. Госпожа обернулась, увидела все это и приказала добровольцам отгеснить солдат, что те и сделали.

Ну и после началась неразбериха: солдаты не знали, как быть, а на помощь Госпоже в форт подтянулись еще волонтеры, и капитан пришел в отчаяние, когда узнал о происходящем. Госпожа знай конопатила орудия, пока не закончились колья. Тогда она отдала добровольцам молоток и велела поживее продолжать.

На следующий день шестьсот человек голландцев заняли открытую возвышенность над стеной. Они вступили в форт, приветствуемые считанными единицами голландцев, и английский капитан был вынужден сдаться. Он ничего не смог сделать.

После этого я оказался в великой милости у Госпожи. Я боялся, что Босс рассердится, ибо ослушался и пошел в форт, но тот через день сказал мне:

– Госпожа говорит, что ты ей жизнь спас.

– Да, сударь, – ответил я.

Он только рассмеялся:

– Наверное, я должен благодарить тебя, – и не тронул меня.

Итак, Нью-Йорк вновь стал голландским. На сей раз его назвали Нью-Оранж. Но это продолжалось всего год. Наши заокеанские хозяева не замедлили заключить новый договор, и нас вернули англичанам, что не обрадовало Госпожу.

Затем какое-то время все было мирно. Манхэттен опять переименовали в Нью-Йорк, но Андрос, новый английский губернатор, говорил по-голландски и помогал купцам, особенно состоятельным. Он засыпал канал, пересекавший город. Госпожа заявила, что он сделал это, дабы истребить память об Амстердаме. Но старая канава воняла, и мне сдается, что причина была в этом. Сверху проложили красивую улицу, названную Брод-стрит.

И в это самое время в Нью-Йорк переехал мистер Мастер, которого мы встретили на Лонг-Айленде. Они с Боссом провернули на пару много дел. Как встарь, Боссу нравился пушной промысел в верховьях реки, но торговля распространилась по побережью, где находились Вест-Индские сахарные плантации, и этим занимался мистер Мастер. Босс иногда путешествовал с ним, равно как и мингер Филипс.

Но Босс сделал вещь, приведшую Госпожу в неистовый восторг. Яну подходила пора жениться, и Босс нашел ему невесту – девушку из приличной голландской семьи. Весьма состоятельную, а звали ее Лизбет Петерсен. Я видел ее в городе, но ни разу не общался с ней до того дня, когда она пожаловала к нам после оглашения помолвки.

– Это Квош, – сказал ей Ян и дружески улыбнулся мне, а юная леди кивнула.

И я был рад, когда мисс Клара добавила:

– Квош жил у нас всю жизнь, Лизбет. Он мой лучший друг.

Тогда юная леди наградила меня сердечной улыбкой, желая показать, что уяснила надобность доброго ко мне отношения.

И мне было очень приятно присутствовать на свадьбе и смотреть, как улыбался пастор, а Босс с Госпожей, премного довольные, стояли под ручку.

В следующем году мне удалось сослужить Боссу службу, которая изменила всю мою жизнь.

В 1675 году индейцы подняли лютое восстание. Его возглавил индейский вождь по имени Метаком, хотя некоторые называли его Королем Филипом. Не знаю, из-за чего начался сыр-бор, но вся индейская горечь из-за потери земель, отобранных белым человеком, в мгновение ока погнала их в Массачусетс и дальние области Коннектикута. Вскоре индейцы и белые убивали друг друга в несметных количествах. И жители Нью-Йорка пришли в ужас.

Причиной было то, что все эти племена говорили по-алгонкински, а потому казалось естественным, что к ним присоединятся индейцы из окрестностей Нью-Йорка. Ряды последних значительно поредели, но их еще было много и на Лонг-Айленде, и в верховьях реки.

Но губернатор Андрос знал, что делать. Он собрал всех этих индейцев и заставил поклясться, что те не будут сражаться, а многих перевез в лагерь поближе к городу, чтобы присматривать за ними. Затем отправился вверх по реке к могаукам и посулил им целую пропасть товаров и припасов на том условии, что они придут и сокрушат нью-йоркских алгонкинов, если те вздумают досаждать. И это сработало – вокруг Манхэттена было тихо.

Однажды Босс взял меня на середину острова Манхэттен, где приказали встать лагерь каким-то индейцам. Он сказал мне, что знает их с незапамятных времен, когда торговал с ними. Те поставили на поляне несколько вигвамов. Хорошее было место, вся трава в землянике. Босс переговорил с индейцами на их языке, и было видно, что те ему рады, но я заметил несколько хворых. Чуть позже Босс подошел и спросил:

– Квош, ты боишься лихорадки?

Город время от времени навещала лихорадка. Я помню, что, когда мне было лет восемнадцать, дело вышло очень скверное, перемерло порядочно детей и стариков. Но меня лихорадка никогда не брала.

– Нет, Босс, – ответил я.

– Добро, – говорит он, – тогда побудь с этими людьми и проследи, чтобы они ни в чем не нуждались. Если не хватит еды или лекарств, то сразу иди в город и докладывай мне.

Вот я и задержался в том месте без малого на месяц. И несколько тамошних семейств тяжело захворало. Одной женщине пришлось особенно худо: она была бледнее остальных, лишилась мужа, а дети лежали при смерти. Но я помог ей снести их на реку, мы окунули и охладили их, а потом я отправился в город за толком и тому подобным. Наверное, без моей помощи она потеряла бы и детей. Так или иначе, я сказал Боссу, и он меня похвалил.

Но когда все закончилось и я вернулся домой, то Госпожа набросилась на меня, не успев я переступить порог.

– Транжиришь время, индейцев спасаешь! – разошлась она. – А ну-ка, берись за дело и вычисти этот дом – чай, месяц не прибирался!

Я знал, что она была невысокого мнения об индейцах, но я же не виноват в том, что помог им. Босс сказал, чтобы я не тревожился на сей счет, однако она после этого, похоже, напрочь забыла, что я спас ей жизнь, и долго была со мной холодна.

Я же понял: можно всю жизнь прожить с людьми, но так и не разобраться в них.

Но благодарность Босса я заслужил точно. Примерно через месяц он позвал меня в свою рабочую комнату и велел закрыть дверь. Он дымил трубкой, смотрел на меня задумчиво, и я подумал, уж не попал ли я в какую беду.

– Квош, – произнес он негромко спустя минуту, – никто не вечен. Когда-нибудь я умру и вот поэтому поразмыслил, как быть тогда с тобой.

Я решил, что он подумывает отдать меня в услужение своему сыну Яну. Но я промолчал и приготовился почтительно слушать дальше.

– И я собираюсь дать тебе вольную, – заявил он.

Я едва ли поверил своим ушам. Все вольноотпущенники, каких я знал, давно работали на Голландскую Вест-Индскую компанию. Я никогда не слышал, чтобы частные собственники в Нью-Йорке отпускали своих рабов. Поэтому у меня голова пошла кругом, едва он это сказал.

– Спасибо, Босс, – ответил я.

Он пыхнул трубкой.

– Но ты будешь нужен мне, покуда я жив, – добавил он, а я со всей осторожностью взглянул на него так, что его разобрал смех. – Небось прикидываешь теперь, сколько я протяну?

– Нет, Босс, – возразил я, но мы оба знали, что это правда, и он еще пуще развеселился.

– Ну так я пока не спешу помирать, – изрек он. Затем добродушно улыбнулся. – Ждать тебе, Квош, придется, наверное, долго, но я про тебя не забуду.

Похоже было на то, что наступит день, когда моя мечта о воле все-таки сбудется.

А потому я никак не ждал события еще более радостного, которое последовало незамедлительно.

После хлопот с индейцами в Нью-Йорке снова стало тихо. С Барбадоса и из других похожих мест понаехали богатые плантаторы-англичане. Они в основном поселились в больших домах на берегу Ист-Ривер, и некоторые даже не потрудились выучить голландский язык. Но многие проживавшие в городе голландские семьи продолжали ввозить родню, а потому голландских домов было полно, голландская речь сплошь и рядом звучала на улицах, и могло показаться, что у власти по-прежнему находится губернатор Стайвесант.

Мингер Лейслер в эту пору заделался важной птицей и нравился все меньшему числу голландцев. Он часто навещал Госпожу, неизменно вежливый и хорошо одетый, в шляпе с пером. Госпожа была крайне довольна его вниманием, ибо она, хотя и оставалась женщиной видной, приближалась к закату детородного возраста и временами была немного угнетена. Босс, понимавший это, всегда был с ней деликатен и всячески старался ей потрафить.

Увы, мисс Клара вела себя совершенно иначе. Та девчужка, которую я любил, после женитьбы брата превратилась в чудовище. На вид она была той же миловидной златовлаской, которую я знал. Она оставалась добра ко мне и обычно держалась почтительно с отцом, но к матери относилась как сущий дьявол. Если мать просила помочь на кухне или сходить на рынок, она тут же начинала стенать и жаловаться, что вот, мол, какая бестактность: ведь той отлично известно, что она как раз собралась к подруге. Если Госпожа говорила «черное», мисс Клара твердила «белое». Что бы ни стряслось, она всегда возлагала вину на мать до тех пор, пока Госпожа не теряла терпения. Босс выговаривал Кларе и грозил наказать, но вскоре она уже жаловалась снова. В таких случаях я искренне сочувствовал Госпоже.

Однажды у дома появился мистер Мастер с одним из плантаторов-англичан. И они с Боссом разговорились по-английски. Я тоже там был. К тому времени я выучил достаточно английских слов, чтобы понять кое-что из услышанного.

В самом начале их разговора Босс обратился ко мне по-голландски и попросил найти какую-то вещь, что я и сделал. А когда принес, он спросил о чем-то еще, на что я ответил довольно непринужденно и брякнул что-то смешное, и он рассмеялся, а я собрался уйти к себе. Но тут я заметил, что на меня пялится английский плантатор, который затем заметил Боссу, что зря он так любезничает со мной, потому что они хлебнули много горя с чернокожими рабами на плантациях, и обращаться с нами можно только одним путем – иметь оружие да пороть, если мы вдруг дерзим. Я смотрел в пол, притворяясь, будто не понимаю, а Босс со смехом сказал, что непременно это учтет.

Беседовали же они, как выяснилось, о рабах. Потому что мистер Мастер только-только вернулся в Нью-Йорк с грузом рабов, среди которых были индейцы. Вняв жалобам других

государств на то, что их граждан выставляют на продажу, губернатор Андрос распорядился продавать на рынке лишь чернокожих – ибо все страны мира сошлись в том, чтобы негры были рабами, – и это явилось неудобством для мистера Мастера.

– Я собираюсь продать этих индейцев тайком, – сказал он. – У меня есть чудная индианочка – не угодно приобрести?

Ну и тут появилась расстроенная Госпожа, так что я догадался, что ей опять досадила мисс Клара. Госпожа иногда прикидывалась, будто не понимает по-английски, но сейчас решила не утруждаться притворством и крикнула:

– Я не потерплю в этом доме вонючих индейцев! – Но потом повернулась к Боссу со словами: – Впрочем, рабыня мне пригодится. Купил бы ты черную!

И Босс был так счастлив ее порадовать, что на другой же день пошел и купил девушку-рабыню. Ее звали Наоми.

К тому времени мне было около тридцати. Наоми была на десять лет моложе, однако не по годам мудра. Она была невысокой, с круглым лицом и пухленькой, мне это нравилось. Поначалу, войдя в чужой дом, она старалась быть незаметной, но мы разговаривали. Дни текли, мы сблизились и поделились друг с дружкой своими историями. Она жила на плантации, но ей повезло работать в доме служанкой. Когда хозяин овдовел и женился вторично, новая жена потребовала, чтобы и все рабы в доме были новые, а старых пусть продадут. Поэтому тот продал ее перекупщику, который отвез ее в Нью-Йорк, где были хорошие цены.

Я сообщил Наоми, что она попала к хорошим хозяевам, и она немного утешилась.

Мы с Наоми поладили легко и быстро. Иногда, когда ей выпадала тяжелая работа, помогал я, а когда уставал сам – помогала она. Однажды я захворал и слег на несколько дней, а она ухаживала за мной. Так что со временем я начал испытывать к Наоми великую страсть за ее доброту.

И начал подумывать взять ее в жены.

Подружки у меня не переводились никогда. Кроме женщин в городе, была еще одна девушка, бывать у которой мне нравилось. Она жила в деревушке на Ист-Ривер сразу же за Хог-Айлендом, и звали ее Вайолет. Летними вечерами, когда Босс говорил мне, что я ему больше не нужен, я ускользал туда. У Вайолет было несколько детей, среди которых могли быть и мои.

Но Наоми была не похожа на всех этих женщин. Мне хотелось взять ее под крыло. Вступить с ней в отношения означало пустить корни, а об этом я еще не задумывался. Поэтому я долго старался оставаться ей другом и не подпускать Наоми слишком близко. Спустя какое-то время я заметил, что она удивлена моим поведением, но не сказала ни слова, а я не стал делиться своими мыслями.

И вот однажды вечером, в середине ее первой зимы, я застал Наоми сидящей в одиночестве и дрожащей. Привыкшая жить в теплых краях, она не ведала нью-йоркских холодов. Я, стало быть, устроился рядом и приобнял ее. А дальше одно к одному, и вот уже скоро мы зажили вместе как муж и жена.

Босс и Госпожа, наверное, знали об этом, но ничего не говорили.

Весной Босс велел мне отправляться с ним на Гудзон. Мне всегда хотелось взглянуть на эту великую реку, и я был рад поехать, хотя это и означало короткую разлуку с Наоми. Обычно Босс отправлялся в путешествие на несколько недель позже, но Клара и Госпожа так собачились, что он, по-моему, был счастлив убраться подальше.

Перед самым отъездом у него состоялся неприятный разговор с Госпожой. Она всегда была недовольна, когда он уходил вверх по реке, а тут еще затеяла обвинять его в поведении

Клары. Они закрыли дверь, и я не слышал всего, но, когда мы отправились в путь, Босс был неразговорчив и смотрел под ноги.

Он надел вампумный пояс. Я заметил, что он всегда надевал его, когда отправлялся вверх по реке. Должно быть, достался ему от какого-то индейского вождя.

У нас было четыре гребца, и Босс разрешил мне держать румпель. К тому моменту, как мы проплыли уже час, он снова приободрился. В тот день течение и ветер были против нас, и мы продвигались медленно, но Босса это как будто не волновало. По-моему, он был счастлив вновь очутиться на реке. Манхэттен еще был виден, когда мы вытащили лодку на берег и встали лагерем.

И вот на следующее утро, не успели мы толком отплыть, он смотрит на меня и говорит:

– Насколько я понимаю, Квош, ты взял Наоми в жены. Разве ты не знал, что нужно спросить у меня разрешения?

– Не знаю уж, Босс, жена ли она мне, – ответил я. – Когда женятся – идут в церковь.

Интересно, что он на это скажет?

– У англичан есть для этого особое название, – сообщил он. – По английским законам, которым мы вроде как подчиняемся, коль скоро она живет в твоём доме, как будто вы поженились, она именуется твоей гражданской женой. Так что будь с ней поласковой, – улыбнулся он.

– Вы же не сердитесь на меня, Босс? – спросил я. Он только покачал головой с той же улыбкой. – А Госпожа?

– Не беспокойся, – вздохнул он. – По крайней мере, в этом мы с ней сошлись.

Затем он какое-то время смотрел на реку, и ветер задувал ему в лицо, а я следил за ним, гадая, остался ли он в добром расположении духа. Наконец я решился обратиться к нему:

– Босс, можно спросить?

– Валяй, – отозвался он.

– Тут вот какое дело, Босс, – сказал я. – Вы обмолвились, что когда-нибудь я получу вольную. Но даже если Наоми – моя гражданская жена, ей от этого никакого проку. Она так и останется рабыней. – (Босс не ответил.) – Понимаете, Босс, – продолжил я, – мне все неймется, как подумаю, что у нас будут дети.

Я-то отлично понял закон. И будь он голландский или английский – разницы никакой. Дитя раба принадлежит хозяину. И если хозяин освобождает раба, то ребенок по-прежнему его, если не отпустит особо. Вот каков закон.

Босс все еще молчал, потом он кивнул своим мыслям.

– Ладно, Квош, – сказал он. – Я подумаю об этом, но не сейчас.

И мне стало ясно, что он больше не хочет обсуждать эту тему.

Тем же днем мы сошли на берег недалеко от индейского поселения, и Босс отправился на беседу, а мне приказал ждать в лодке. Его долго не было, а когда он вернулся, то сел в лодку и велел гребцам двигаться вверх по течению. Он вроде как что-то задумал, а потому я помалкивал и занимался румпелем.

Примерно через полчаса, когда мы прошли излучину, он обратился ко мне:

– Помнишь индейских ребятишек, которых ты спас?

– Да, Босс, – ответил я.

– Ну так их мать умерла. Лихорадка.

Я не сильно беспокоился за мать, но спасти детей старался что было мочи, а потому спросил, живы ли они и здоровы.

– Да, – ответил он, – дети живы.

– Это славно, Босс, – сказал я.

Вечером мы разбили лагерь и сели есть у костра: Босс, я и четверо гребцов. Босс всегда был добр с людьми. Его уважали, но он умел посидеть с ними и переброситься шуткой. И даже если думал о чем-то другом, всегда уделял внимание своим работникам.

Босс принес хорошей еды и бочонок пива. Когда мы все съели и чуток охмелели, общество развеселилось, и надо мной стали подшучивать из-за женщин, которые якобы у меня были, а после разговор перешел на женщин вообще. Один человек со смехом признался, что боится Госпожи.

– Не хотел бы я ее рассердить, Босс, – сказал он.

А я, благо знал, что Босс и Госпожа были на ножах, подумал, что лучше бы он этого не говорил. И еще я заметил тень, пробежавшую по лицу Босса. Но тот лишь улыбнулся и произнес:

– Я предпочитаю вообще не сердить женщин.

На том и сошлись. Но вскоре он сказал:

– Ну что ж, по мне, так самое время на боковую.

И не прошло много времени, как все задремали, и я тоже лег.

Но Босс не спал. Он сидел у огня и в крайней задумчивости взирал на реку. Я помалкивал, так как решил, что он размышляет о грубых словах, которые бросил Госпоже.

Он просидел долго. Костер догорал. Над рекой стояли яркие звезды, но пробежали и тучки; чуть погодя задул ветерок и начал шуршать в деревьях – еле слышно, подобно шепоту. Шорох был мирный, как колыбельная. Прислушиваясь к нему, я начал засыпать. Но Босс не собирался ложиться.

И постепенно до меня дошло, что неплохо будет отвлечь его от дум – авось, заснет, а потому сказал:

– Прислушайтесь к ветру, Босс.

– О, да ты не спишь?

– Авось, это поможет вам заснуть, Босс.

– Может быть, Квош, – ответил он.

– Приятнейший ветерок, Босс, – продолжил я. – Он похож на голос в соснах. Вы разберете, если прислушаетесь.

Ну и он ничего не сказал. Но чуть позднее я увидел, как он опустил голову – может, и правда слушал. Какое-то время Босс не шевелился, и я решил, что он уснул. Но он затем медленно встал и глянул на меня. А я притворился, что дрыхну.

Тогда он отошел и побрел во тьме вдоль реки.

Я пролежал долго, дожидаясь его возвращения, но он не приходил. И понемногу я начал беспокоиться, не стряслось ли беды. В лесах было полно медведей, хотя Босс, надо думать, закричал бы, если бы на него напал зверь. Но затем, когда он так и не появился, я встал и пошел за ним по берегу. Я двигался очень осторожно, не издавая ни звука. Но Босса нигде не было видно. Я не хотел его звать и просто шел дальше. И одолел с полмили, когда увидел его.

Босс сидел под звездами у воды на маленьком пятачке земли, поросшем травой. Он сгорбился, подтянул колени и поник плечами. И всхлипывал. Он сотрясался всем телом и чуть не задыхался. Я никогда не видел, чтобы мужчина так плакал. И я боялся подойти, но и бросать его здесь не хотел. Поэтому я остался там, где стоял, а он все рыдал, как будто у него разрывалось сердце. Я пробыл там долго, и ветер усилился, но Босс ничего не замечал. А потом ветер стих, и под звездным небом воцарилась великая тишь. И Босс немного успокоился. А я улизнул, не желая, чтобы он меня застукал.

Вернувшись к костру, я попытался заснуть, но не сумел и прислушивался, не зазвучат ли его шаги. Босс вернулся перед самым рассветом.

Шли дни, и мы плыли по этой самой великой реке Гудзон, пока не достигли больших поселений могауков с деревянными домами и частоколами. И Босс купил там целую кучу мехов. А когда мы вернулись и я прибежал к Наоми, та наградила меня лукавой улыбкой. Потом сказала, что ждет ребенка, и я возликовал. А после мне пришло в голову, что если родится мальчик, то я назову его Гудзоном в честь недавнего путешествия.

Но Наоми сообщила еще, что Госпожа и мисс Клара все утро ругались и мисс Клара опрометью выскочила из дому.

– Госпожа сильно не в духе, – сказала Наоми.

Я подошел к парадной двери, собравшись последовать за Боссом в дом. Дверь осталась открытой, и мне было слышно, как Босс говорил Госпоже о купленных у могауков шкурках, но та молчала.

– Где Клара? – спросил он.

– Ушла, – отозвалась Госпожа и, помедлив, добавила: – Полагаю, ты побывал и у своих друзей-индейцев.

– Был, но недолго. У них не было мехов. – (Госпожа не ответила.) – Да, кстати, – сказал он. – Бледное Перо умерла.

Теперь выходило, что я подслушивал под дверью. Я уже собрался уйти от греха подальше, но тут услышал голос Госпожи.

– А мне какое дело? – осведомилась она. – Одной вонючей индианкой больше, одной меньше – какая разница?

Босс помолчал после этих слов, а когда заговорил, его голос был тих.

– Ты жестока, – сказал он. – Ее мать была лучше тебя.

Я услышал его шаги и быстро убрался.

И после этого мне показалось, что в их отношениях появился холод, словно что-то умерло.

Впоследствии я часто думал об этих словах и в итоге решил, что понял их смысл. Но мне не было до этого особого дела. У меня появилась собственная семья.

Шли годы, и я постепенно осознал, насколько мне повезло жениться на Наоми. Она исправно служила Госпоже и выполняла всю домашнюю работу даже будучи на сносях, но никогда не жаловалась. Я понимал, какое это бремя, и помогал ей, чем мог. К исходу дня у нее всегда находилась для меня улыбка. Мы делились друг с другом всем, и с годами между нами установилась такая любовь, что я не мыслил себе жизни без Наоми.

Мой крошка Гудзон был самым жизнерадостным малюткой на свете. Я был счастлив играть с ним, а иногда к нам присоединялся и Босс. Мне кажется, что Гудзон какое-то время считал его дедом или кем-то вроде того. Когда ему исполнилось два года, Наоми родила девочку, но та оказалась слабенькой и умерла. Однако через пару лет появилась еще одна, и мы нарекли ее Мартой. Она была лунолика, как мать, а когда подросла, я угадал в ней и материнскую натуру.

Глядь, а Гудзону уже исполнилось пять. Он носился как оглашенный. Босс говорил, что ему его не догнать. А Наоми сказала, что Гудзон как две капли воды похож на меня. Я сажал его на плечи и брал с собой в город, когда бывал на посылках. Но если выдавалось время, всегда ходил с ним к реке, потому что ему нравились корабли. А в полный восторг он приходил, когда на них ставили паруса, которые громко хлопали на ветру.

Однажды к нам пришел мистер Мастер. Он спросил у Гудзона, чем ему хочется заниматься, а тот выпалил, что желает стать моряком.

– Ха! – сказал мистер Мастер Боссу. – Может, ему на меня потрудиться?

И Босс рассмеялся. Но я подумал о рабах, которых мистер Мастер переправлял в Нью-Йорк, и не захотел, чтобы мой сын плавал на таком корабле.

Что касалось Марты, она была нежнейшим созданием. Всегда кидалась на шею, стоило мне вернуться после отлучки, и липла ко мне, и говорила, что не отпустит, пока я не расскажу сказку. А я не знал сказок, и приходилось сочинять. И вот уже скоро я рассказывал ей о великом охотнике по имени Гудзон, который жил на реке с таким же названием, был вольным, и у него была любящая и умная сестра Марта. В той глуши водилось много диких зверей, и это приводило к захватывающим приключениям.

За это время Босс подыскал для мисс Клары хорошего мужа. По-моему, они с Госпожой были рады выдворить ее из дома. Босс снова весьма порадовал Госпожу тем, что нашел добропорядочную голландскую семью, и молодых поженил пастор в голландской церкви, как было и с братом мисс Клары Яном. Ее муж жил не в городе, а на Лонг-Айленде, и видели мы ее редко. Но Госпожа время от времени гостила у дочери, и, судя по всему, их распри после замужества Клары прекратились.

Что до Босса, то они с Госпожой жили без ссор, но как бы каждый отдельно.

Босс очень сдружился с мистером Мастером. Мистер Мастер был из тех людей, над которыми время не властно. Он почти не изменился, и лишь добавилась пара морщин, а так он остался прежним – узкое лицо, копна соломенных волос, суровые голубые глаза и жилистое тело. Он отличался обходительными манерами и вечно был чем-то занят. При каждом визите он говорил: «Добрый день, Квош», а уходя – «Хороший ты парень, Квош» – и быстро оглядывал своими небесными глазами. Порой он заявлял Боссу: «Квош-то мне точно друг. Верно, Квош?» И я отвечал ему: «Да, сэр».

В те годы английские губернаторы, хотевшие удержать на своей стороне зажиточные голландские семейства и получить выгоду от этой дружбы, выделяли им огромные земельные наделы. Преуспевали и английские купцы. А мистер Мастер горел желанием разжиться через Босса землей, ибо в Англии, как он утверждал, не бывает тебе джентльменом без солидного участка. И важные птицы вроде мингера Филиппа и ван Кортландта, владевшие многими землями на севере города, спешили поскорее заделаться джентльменами. А их женщины заводили пышные прически и облачались в изящные платья, которые поджимали живот и выставляли груди.

Ну и я видел, что Босс склоняется к этой идее. Нравилась она и Яну, который порой замечал, что надо бы прикупить земли. Но только не Госпоже. Она продолжала ходить в простой круглой шляпе и мешковатом платье, ничем не выделяясь среди прочих голландок. Но эти голландки любили драгоценности даже больше, чем англичане. Госпоже нравилось носить в ушах крупные самоцветы, и я вспоминаю, что все ее пальцы были в перстнях. А большую часть времени она знай сосала свою глиняную трубку.

От дани английским веяниям она была дальше, чем когда-либо прежде.

– Жалкий народишко, – говаривала она. – Терпят папистскую власть!

Ибо выяснилось, что господин наш герцог Йоркский все это время был тайным папистом. Люди подозревали, что и сам король Карл II был тайным католиком, но он это отрицал. Зато герцог Йоркский ничего не скрывал. Он горой стоял за католиков и даже направил в Нью-Йорк губернатора-единоверца. В Нью-Йорке можно исповедовать любую веру или не исповедовать никакой, ибо сказывают, что половина местных вообще не верит в Бога. Однако католиков боятся чуть ли не все.

Этот губернатор-католик выпустил хартию, которой даровал свободные выборы в провинции и посулил, что никакие налоги не будут повышены без ведома избранных мужей. Это вызвало одобрение даже некоторых набожных голландцев, но не произвело впечатления на Госпожу.

– Нельзя доверять ни англичанину, ни паписту, – твердила она свое.

Год 1684-й завершился необычно холодной зимой. Большой пруд на севере города замерз на три месяца. Босс, как большинство голландцев, любил коньки, и вот в одно прекрасное утро мы отправились туда, прихватив с собой Яна и двух его малолетних дочерей.

Ян работал с отцом, но в те же годы невероятно развился бизнес по изготовлению рома из черной патоки. На Стейтен-Айленде за бухтой уже давно существовал перегонный завод, но Ян решил поставить в городе еще один, на пару с мистером Мастером. Он торговал и спиртными напитками из Голландии, вроде джина, который называют женевером.

А Госпожа прибыла с мисс Кларой и ее мужем. Детей у них еще не было, но я никогда не видел ее такой красавицей. Босс показал всей ребятне, включая моего Гудзона, как надо кататься на коньках, а Госпожа вся прямо сияла. Она заявила, что все эти люди, катающиеся по большому пруду, словно сошли с голландского полотна. Ее не огорчило даже появление мистера Мастера с его семейством.

С мистером Мастером пришел его сын Генри, тогда ему было лет восемнадцать. Он был вылитый отец. И глаз не мог отвести от мисс Клары, когда увидел ее, такую хорошенькую и раскрасневшуюся на морозе. И они вместе катались. Даже Госпожа развеселилась и сказала: «А парень-то влюбился в тебя!»

Этот счастливый день навсегда останется в моей памяти.

Удар был нанесен в 1685-м. Новости громом обрушились на Нью-Йорк. Король Карл II умер, и на престол взошел его брат, герцог Йоркский. Король Яков II, католик.

Нью-Йорк получил короля-католика. Никто и глазом не успел моргнуть, как он передал бразды правления своим единоверцам. Затем разорвал хартию, даровавшую избирательное право провинции. «Я так и знала, – изрекла Госпожа. – Говорила же, что католикам нельзя доверять!»

Но главная беда заключалась в другом. Французский король Людовик XIV вдруг вздумал вышвырнуть из королевства всех протестантов. Их было немерено, им пришлось собирать пожитки и бежать. Кто-то подался в Нидерланды, а вскоре они объявились и в Нью-Йорке. Их называли гугенотами.

Однажды мингер Лейслер пришел к Госпоже с одним таким гугенотом, очень видным человеком, которого звали месье Джей. И месье Джей сообщил, что король Яков послал королю Людовику приветственное письмо, поздравив с избавлением королевства от протестантов. Сказывали, что в Англии было много раздоров из-за короля-католика. Босс был потрясен, а Госпожа с тех пор только об этом и говорила. Она заявила, что англичане должны восстать и вышвырнуть короля. Именно так поступили голландцы, когда ими правил испанский король-католик. Босс ответил, что англичане приготовились ждать. У короля Якова не было сына, а обе его дочери были протестантками. Он сказал, что со временем все наладится. Но это ее не удовлетворило.

И следующие два года весь Нью-Йорк сокрушался из-за короля.

Весенним днем 1689 года Госпожа влетела в дом и, лучась широченной улыбкой, сообщила, что англичане вытурили короля Якова II из королевства.

– Божья воля исполнилась! – вскричала она.

Причина была в наследнике. Король Яков, который долго оставался бездетным, вдруг обзавелся сыном, которому предстояло стать католиком.

– Такого даже англичане не потерпели, – сказала Госпожа.

Короля, видно, изгнали в мгновение ока, после чего послали за его старшей дочерью Марией. Назвали же это «Славной революцией».

– Мария мало что протестантка, – продолжила Госпожа, – она еще и замужем за нашим Вильгельмом, правителем Нидерландов. И править Англией они будут вместе!

Она была готова пуститься в пляс при мысли, что мы опять окажемся под властью голландцев.

Вскоре после «Славной революции» пришло известие, что голландцы и англичане объявили войну французскому королю-католику Людовику. Ее назвали Войной короля Вильгельма. Мы все боялись, что жившие на дальнем севере французы-католики спонятся с индейцами ирокезами и дойдут до Нью-Йорка. И в самом деле, французы с индейцами напали на некоторых голландских колонистов, поселившихся далеко в верховьях реки. Однако купцам вроде Босса и мистера Мастера война сулила еще и большие возможности.

Я никогда не забуду тот летний день, когда Босс позвал нас к реке. Мы все и пошли. Босс был с Госпожой, мне разрешили взять Гудзона. На месте нас уже ждали Ян и мистер Мастер с его сыном. И мы погребли к кораблю, стоявшему на якоре на Ист-Ривер. Это был красивый корабль с высокими мачтами и несколькими пушками. Мистер Мастер провел нас всюду. Гудзон смотрел на все, что было на борту. Я никогда не видел его таким возбужденным. Несколько купцов подрядили этот корабль нападать на французских купцов, коль скоро мы с ними воевали, и забирать их грузы. Мистер Мастер вложил восьмую часть средств, а Босс и Ян – еще одну восьмую. Мне было видно, что судно быстроходное.

– Обгонит любой французский, какой бы они ни выставили, – сказал мистер Мастер. Он был премного доволен собой. – А капитан – первоклассный приватир¹⁶. Если повезет, мы сколотим целое состояние.

Тут-то Гудзон и потянул меня за рукав, желая задать вопрос. Я цыкнул на него, но мистер Мастер возразил: пусть, дескать, спросит. Гудзон и говорит:

– Скажите на милость, Босс, а какая разница между приватиром и пиратом?

Босс и мистер Мастер переглянулись и рассмеялись.

– Если грабят нас, – отвечает Босс, – то это пираты. Но если врагов, то приватиры.

Вскоре после отплытия судна муж мисс Клары заболел и скончался. Детей у нее не было, и она временно вернулась в родительский дом. Я опасался, что снова начнутся ссоры, но годы шли, а она отлично уживалась с матерью. Понятно, что мисс Клара какое-то время скорбела, но я подслушал, как Госпожа сказала Боссу: «Надо найти ей нового мужа». Впрочем, покамест Госпожа была, по-моему, довольна ее обществом.

Моя Наоми была хорошей швеей и обшивала весь дом. Она начала учить шитью и маленькую Марту. А мисс Клара вскоре заметила, какая та мастерица. Поразительно, что мог сделать этот ребенок своими гибкими и проворными пальчиками. Вскоре она уже говорила: «Это сокровище, а не дитя». Мисс Клара брала Марту на прогулки. Госпожа не возражала.

Отрядить привати́ров против врага было одно дело, но совершенно другое – управлять провинцией. И там какое-то время царил полнейший кавардак. В Бостоне губернатора короля Якова бросили в тюрьму. В Нью-Йорке никто знал, кому нести бремя власти. И тут в историю вошел мингер Лейслер, ибо он числился среди предводителей городской милиции, и отцы города попросили его принять руководство, пока все не утрясется.

Можете представить, как обрадовалась Госпожа. Его поддержал ряд именитых голландцев, вроде доктора Бикмана и кое-кого из Стайвесантов. За него, поскольку он был голландцем, выступили мелкие голландские торговцы, ремесленники и опять же голландская беднота. Он нравился гугенотам, которые прибывали чуть ли не с каждым кораблем, а он помог им основать гугенотскую колонию, которую они назвали Нью-Рошель в честь фран-

¹⁶ Частное лицо, которое с разрешения верховной власти воюющего государства использовало вооруженное судно (также называемое капером, привати́ром или корсаром) с целью захватывать купеческие корабли неприятеля, а в известных случаях – и нейтральных держав.

цузского города, откуда их выгнали. Любили мингера Лейслера и многие англичане, особенно на Лонг-Айленде, так как они вообще ненавидели католиков, а он был добропорядочным протестантом. Самые набожные твердили даже, что «Славная революция» явилась знаменем о приближении Царства Божия.

Поэтому какое-то время Нью-Йорком правил мингер Лейслер. Но ему приходилось туго. Помню, как однажды он навестил Госпожу и пожаловался, насколько трудно ему поддерживать порядок. «А мне ведь придется поднять налоги, – сообщил он. – Тут-то меня и невзлюбят!» Я видел по его лицу, обычно живому и веселому, до чего он устал и как напрягался. «Но скажу вам одно, – продолжил он. – Я обещаю, что этот город впредь никогда не достанется католикам». И мингер Лейслер управлял городом примерно полтора года.

Но если Госпожа стояла за него горой, то Босс держался осторожнее.

То, что было у него на уме, я понял впервые, когда мы шли по главной улице, что проходит от форта до ворот, – англичане называли ее Бродвеем. В этой части города проживали голландцы не сильно знатные – плотники, извозчики, кирпичники, башмачники и моряки. Все они любили Лейслера. И я заметил Боссу, насколько по душе был мингер Лейслер местному люду.

– Гм... – буркнул он. – Это не доведет его до добра.

– Как это, Босс? – не понял я, но он не ответил.

Однако вскоре стало ясно, где корень зла. Мингер Лейслер начал рассаживать простолюдинов по конторам и наделять их властью. Это не понравилось даже крупным голландским купцам. На него стали жаловаться и пасторы.

Госпожа не обращала внимания на это нытье. Она неизменно оставалась на стороне Лейслера.

– Он голландец, а у нас теперь голландский король, – говорила она.

– Но он еще и английский король, – услышал я однажды предостережение Мастера, – а двор его находится в Лондоне. У крупного купечества там найдутся друзья, которых у Лейслера нет. – Он посоветовал ей выражаться осторожнее.

Ну и через несколько месяцев мингер Лейслер нанес по выдающимся людям удар, не видя с их стороны большого сопротивления. Он арестовал мингера Байарда, а на ван Кортландта и еще нескольких выписал ордера. Простые голландцы, любившие мингера Лейслера, даже разгромили дома кое-кого из этих важных людей. Босс был богат, а потому даже побаивался, как бы не сожгли и его собственный. Однажды вечером он вернулся домой и сказал, что на улицах ожидаются беспорядки, а когда я сообщил ему, что Госпожа ушла, приказал: «Идем со мной, Квош. Нам лучше позаботиться о ее безопасности». Вот мы и отправились в город. И стоило нам дойти по Бивер-стрит до Бродвея, как мы увидели больше сотни женщин, маршировавших к форту и намеренных выразить поддержку мингеру Лейслеру. А в первых рядах шагала Госпожа. Босс на секунду так рассвирепел, что я уж решил – сейчас он ее выволочит. Но он вдруг рассмеялся: «Ну что же, Квош! Полагаю, это означает, что они не тронут нашего дома».

Правда, в конечном счете все вышло так, как и предупреждал Босс. Из Лондона прибыл корабль с войсками для захвата города. Мингер Лейслер, знавший все о своих врагах, засел в форте, сказав, что не сдаст города без приказа самого короля Вильгельма. Но вскоре пришел и приказ. И тогда его арестовали, ибо королю доложили, что это опасный мятежник.

– Спасибо твоим дружкам, – сказала Боссу Госпожа.

– Радуйся, что и тебя не арестовали, – ответил тот.

Услышав, правда, что отцы города обратились к королю Вильгельму за разрешением казнить мингера Лейслера, Босс заявил, что это будет позор.

Сразу же после этого вернулся приватир Босса и мистера Мастера. Он кое-чем разжился, но этого было мало для того, чтобы предприятие стало выгодным. Доставили и сколько-то рабов, но мне не понравился их вид.

– Не думаю, что они здоровы, – сказал мистер Мастер. – Лучше бы нам их побыстрее продать.

И продал на следующий день.

Все это время несчастный мингер Лейслер томился взаперти и ждал, когда решится его участь. Большинство горожан было потрясено. В нашем доме царило неопишное уныние. Госпожа едва ли с кем разговаривала. В начале мая, когда одна из шествовавших с Госпожой женщин попросила одолжить ей на несколько дней Наоми для какого-то шитья на ее ферме, Госпожа одолжила, и мне сдается, что Наоми была рада выбраться куда подальше. В доме была такая скорбь, что я сказал ей: «Возьми и крошку Марту». И так они отправились на то самое буйери, которое находилось всего в двух милях к северу от города, и провели там десять дней.

За это время погода вконец раскапризничалась. В иные дни стояла удушливая жара и улицы воняли конским и прочим навозом; затем становилось холодно и дождливо. Казалось, что все это чувствовали. Я человек обычно выдержанный, но тоже упал духом. Я едва справлялся с работой. Наконец однажды поздно вечером Наоми и крошка Марта вернулись. Мы толком не поговорили. Они так устали, что сразу легли спать.

На следующий день мы с Боссом пошли к реке. Мистер Мастер и другие купцы рассчитывались с приватиром и прикидывали, есть ли резон выслать еще один. После этого мы отправились в форт, потому что Боссу и мистеру Мастеру хотелось узнать новости о мингере Лейслере. Когда они вышли, Босс качал головой.

– Байарды настроены уничтожить его, – сказал он мистеру Мастеру. – Не верю, что они даже дождутся слова короля Вильгельма.

Они уже входили на постоялый двор, когда мы заметили бегущего к нам юного Гудзона.

– Что стряслось, малый? – спрашивает Босс.

– Марта, сэр! – крикнул он. – По-моему, она умирает!

Бедная крошка сгорала от лихорадки. На нее было страшно взглянуть. А Наоми тоже выглядела больной, и ее начинало трясти.

– Это все те рабы с корабля Босса, – сказала она мне. – Их продали на то самое буйери, где мы жили. Они были хворые, когда мы прибыли, а один умер. Уверена, мы что-то от них подцепили.

Но никто не знал, что это за болезнь. Моя малышка Марта горела всю ночь, а к утру еле могла вздохнуть. Мы с Наоми ухаживали за ней, но где-то посреди ночи с Наоми начало твориться то же самое. Я обмывал их холодной водой, чтобы уменьшить жар, но толку было мало.

Затем, уже утром, к двери подошла мисс Клара.

– Мисс Клара, вам сюда нельзя, – возразил я. – Не хочу, чтобы вы захворали.

– Я знаю, Квош, – сказала она, – но я хочу ухаживать за ней.

Я чуть не задохнулся, когда она так сказала, однако сразу же позвал Госпожу, чтобы та удержала мисс Клару подальше. И Госпожа сказала ей, что входить ни в коем случае нельзя. Но мисс Клара была себе на уме. Она не уступила бы даже Боссу и Госпоже. Она заявила, что не уйдет, пока не даст Марте какого-то целебного травяного питья, с которым пришла. И Босс сказал: «Тогда отдай его Квошу», но она отказалась. И вот она встала, придержала Марту за руку и дала ей отпить. Марта едва смогла проглотить, но это питье, может статься,

и пошло ей на пользу, так как она притихла. После этого мне удалось выпроводить мисс Клару из комнаты.

А на закате моя малышка Марта умерла. Ее мать была настолько измождена, что вскоре после этого погрузилась в тревожный сон. Я же, не желая, чтобы с ней рядом оставался детский трупик, подхватил Марту и тайком снес во двор. И Босс разрешил мне положить ее до поры на конюшню, а ночью мне, видно, следует ее похоронить.

Когда я вернулся, Наоми пыталась сесть и все искала Марту.

– Где она? – спросила Наоми.

– Внизу прохладнее, – ответил я, не будучи в силах сей же час открыть ей правду. – Пусть полежит там.

Но в этот миг в окне послышались рыдания мисс Клары. Значит, ей сообщили.

– Она ведь мертва? – говорит Наоми. – Моя крошка Марта мертва.

Не знаю, что на меня нашло, но я не сумел ответить. И тогда Наоми опрокинулась на постель и закрыла глаза.

Позднее той же ночью лихорадка одолела ее не на шутку. Она тряслась и вся пылала.

– Я умираю, Квош, – проговорила она. – Нынче же и умру.

– Держись, сколько можешь, – ответил я. – Ты нужна нам, Гудзону и мне.

– Знаю, – сказала она.

Наутро пошел дождь. Всего лишь неспешный, ровный дождь. Я сидел с Наоми и не имел никакого понятия о том, что творилось в мире. Но днем во двор пришел Босс и спросил о Наоми.

– Ты слышал новости? – осведомился он потом. – Сегодня казнили беднягу Лейслера.

– Сожалею, Босс, – сказал я.

– Госпожа очень переживает. Ему уготовили смерть изменника.

Я знал, что это значит. Сперва тебя вешают, но ненадолго, чтобы не убить сразу. Потом выпускают кишки и отрубает голову. Трудно было представить, что такая штука могла случиться с джентльменом вроде мингера Лейслера.

– Он был изменником не больше, чем я, – произнес Босс. – Люди растаскивают его платье по клочкам, как святыню. Они называют его мучеником, – вздохнул он. – Между прочим, Гудзону, по-моему, сегодня лучше заночевать на кухне.

– Да, Босс, – сказал я.

Ночью дождь продолжился. Я надеялся, что прохлада поможет Наоми, но нет. К середине ночи ее охватил такой жар, что она металась и кричала. Потом успокоилась. Ее глаза были закрыты, и я не мог судить, становилось ли ей лучше, или же она проигрывала бой. К рассвету я осознал, что дождь перестал. Наоми дышала мелко и выглядела очень слабой. Затем она открыла глаза.

– Где Гудзон? – спросила она.

– С ним все хорошо.

– Хочу на него взглянуть, – прошептала она.

– Тебе нельзя, – сказал я.

Она, похоже, погрузилась после этого в забытие. Когда рассвело, я встал и ненадолго вышел, чтобы вдохнуть свежего воздуха и посмотреть на небо. Оно было чистым. На востоке сияла утренняя звезда.

Вернувшись, я обнаружил, что Наоми скончалась.

В дни после похорон Босс с Госпожой были очень добры ко мне. Босс постарался загрузить делами и меня, и Гудзона. Он правильно поступил. Что касается Госпожи, то говорила она мало, но было ясно, что она крайне потрясена казнью мингера Лейслера.

Однажды, когда я работал во дворе, Госпожа подошла и встала рядом. У нее был печальный вид. Чуть выждав, она спросила:

– Вам хорошо жилось с Наоми?

И я сказал, что да, хорошо.

– И вы не ругались?

– Слова друг другу поперек не сказали, – ответил я.

Она помолчала какое-то время, потом сказала:

– Жестокие слова – ужасная вещь, Квош. Порой ты о них сожалеешь. Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Я не знал, что на это сказать, вот и продолжил работать. Постояв еще немного, она кивнула своим мыслям и ушла в дом.

В том же году Госпожа взяла взамен Наоми новую рабыню, – по мне, так ей вздумалось, будто мы можем сойтись. Та была неплохой женщиной, но ладили мы с ней хуже, и, правду сказать, я сомневался, что кто-нибудь сможет заменить Наоми.

Юный Гудзон был мне великим утешением. Мы остались вдвоем и много времени проводили вместе. Он был красивый мальчик и хороший сын. Он никогда не уставал от реки. Упросил матросов научить его вязать узлы. По-моему, он умел завязать веревку всеми мыслимыми способами. Умел даже делать узоры! Я научил его всему, чему мог, и сказал, что когда-нибудь, если Босс снизойдет, мы станем вольными. Но я говорил об этом мало, так как не хотел поселить в нем ни лишних надежд, ни мучительного разочарования из-за моей неспособности добиться свободы быстрее. Я всегда радовался, если он шел рядом. Часто, беседуя с ним на ходу, я клал руку ему на плечо, а когда он подрос, то тоже иногда тянулся и клал свою на мое.

Правда, для Госпожи это были трудные времена. Она еще оставалась красивой женщиной. Ее соломенные волосы поседел, но лицо изменилось меньше. Однако на нем в те нелегкие годы появились морщины, и в минуты печали она выглядела старухой. Ничто ее не устраивало, все было не по ней. И это потому, что, хотя большинство горожан по-прежнему говорили по-голландски, английских законов с каждым годом становилось все больше.

Потом англичанам захотелось господства своего вероисповедания – они называли его англиканством. А губернатор заявил, что не важно, в какую ты ходишь церковь, – все равно плати англиканским священникам. Это разозлило многих, особенно Госпожу. Но некоторым пасторам до того хотелось угодить губернатору, что они не жаловались и даже предложили разделить свои церкви с англиканами, пока те не построят своих.

По крайней мере, у нее была семья. Но Босс, хотя ему перевалило за шестьдесят, был постоянно занят. Поскольку война короля Вильгельма с французами все длилась, не убавлялось и приватиров – ими-то и занимались Босс с мистером Мастером. Иногда Босс отправлялся за шкурками вверх по реке. Однажды он отбыл с мистером Мастером в Виргинию, что дальше по побережью.

Госпожа часто навещала внуков в доме Яна, находившемся неподалеку. И с Кларой ей тоже было легче. Но Клары часто не бывало дома, и мне сдается, что Госпожа чувствовала себя одиноко.

Однажды летним днем, вскоре после того, как Босс и мистер Мастер вернулись из Виргинии, вся семья собралась на обед. Пришли и Ян с женой Лизбет, и их дочери, и мисс Клара. Прислуживали мы с Гудзоном. Все находились в приподнятом настроении. И в самом конце трапезы, когда мы только подали мадеру, мисс Клара встала и сообщила, что хочет сделать объявление.

– У меня есть хорошие новости, – сказала она, обводя взглядом всю честную компанию. – Я выхожу замуж.

Госпожа пришла в крайнее удивление и спросила, за кого бы это вдруг.

– За молодого Генри Мастера, – ответила та.

Что тут скажешь – я тарелку держал, так чуть не грохнул. Что до Госпожи, то она посмотрела на мисс Клару, не веря ушам.

– Мальчишка Мастера! – вскричала она. – Он даже не голландец!

– Знаю, – отозвалась мисс Клара.

– Он намного моложе тебя, – напомнила Госпожа.

– В этом городе полно женщин, которые вышли за тех, кто моложе, – возразила мисс Клара и назвала имя богатой голландской леди, у которой было три молодых мужа.

– А с пастором ты говорила?

– С пастором незачем говорить. Мистер Смит поженит нас в англиканской церкви.

– Англиканской?! – Госпожа чуть не поперхнулась. – И его родня смеет этого требовать?!

– Это была моя мысль.

Госпожа как стояла, так и села, словно была не в силах поверить услышанному. Затем она посмотрела на Босса:

– Ты знал об этом?

– Слышал краем уха. Но Кларе уже за тридцать, и она вдова. У нее своя голова на плечах.

Тогда Госпожа повернулась к сыну и спросила, знал ли он.

– В общих чертах, – сказал тот.

После этих слов Госпожа обмякла на стуле.

– Было бы любезнее, если бы кто-нибудь просветил и меня, – сказала она тихо.

– Мы точно не знали, – ответил Ян.

– Это не так уж плохо, Грет, – бодро заявил Босс. – Генри – славный малый.

– Итак, Клара, – продолжила Госпожа, – ты рада-радешенька выйти за англичанина и оставить свою Церковь. Это для тебя пустяки?

– Я люблю его, – ответила Клара.

– Это пройдет, – сказала Госпожа. – Тебе известно, что в английском браке ты будешь почти бесправна?

– Я знаю закон.

– Клара, ты не должна принадлежать мужу. Голландки свободны.

– Меня это не волнует, мама.

Какое-то время все молчали. Госпожа уставилась в стол.

– Я вижу, – наконец заметила она, – что моей семье нет до меня дела. – Она кивнула. – Вы все заодно с Мастером. – Она повернулась к мисс Кларе. – Желаю счастья.

Позднее в том же году их обвенчал мистер Смит, английский священник. Госпожа отказалась идти на службу. Никто не удивился. Многие из ее друзей-голландцев испытали бы те же чувства. Когда Босс вернулся, она сидела в гостининой мрачнее тучи. Он же был совершенно доволен и, как я видел, успел пропустить пару-другую стаканчиков.

– Не кручинься, дорогая, – сказал он. – И без тебя было неплохо.

Я тоже бы жил довольно счастливо, когда бы не желание моего сына Гудзона отправиться в море. Он постоянно донимал меня этим, а Босс был целиком на его стороне. Мистер Мастер заявил, что возьмет Гудзона хоть сейчас, и Босс не отдал его мистеру Мастеру лишь потому, что знал о моем нежелании, равно как и о том, что у меня не было ничего, кроме сына.

– Ты дорого обходишься мне, Квош, – сказал он – и не шутил.

Однажды мистер Мастер явился к нам в обществе шотландского джентльмена по имени капитан Кидд. Тот был приватиром, женившимся на богатой вдове-голландке. Крепкого сложения, держался он очень прямо. Лицо у него было загорелое и обветренное, но он всегда носил изящный парик и без единого пятнышка крават¹⁷, а еще – роскошный синий или красный камзол. Госпожа назвала его пиратом, но денег у него теперь так много, что он сделался весьма уважаемой фигурой, был дружен с губернатором и всеми зажиточными семействами. Мистер Мастер расписал ему, как юный Гудзон умеет сплести любой узел, и заставил Гудзона показать, а капитан остался весьма впечатлен.

– Этот ваш маленький раб, ван Дейк, он морю принадлежит, – изрек он со своим шотландским акцентом. – Вы должны сделать из него моряка.

Затем он уселся в гостиной и принялся рассказывать Боссу разные басни о своих похождениях, да при Гудзоне, и после этого мне добрый месяц приходилось тяжело – до того размышлялся о море мой сын.

За всю свою жизнь в этом доме я приучился к тому, что родня свободно общалась между собой. Если надо было сказать что-нибудь по секрету, то Босс и Госпожа уединялись и запирались, чтобы их точно не подслушали. Но вообще все высказывались свободно, особенно за столом, когда я прислуживал. Поэтому с годами я практически все узнал о семейном бизнесе или об их мнениях о событиях в мире.

Но однажды я услышал кое-что, не предназначенное для моих ушей.

Моей вины в этом не было. За домом находился славный садик. В него открывалась дверь из комнаты, которую Босс приспособил под свой кабинет. Садик был очень уютный – как все голландские. Там росла груша и была разбита клумба с тюльпанами. А рядом на грядках росли капуста, лук, морковь, и цикорный салат, и кукуруза. У одной стены под навесом зрели персики. По молодости я не любил работать в саду, но теперь мне нравилось ухаживать за растениями.

Теплым весенним днем я трудился себе тишком неподалеку от окна кабинета Босса, которое было открыто. Я даже не знал, что Босс там, пока не услышал голос его сына Яна.

– Я слышал, что мингер Филипс составил английское завещание, – сообщил он.

– Надо же! – донесся голос Босса.

– Джентльменский поступок, – говорит ему Ян. – Подумай об этом.

В вопросах смерти между голландцами и англичанами существовала большая разница. Когда умирал голландец, вдова продолжала владеть и его домом, и всяким бизнесом, пока не помирала сама, а после все делилось промеж детьми, мальчиками и девочками поровну. Однако англичанки не пользовались таким уважением, потому что когда англичанка выходила замуж, все ее состояние передавалось мужу, будто она рабыня. И у нее нет права вести какие-либо дела. А если муж умирает, то почти все достается старшему сыну, за исключением доли, предназначенной для пропитания вдовы. И англичане даже проталкивали закон, по которому сын мог выставить мать из дома по истечении сорока дней.

Такое положение дел устраивало крупных английских землевладельцев, поскольку все состояние было собрано в одних руках и семья сохраняла власть. А потому и некоторым голландцам из тех, что сделались джентльменами, захотелось составить английское завещание, но большинство голландцев не обратили на этот английский закон никакого внимания. Полагаю, их жены не потерпели бы такого. И я не представлял, чтобы и Босс вдруг принял его в расчет.

¹⁷ Белый мужской шейный платок.

– У нас есть голландское завещание, составленное давным-давно, после свадьбы, – сказал Босс. – Оно находится у старика Шермерхорна, стряпчего твоей матушки. С ней приключится удар, если я что-нибудь изменю.

– Ей и не нужно знать. Новое, английское, перекроет его.

– А тебе что за дело?

– Правду сказать, отец, я не доверяю ее суждениям. То, например, как она разошлась из-за истории с Лейслером. По-моему, она не тот человек, чтобы распоряжаться нашими деньгами. Клара обеспечена хорошо. У нее богатое приданое, да и от первого мужа деньги остались, а Генри Мастер, Бог свидетель, далеко не бедняк. Будь уверен, что по английским законам он унаследует чуть ли не все отцовское состояние. Она намного богаче меня.

– Понимаю, куда ты клонишь, – сказал Босс.

– Ты же знаешь, что я всегда присмотрю за мамой. Как и Клара.

– Не сомневаюсь.

– Я лишь подумал, что надо бы тебе меня защитить. И род ван Дейков. Вот и все.

– Обещаю, Ян, подумать над этим. Но пусть это лучше останется между нами.

– Безусловно, – ответил Ян.

После этого я тихо перешел в другой конец сада, а когда вернулся в дом, то не обмолвился об услышанном ни словом – даже Гудзону.

Из 1696 года я помню два события. Старая стена на севере города рушилась на глазах, и несколько лет назад вдоль нее проложили улицу, которую называли Уолл-стрит. И в том же году на ее пересечении с Бродвеем англиканцы начали строить новую красивую церковь. Церковь Троицы – вот как ее называли.

Вторым событием было последнее путешествие капитана Кидда.

Война короля Вильгельма с французами все тянулась. Голландское поселение Скенектади, основанное в двух сотнях миль вверх по реке, подверглось нападению французов и индейцев, тогда как в океане французы и их пираты так докучали англичанам, что те взмолились и упросили капитана Кидда разобраться. Капитан, как я уже сказал, отошел от дел и был уважаемым человеком. По правде, в то самое время он как раз помогал строить церковь Троицы на Уолл-стрит. Но он согласился. «Не думаю, впрочем, что его пришлось долго уговаривать, – заметил Босс. – Эти старые морские волки всегда тоскуют на суше».

Однажды я шел домой, и ко мне присоединился Гудзон. Вид у него был взволнованный, но он помалкивал и знай шагал рядом, очень по-свойски, как делал часто. И я положил ему на плечо руку, как тоже делал часто. Тогда он постепенно разговорился.

– Капитан Кидд хочет взять меня в море.

Сердце у меня екнуло, словно корабль, идущий ко дну.

– Ты слишком молод, чтобы думать об этом, – ответил я.

– Мне почти шестнадцать. Есть юнги намного моложе!

– Босс не позволит, – сказал я и мысленно взмолился, чтобы так и вышло. – Неужели тебе не терпится покинуть отца?

– Нет! – вскричал он и обвил мою шею рукой. – Не в этом дело! Но в море я выучусь на матроса.

– На пирата ты выучишься, – сказал я.

Насмотревшись на экипажи этих приватиров, я содрогался при мысли, что Гудзон будет жить среди подобного люда.

Не успели мы войти в дом, как меня позвал Босс.

– Вот что, Квош, – сказал он. – Капитан Кидд желает купить Гудзона. Он сделал мне очень солидное предложение.

Я только переводил взгляд с одного на другого. Я не знал, что сказать. Затем опустился на колени. Это было все, что я мог сделать.

– Не посылайте его в море, Босс, – произнес я. – Он все, что у меня есть.

– Ты же знаешь, что он и сам хочет, – ответил Босс.

– Знаю. Но он ничего не понимает. Я думаю, что капитан Кидд – совершенный джентльмен, но его команда... Иные из тех, кого он набирает, – это просто пираты.

– Квош, мы не можем вечно держать его при себе, – сказал Босс.

Я лихорадочно соображал. Меня страшили не только опасности, подстерегавшие Гудзона в море, но и то, как мог поступить с ним капитан Кидд, если купит его. Что, если он продаст моего сына в каком-нибудь далеком порту? Что тогда будет с Гудзоном? Я все еще надеялся, что Босс когда-нибудь даст ему вольную.

– А что, если капитан Кидд не станет покупать Гудзона, а просто заплатит вам за его службу? – спросил я. – Вы сдадите Гудзона внаем, но капитану придется его вернуть. Он и в цене поднимется как матрос!

Я лишь пытался что-нибудь измыслить, но Босс призадумался.

– Это годится, Квош, – изрек он. – Теперь ступай, а завтра поговорим.

На другой день было решено, что Гудзона сдадут капитану Кидду внаем. Спасибо и на том. На снаряжение корабля ушло много недель, и это было драгоценное для меня время, поскольку я думал, что больше не увижу сына. Но я не поделился с ним мыслями, а он находился в таком волнении, что мчался на берег всякий раз, как исхитрился сбежать от меня.

Конечно, многие питали надежду изрядно разжиться на этом походе. В него вложились не только губернатор, но и несколько знатных английских лордов. Поговаривали, что тайную долю имел даже король Вильгельм. Корабль нарекли «Галерой приключений», исходя из того, что на нем были весла, а потому он мог атаковать другие суда даже в безветренную погоду. На нем было сто пятьдесят человек экипажа и тридцать четыре пушки.

Когда подошло время отплытия, я усадил Гудзона рядом и сказал:

– Отныне повинуйся капитану Кидду во всем, потому что теперь он твой господин. Но среди тех людей, Гудзон, с которыми ты поплывешь, есть очень дурные. Поэтому делай свое дело и держись в сторонке, – возможно, они тебя и не тронут. Помни, чему учили тебя мать и отец, и всякая беда пройдет стороной.

Наконец в сентябре 1696 года «Галера приключений» покинула Нью-Йоркскую бухту, и я провожал Гудзона взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Шли месяцы, вестей не было. Я знал, что если капитан Кидд не найдет добычи поближе, то наверняка устремится через океан к берегам Южной Африки – мысу Доброй Надежды. Обогнув этот мыс и направившись к острову Мадагаскар, можно было встретить и французских купцов, и пиратов.

Однажды в порт вошел корабль, бывавший в тех краях. Он доставил новости: капитан Кидд лишился трети своей команды, застигнутой холерой у берегов Мадагаскара. Но правда ли это и жив ли мой Гудзон, я знать не мог.

Весной мисс Клара родила сына. У Яна были только дочери, и Босс очень обрадовался малышу. Мальчика назвали в честь Босса: Дирком.

– У меня есть внук, Квош, – сказал он, – и если мне повезет, то я еще увижу, как он вырастет. Разве не славно?

– Да, Босс, – ответил я. – Вы везучий человек.

Но Госпожа, хотя мисс Клара поднесла ей младенца, так и не обрадовалась внуку, рожденному в англиканстве.

А дальше в час, когда я не ждал, пришли новости, по которым я протомился всю жизнь. Госпожи не было дома, и Босс позвал меня в гостиную.

– Квош, – заявил он, – ты помнишь мое обещание: когда я умру, ты станешь вольным?

– Да, Босс, – ответил я.

– Имей в виду, что воля может оказаться не тем, что ты думаешь. Но так или иначе, в моем завещании я откажу тебе вольную и в придачу немного денег.

– Я старею, Босс, – сказал я, молясь про себя. – Будет ли вольная и Гудзону?

– Да, – подтвердил Босс, – он тоже станет свободным. Если жив.

– Спасибо, Босс.

– Не говори об этом никому, Квош, – сурово произнес Босс. – Ни Гудзону, ни единому человеку в доме! Это останется между нами по причинам, которые тебе незачем знать. Понимаешь?

– Да, Босс, – сказал я.

Должно быть, подумал я, он таки составил английское завещание.

– Еще одно. Ты должен пообещать кое-что сделать, когда меня не станет.

Он извлек тряпичный сверток и развернул его. И я увидел вампумный пояс, который он надевал, когда мы ходили вверх по реке.

– Узнаешь?

– Да, Босс, – кивнул я.

– Это особенный пояс, Квош. Он имеет великую важность и ценность. По сути, для меня он драгоценнее всего моего имущества. Я храню его в тайнике, который покажу и тебе. Когда я умру, Квош, пойди и вынь этот пояс. Не говори никому, даже Госпоже. Но я хочу, чтобы ты отнес его мисс Кларе и сказал, что это мой особый подарок маленькому Дирку. Пусть он владеет им, и хранит, и передаст своему сыну, если у него будет сын, или другим моим потомкам в память обо мне. Ты обещаешь так сделать, Квош?

– Да, Босс, – сказал я. – Обещаю.

– Добро, – ответил он и показал мне тайник, и мы положили туда вампумный пояс, чтобы ему ничего не сделалось.

Слухи о капитане Кидде поползли следующей весной. Корабли, прибывшие в порт, принесли известие о том, что вместо того, чтобы охотиться за пиратами, он сам стал пиратом. Я спросил у Босса, что он об этом думает.

– Кто его знает, что там творится в морях? – пожал он плечами.

Я подумал о Гудзоне, но больше ничего не сказал. Слухи продолжали гулять, но за весь следующий год мы не узнали ничего наверняка. Весной 1699 года до нас дошла весть, что капитана Кидда ищет английский флот. А летом капитан Кидд объявился наконец в Бостоне, и прилетела новость о его аресте.

И тут, как я счел, Босс показал себя наилучшим образом. Новости час как прибыли, а он уже поспешил в Бостон разузнать о Гудзоне. Я сунулся с благодарностью, но он только усмехнулся и заявил, будто печется лишь о своей собственности.

В тот день нашлось быстроходное судно, направлявшееся в Бостон, но прошло две недели, прежде чем я увидел двоих, шагавших по улице к дому. Одним был Босс. Вторым – чернокожий чуть выше меня, здоровый детина. И вдруг он, к моему изумлению, помчался ко мне и обнял меня, и я признал моего сына Гудзона.

В последующие дни Гудзон пересказал мне все, что можно, о плавании, холере и о том, как они не находили ни единого французского судна. Он сообщил, что капитан придерживался предписания, но в экипаже было столько пиратов, что он едва мог помешать им нападать даже на голландские корабли. Это были скверные люди, сказал Гудзон. В конце концов

они захватили французский корабль, но его капитан оказался англичанином, и с этого начались неприятности.

– В Бостоне меня тоже арестовали, – признался Гудзон. – Но когда появился Босс, который сказал, что я всего-навсего раб, одолженный капитану Кидду как якобы приватире, тамошние рассудили, что я ни в чем не виноват, и отпустили меня. Но по-моему, Босс им сколько-то заплатил.

Однако капитану Кидду повезло меньше. Его долго продержали в Бостоне, а после отправили на суд в Англию.

В Нью-Йорке только и говорили о деньгах, которыми разжился за это плавание капитан Кидд. Из тех, кто вложился, никто не увидел ни гроша, кроме губернатора. Капитан Кидд зарыл сокровища где-то на острове Гардинеров, но губернатору указал это место, и тот все забрал. Люди же сказывали, что он закопал другую часть где-то еще – может быть, на Лонг-Айленде. Я спросил у Гудзона, правда ли это, но он лишь помотал головой; впрочем, я не исключал, что он о чем-то помалкивает.

Сказать по совести, все это мало меня заботило. Одно было важно: мой сын вернулся и когда-нибудь станет вольным. Правда, я не нарушил данного Боссу слова и ничего ему не сказал.

Я был благодарен и кое за что еще. Пожив среди пиратов, Гудзон уже не так рвался в море. Его вполне устраивало жить дома со мной. Многие месяцы мы вели тихую жизнь. В Нью-Йорке было спокойно. Босс зачастил к Яну и Кларе, но я видел, что особую радость ему доставлял малыш Дирк.

В 1701 году мы узнали, что капитана Кидда казнили в Лондоне за пиратство. Гудзон счел этот суд несправедным, хотя согласился, что да, капитан убил человека. Мне было жаль капитана, но я все равно испытывал облегчение оттого, что идея о приватирстве стала представляться моему сыну опасной, как никогда.

Босс очень часто сдавал Гудзона в работу, а я выучил его знатно, и Боссу платили весьма неплохо. Босс неизменно выдавал Гудзону некоторую долю, и тот постепенно начал откладывать деньги.

Одним октябрьским утром Босс послал меня с письмом к человеку, который владел на Стейтен-Айленде заводом по производству рома. Я редко бывал там и отправился с удовольствием. Туда ходил шлюп, и мы совершили приятное путешествие через бухту к причалу близ селения, которое называют старым городом. Англичане зовут его островом Ричмонд. Я знал, что там есть два крупных имения, и видел множество ферм на пологих холмах. Мне это место показалось очень славным.

Я ушел оттуда далеко за полдень. Идя же вдоль берега и направляясь к дому, я вдруг увидел бегущего ко мне Гудзона.

– Скорее! – крикнул он. – Босс умирает!

И мы помчались в дом. А там мне сказали, что вскоре после моего ухода с Боссом случился сильнейший удар и вряд ли он выживет. И меня сразу повели к Боссу.

Там были врач и кое-кто из родни, включая Клару. Босс был сильно бледен и еле дышал. Но он узнал меня и попытался улыбнуться, когда я подошел.

– Все сделал и вернулся, Босс, – доложил я. – И мне очень жаль наблюдать вас в таком нехорошем виде.

Тогда он попробовал что-то сказать, но издал лишь странный звук. Правда, я знал, о чем он говорил. Он сообщал мне: «Ты свободен, Квош. Ты свободен». И пусть его никто не понял, я все равно улыбнулся и сказал:

– Я знаю, Босс. Я знаю. – В следующий миг его голова откинулась на подушку, и я добавил: – Не беспокойтесь об этом сейчас, Босс. – И взял его руку.

Он же нахмурился и вроде как попытался встряхнуть меня за плечо, а потом очень пристально посмотрел мне в глаза. И я знал, чего он хочет.

– Я не забыл о своем обещании, Босс, – произнес я. – Помню, что вы наказали сделать. И он сжал мою руку, хотя не мог говорить.

Босс прожил почти весь день. Рано вечером, когда мы с Гудзоном были во дворе, к нам вышла заплаканная мисс Клара, которая сообщила, что с Боссом приключился второй сильнейший удар и он скончался.

– Я знаю, Квош, что ты его любил, – сказала она.

– Да, мисс Клара, – ответил я.

И часть меня опечалилась, потому что, с точки зрения раба, мне было нечего жаловаться на то, как обращался со мной Босс – лучше некуда. Но часть меня думала только о воле. Я не знал, сказал ли Босс родным о моей свободе, но это было записано в его завещании, и я не волновался.

Боссу устроили пышные похороны. Пришло, по-моему, полгорода Нью-Йорка – и англичан, и голландцев. И все были очень добры и учтивы с Госпожой. Вечером она ненадолго отправилась к Яну, и, пока ее не было, мне пришлось в голову, что самое время вынуть из тайника индейский пояс Босса. Так я и сделал: не разворачивая, отнес к своей постели и спрятал там, и никто ничего не заметил.

На следующее утро Госпожа заявила, что собирается по каким-то делам Босса. Я подумал, что скоро можно будет и поговорить с ней о моей свободе, и решил обмолвиться об этом, когда она вернется и смотря в каком настроении. Пока же ее не будет, я выполню данное Боссу обещание насчет индейского пояса и покончу с делом. Так что взял я тот сверток и пошел к мисс Кларе, жившей на Бридж-стрит.

Ну и на полпути, едва миновав Милл-стрит, я услышал позади голос:

– Что это у тебя там такое, Квош?

Это была Госпожа. Я решил прикинуться, будто не слышу, и быстро огляделся, куда бы свернуть, но не успел я и глазом моргнуть, как ее рука уже лежала у меня плече. Я, стало быть, обернулся, просиял и спросил:

– Что вам будет угодно, мэм?

– Ничего, – ответила она, – только покажи, что несешь.

– Да кое-что из моих вещичек, – ответил я. – Ничего особенного.

– Ну так и покажи, – настаивала она.

Я столько лет прожил в их семье, что вряд ли она могла заподозрить меня в краже. Мне не хотелось показывать ей пояс, так как Босс велел хранить тайну. Но она уже взялась за сверток, и деваться было некуда. Ну, я принялся разворачивать. А она сначала выглядела огорошенной, но когда увидела, что там внутри, то потемнела лицом.

– Отдай это мне, – приказала она.

– Я взял, потому что так велел Босс, – ответил я.

Мне не хотелось раскрывать, куда я иду, – пусть думает, что тот подарил пояс мне.

– А я тебе говорю – отдай! – заорала она.

И вдруг затряслась от ярости. Не знаю, чем ее так рассердил этот пояс, но я ничего не мог с этим поделать.

Что тут скажешь, соображать пришлось шустро. Я знал, что нужно что-то предпринять и выполнить обещанное. К тому же, если бы я сделал все, как он сказал, и отдал этот пояс мисс Кларе для ее сына, то никто бы не смог сказать, что я его украл. А еще я прикинул и решил, что пусть Госпожа гневается, толку от этого мало, я уже был свободен. Поэтому вместо того, чтобы подчиниться, я развернулся и до того, как она успела вцепиться в сверток, бросился наутек и юркнул за какие-то телеги, а потом дошел до дома мисс Клары.

Там я застал мисс Клару, дословно передал ей послание Босса и сказал, что маленький Дирк, а потом и его сыновья должны хранить пояс, куда будет здоровствовать род, ибо так пожелал Босс. Затем я рассказал о Госпоже, и мисс Клара велела мне не волноваться, а если выйдет какая неприятность, то она сама поговорит с Госпожой. Так что я простился с ней, но домой пошел, только выждав, далеко за полдень, чтобы Госпожа успела остыть.

Когда я вошел в дом, Госпожи нигде не было видно. Но Гудзон сказал, что недавно прибыли Ян со стряпчим и они засели с ней в гостиной. Я и сообразил, что это, верно, по поводу завещания.

Я отправился в коридор, надеясь что-нибудь подслушать. Дверь в гостиную была закрыта. Но потом я услышал Госпожу, заговорившую очень громко:

– К черту ваше английское завещание! Мне все равно, когда его составили. У меня есть надежное голландское!

Сами понимаете, что после этого я приник к двери. Я различил голос стряпчего, хотя не понял его слов, однако Госпожу, заоравшую на него в ответ, услышал вполне отчетливо.

– Что значит – мне можно остаться тут на год?! Это мой дом! Я останусь здесь до конца своих дней, если захочу! – Затем, после невнятной речи стряпчего: – Дать вольную Гудзону? Это мне решать. Гудзон принадлежит мне. – Снова заговорил стряпчий, по-прежнему очень тихо. Потом Госпожа опять взорвалась: – Я вижу, что тут творится, предатель! Я даже не верю, что муж вообще подписывал это английское завещание! Покажите мне его подпись. Дайте сюда!

Наступила короткая тишина. Затем я услышал крик Яна.

Я стоял, припав ухом к двери, и чуть не влетел в комнату, когда она распахнулась. В тот же миг мимо меня пронеслась Госпожа. Она смотрела прямо перед собой. Не думаю даже, что она заметила меня. В руке у нее был документ, и она мчалась в кухню. Дальше я помню, что столкнулся с Яном, который бросился за ней. Когда я прочно встал на ноги, она уже хлопнула кухонной дверью, и до меня донесся звук задвигаемой щеколды. Ян опоздал. Он принялся орать и колотить в дверь, но тщетно.

Гудзон находился в кухне и после рассказал мне, что было дальше. Госпожа подошла прямиком к очагу, швырнула завещание в огонь и смотрела до тех пор, пока оно не сгорело. Затем взяла кочергу и тщательно размешала пепел. Потом совершенно спокойно отворила дверь, за которой так и маялись Ян и стряпчий.

– Где завещание? – спросил стряпчий.

– Какое завещание? – ответила она. – Единственное, которое я знаю, хранится в сейфе у моих стряпчих.

– У тебя ничего не выйдет, – сказал Ян. – Завещание составлено при свидетелях. Я могу тебя засудить.

– Изволь, – парировала она. – Но ты можешь и не выиграть. А если не выиграешь, то я не посмотрю, что ты мои плоть и кровь, и ничего тебе не оставлю. Я все растрочу. А сейчас, пока судья не велит мне иначе, дом и все, что в нем, останутся моими.

Они пошли прочь, бросив, что она еще услышит о них, а я решил, что настал мой черед испытать на себе ее гнев. Но Госпожа, к моему удивлению, обратилась ко мне очень спокойно:

– Квош, принеси-ка мне стаканчик дженевера. – А когда я принес, проговорила: – Сейчас я устала, Квош, но завтра мы обсудим вашу с Гудзоном свободу.

– Да, мэм, – ответил я.

С утра она встала рано и куда-то ушла, наказав нам смотреть за домом, пока она не вернется, и никого не впускать.

Потом она прислала за Гудзоном – ей, дескать, понадобилась помощь на рынке, и он отправился к ней. Спустя какое-то время она возвратилась без Гудзона и велела мне идти в гостиную.

– Итак, Квош, – сказала Госпожа, – в последние дни веселого было мало.

– Я очень сожалею о Боссе, – ответил я.

– Не сомневаюсь. – Она помолчала, словно размышляя. – Мне было грустно, Квош, узнать, что муж вознамерился лишиться меня средств и выставить из собственного дома, а родные были с ним заодно. – Холодно посмотрев в мою сторону, она уставилась в пол. – Меня огорчило, Квош, и то, что давеча ты мне не подчинился и удрал с тем индейским поясом. Возможно, ты знал про английское завещание и вообразил, что коль скоро вы с сыном будете вольными, то можно оскорблять меня всласть.

– Босс лишь сказал мне, что мы с Гудзоном получим свободу, когда он умрет, – ответил я, ибо так оно и было.

– Ну а я решила иначе, – невозмутимо сказала она. – Гудзон уже продан.

Я только таращился на нее, пытаюсь уразуметь смысл услышанного.

– Продан? – переспросил я.

– Да. Капитану корабля. Он уже на борту.

– Я хочу его видеть.

– Нет, – сказала она.

Тут в дверь постучали, вошел седовласый джентльмен и поклонился Госпоже. Я вроде как видел его раньше – и вот вспомнил: это был англичанин-плантатор, которого несколько лет назад приводил мистер Мастер. Госпожа кивнула ему и повернулась ко мне:

– Поскольку отныне я владею всем, что принадлежало мужу – если судья не сочтет иначе, – ты тоже принадлежишь мне, Квош. И что бы там ни говорил мой супруг, я решила продать тебя, раз ты меня не послушал. Сегодня на рынке мне встретился этот джентльмен, и он приобрел тебя. Ты отправишься с ним сей же час.

Я был так потрясен, что лишился дара речи. Должно быть, я огляделся, как будто собрался бежать.

– Со мной еще двое, – резко заметил плантатор. – Даже не думай!

Я все не мог поверить, что Госпожа так поступила со мной.

– Госпожа! – вскричал я. – После всех этих лет...

Но она лишь отвернулась.

– Довольно. Забирайте его! – крикнул плантатор, и в комнату вошли двое мужчин. Один был ростом с меня, но я видел, что он очень силен. Второй был великан.

– Мне нужно собрать вещи, – пробормотал я.

– Поторопись! – велел плантатор. – Ступайте с ним, – сказал он этим двоим.

Вот и собрал я пожитки вместе с небольшой суммой денег, которую всегда хранил в надежном месте. Я боялся, что ее отберут, но они не взяли. Я все еще был оглушен, когда меня отвели к повозке и увезли прочь.

Ферма плантатора находилась милях в десяти к северу от Манхэттена. Дом был из тех, что строят голландские фермеры, с шатровой крышей. Однако англичанин-плантатор обнес его широкой крытой верандой. У него было полдюжины рабов, которых держали в невысоком деревянном сарае возле коровника.

Когда мы прибыли, плантатор, желая меня осмотреть, велел мне снять рубаху.

– Что ж, – изрек он, завершив осмотр, – ты немолод, но выглядишь крепким. Смею надеяться, что несколько лет работы мы из тебя выжмем.

Меня вели к невольничьему сараю, когда он подал голос:

– Стойте!

Из земли торчал здоровый столб, и вдруг эти двое его людей схватили меня за руки и сунули их в кандалы, висевшие на цепях, которые спускались с самого верха.

– Слушай меня, ниггер, – процедил плантатор, – твоя хозяйка сказала, что ты украл и пытался сбежать с украденным. Здесь такая штука не пройдет, понятно тебе?

И он кивнул тому, что был пониже, – десятнику. А десятник сходил через веранду в дом и вернулся со страшным кнутом.

– Сейчас тебя поучат хорошему поведению, – изрек плантатор, а я озирался по сторонам, не в силах поверить в происходящее. – Ну-ка, отверни свою морду! – велел плантатор.

И после этого десятник нанес мне первый удар.

Меня никогда не били кнутом. Босс высек меня лишь однажды, когда я был мальчишкой, ремнем. Но кнут – это совсем другое дело.

Когда меня хлестнули этим кнутом по спине, ее ожгло лютым огнем и треснула плоть, а я был так изумлен и потрясен, что издал вопль.

Затем я услышал, как кнут свистнул и щелкнул снова. Но этот удар был хуже первого. И я чуть не выпрыгнул из своей шкуры. И тотчас увидел плантатора, который наблюдал, как мне это понравится. Третий удар оказался так ужасен, что я был готов взорваться от боли; голова с силой запрокинулась, а глаза едва не вылезли из орбит. И тут случилась короткая передышка, а все мое тело тряслось, и я решил, что, может быть, они закончили. А дальше увидел, как плантатор кивнул десятнику, как бы говоря: «Неплохо, продолжай в том же духе».

– Я ничего не крал! – крикнул я. – Я этого не заслуживаю!

Но бич пал снова, и еще, и еще. Меня объяло пламя. Тело в агонии билось струною о столб. Кулаки в оковах сжались так крепко, что пальцы окрасились кровью. После дюжины ударов я решил, что умру, но десятник продолжил бить, пока не отвесил двадцать.

Тогда плантатор подступил ближе и вперился в меня взглядом.

– Ну что, ниггер? – осведомился он. – Что нужно сказать?

А я просто висел на столбе – проживший больше пятидесяти лет и впервые в жизни избитый кнутом. И всякое достоинство покинуло меня.

– Простите, хозяин! – воскликнул я. – Я буду делать все, что прикажете!

– Не называй меня хозяином, – сказал он. – Я тебе не поганый голландец.

– Нет, сэр, – прошептал я. И пусть во мне вспыхнул гнев, избиение было столь ужасным, что я и пыль бы лизал – хватило бы его слова. И я в полном отчаянии заглянул в его глаза.

– Не заговаривай со мной, пока не спросят, – распорядился он. – А когда будешь говорить, гляди в землю – ты, вороватая животина, сучий ниггер! Чтобы не смел смотреть мне в лицо! Сумеешь запомнить? – Я глядел в землю, и он тогда обратился к десятнику: – Сделай ему что-нибудь, чтобы запомнил.

И десятник всыпал мне еще – десять раз. В конце я, видно, лишился чувств, потому что не помню, как меня сняли и швырнули в сарай.

На этой ферме я проработал полгода. Труд был тяжелым. Зимой, когда выпал снег, плантатор загнал всех рабов в кузницу, где нас научили ковать гвозди, и мы занимались этим по десять часов на дню, а гвозди шли на продажу. Нас вечно принуждали к какому-то делу, чтобы заработать ему денег. Он сносно кормил нас и содержал в тепле, так что работать мы могли. И не причинили бы никаких беспокойств, даже если бы захотели, потому что слишком выматывались к исходу дня. Меня больше не били, но я знал, что если дам повод, то он еще не то со мной сделает.

И все это понуждало меня размышлять над моей удачливостью – столько лет прослужить у Босса, когда люди вроде мистера Мастера ежегодно слали на плантации, наверно,

тысячи негров, а там были такие же условия, если не хуже. И я печалился при мысли, что так прожили жизнь и мои родители – одиноко, в разлуке с детьми.

Весной нас вернули в поля – копать и пахать. И вот однажды около полудня я, будучи весь в грязи, увидел подкатившую крытую повозку, откуда вышли мужчина и женщина. Они скрылись в доме. Чуть позже появился плантатор, кликнул меня, и я поспешил к нему. И, стоя перед ним с потупленным взором, я различил на веранде шуршание юбок, но не посмел взглянуть, кто это, а потом услышал знакомый голос:

– Да полно, Квош, неужели ты меня не узнаешь?

И я понял, что это мисс Клара.

– Ты изменился, Квош, – сказала мисс Клара, когда они с мистером Мастером доставили меня обратно в Нью-Йорк.

Мне было слишком стыдно рассказывать ей о порке, так что я ответил:

– Я в полном порядке, мисс Клара.

– Тебя пришлось поискать, – сообщила она. – Мать отказалась говорить, кому тебя продали. Мои люди опросили весь город. Мы выяснили это только на днях.

Я спросил, не знают ли они чего о Гудзоне.

– Его продали морскому капитану, но мы не знаем кому. Он может быть где угодно. Сожалею, Квош, – сказала она. – Быть может, ты его потерял.

Какое-то время я не мог вымолвить ни слова, потом произнес:

– Вы очень добры, что приехали за мной.

– Мне пришлось выложить за тебя круглую сумму, – со смехом сказал молодой Генри Мастер. – Старый плантатор знал, что ты нам нужен, и скидки не сделал.

– Мы знаем, что тебе обещали волю, – подхватила мисс Клара.

– Гм, – произнес ее муж, – не знаю, не знаю... После того, что мне пришлось заплатить... Но нам все равно придется решать, что с тобой делать, Квош.

Похоже, главным препятствием была Госпожа. Недавно она отправилась вверх по реке до самого Скенектади, где вознамерилась поселиться. Она выбрала это место на том основании, что там была крепкая голландская церковь, а в городе едва ли нашелся хоть один англичанин.

– Пока она там, можно оставить тебя у нас или у брата, – сказала мисс Клара. – Но брат не хочет, чтобы она вернулась и увидела, что ты снова здесь. Это ее разозлит, а она по-прежнему всем заправляет. Жаль, что не бывать тебе вольным.

– Это не важно, мисс Клара, – ответил я.

Лучше с ними, чем с тем плантатором. Да и что мне было в свободе, если мой сын оставался рабом?

Ту весну и лето я работал на мисс Клару и ее семью. А поскольку в их доме мне было знакомо чуть ли не все, я был для них великим подспорьем.

Моей главной радостью был ее сын Дирк. Мелкий шkodник, он был полон жизни, и порой я подмечал в нем что-то от Босса. Белокурый и голубоглазый, как мать, он уже развил в себе смекалку, хотя малость ленился, когда речь заходила об учебе. И до чего же это дитя любило ходить на берег! Он напоминал мне родного сына. Я отводил его туда любоваться на лодки и болтать с матросами. Но больше всего ему нравилось уходить за форт и смотреть на реку. Эта река его будто притягивала. День рождения Дирка был летом, и он, когда его спрашивали, чего ему хочется, отвечал, что мечтает отправиться на лодке вверх по течению. Так что в один прекрасный день молодой Генри Мастер, мальчонка и я погрузились в большую парусную лодку и отправились вверх по этой могучей реке, с течением обгоняя ветер, – все дальше и дальше, за каменные Палисады. Перед тем как пуститься в обратный путь, разбились

лагерь и устроились на ночлег. И в этом путешествии Дирку позволили носить индейский вампунный пояс, который мы трижды обернули вокруг его талии.

– Это ведь важный пояс, Квош? – спросил Дирк.

– Твой дед его очень ценил, – ответил я, – и специально отдал тебе, чтобы ты хранил его всю жизнь и передал дальше.

– Мне узоры нравятся.

– Говорят, у этих вампунных узоров особый смысл – они рассказывают, какой был Босс великий человек и все такое. Думаю, их сделали индейцы, которые его особенно почитали. Но это все, что я знаю.

Да, этот мальчонка любил реку. Он был там как дома. И я надеялся, что он свяжет свою жизнь с рекой, а не с работорговыми кораблями.

Вышло же так, что я, может статься, и повлиял на него в этом смысле. Однажды я умывался в своей чердачной конуре, а Дирк спросил сзади:

– Квош, что это у тебя за отметины на спине?

После порки на ферме вся спина моя была покрыта жуткими шрамами, которые я всегда прятал и не показал бы мальчонке ни за какие блага.

– Это случилось давно, – сказал я. – Давай-ка выкинь это из головы и забудь.

И я отослал его вниз.

Но позже, в тот же день, когда я ухаживал за цветами в саду, ко мне подошла мисс Клара. Она тронула меня за руку и произнесла:

– Бедный Квош, мне так тебя жаль!

Через пару дней после этого я прислуживал за столом, а маленький Дирк и выдает:

– Отец, а разве можно стегать раба?

Отцу его стало неловко, и он промямлил:

– Ну, всяко бывает...

Но мисс Клара сказала коротко и очень тихо:

– Нет, этого никогда нельзя делать.

А я, зная ее норы, понял, что она не изменит своего мнения.

Действительно, однажды я услышал, как она сказала мужу, что не расстроится, если все это рабство вообще упразднят. Но тот ответил, что это всяко случится не скоро, ибо дела сегодня обстоят так, что добрая часть богатства Британской империи зависит от рабского труда на сахарных плантациях.

Весь тот год я прожил у мисс Клары и ее мужа. За это время в городе вспыхнула желтая лихорадка, но наш дом она, слава богу, обошла стороной. И большую часть следующего года я тоже оставался у них.

А в Англии тем временем скончались королева Мария и ее супруг, голландский король Вильгельм, и трон перешел к сестре Марии – Анне. Америку же тамошнее правительство ценило так высоко, что нам прислали знатного джентльмена, который приходился кузеном самой королеве, и звали его лорд Корнбери. Так что лорд Корнбери поселился в Нью-Йорке.

Все это меня бы не касалось, когда бы не Госпожа. Никто не знал почему – Ян сказал, что она небось с кем-то рассорилась, – но в октябре она прислала письмо, в котором сообщила, что подумывает вернуться в Нью-Йорк, и мисс Клара позвала брата, чтобы решить, как быть дальше. Я тоже был с ними в гостинной.

– Если она придет, то лучше тебе отсюда убраться, Квош, – сказали они мне оба.

– Квош находится под нашим присмотром, – напомнила мисс Клара.

– Разумеется, – кивнул Ян. – И я, по-моему, придумал. Есть место, где о нем хорошо позаботятся, а делать придется мало. – Он улыбнулся мне. – Я, знаете ли, говорил с самим губернатором.

– С лордом Корнбери? – спросила мисс Клара.

– Представь себе. Его светлость, похоже, подыскивает себе личного слугу. Я рассказал ему о Квоше, и он проявил крайний интерес. – Ян повернулся ко мне. – У него, Квош, тебя не обидят. Да и другое важно: губернаторы правят всего несколько лет, потом возвращаются в Англию. Если его светлость будет тобой доволен, в чем я не сомневаюсь, то он, когда закончится срок его пребывания, даст тебе вольную.

– Но вдруг лорд Корнбери решит продать Квоша? – возразила мисс Клара.

– Я подумал об этом. Лорд Корнбери дал слово в том, что если останется недоволен, то продаст нам Квоша назад по той же цене.

– Ты уверен, что Квошу будет хорошо?

– Хорошо? – рассмеялся мистер Мастер. – Да ему будет лучше, чем нам!

– Квош, – обратилась ко мне мисс Клара, – если тебе будет плохо, немедленно возвращайся ко мне.

– Полно, – сказал Ян, – лорд Корнбери еще не видел Квоша. Но если все сложится, Квош, я буду тебе благодарен, потому что это всенепременно улучшит мои отношения с губернатором.

– Я сделаю все, что смогу, – сказал я.

Вот так и получилось, что за каких-то полтора года я перешел из рук того лютого плантатора в дом самого губернатора.

Его светлость был древнего рода Хайдов, сын и наследник дядюшки королевы графа Кларендона. Так что королевских кровей. Но в нем не было ни тени спеси. Он держался неизменно учтиво, даже с рабами вроде меня. Он был довольно рослый, хорошо сложен, с темными волосами и большими карими глазами. Он стал бы черным, как жук, если бы не брился ежедневно и тщательно, – и брить его входило в мои обязанности. Я никогда не жил у аристократа, а потому внимательно наблюдал за ним, стараясь понять, как ему угодить и что он сделает дальше.

Вскоре я понял, почему Яну так хотелось порадовать лорда Корнбери. «Я тори, – с улыбкой говаривал его светлость. – Я почитаю королеву и ее двор. А как же иначе, когда прихожусь ей кузеном?» Он благоволил к знатным семьям, державшимся на английский лад, и поощрял их конторами, контрактами и землями. За это его недолюбливало голландское меньшинство, еще помнившее несчастного мингера Лейслера. Да и он их, по-моему, не сильно жаловал. Но к счастью, я достаточно неплохо говорил по-английски, а после многих лет у Босса умел расположить к себе хозяина.

У его светлости с женой было пятеро детей, но живы остались лишь двое: Эдвард, которому было двенадцать, когда я прибыл, и красивая темноволосая девочка восьми лет по имени Феодосия. Эдвард большую часть времени проводил с наставником, а Феодосия – с матерью. Мои обязанности касались только его светлости. С ним было легко, потому как он, хотя и требовал порядка, всегда объяснял, чего хочет, и если оставался доволен, то говорил мне. С людьми, которые к нему являлись, он всегда был обходителен, и все же я видел, что за его хорошими манерами скрывалось честолюбие.

– Губернатор должен оставить след, – так он однажды выразился.

В частности, он горел желанием укрупнить англиканскую церковь Троицы и часто принимал членов приходского совета, куда входил ряд виднейших купцов. Он выделил этой церкви большой земельный участок в западной части города. И еще вымостил Бродвей красивым булыжником на всем протяжении от церкви Троицы до Боулинг-Грин, что перед фортом. Он также поставил англиканских священников в кое-какие пресвитерианские и голландские церкви – и это очень не понравилось тамошним прихожанам. «Джентльмены! – сказал он им. – Простите, но такова воля королевы». Все это было частью его плана.

Однажды я присутствовал при его разговоре с приходским советом церкви Троицы. «Нью-Йорк – английское название, – заявил он, – и мы ожидаем, что вы и англиканское духовенство сделаете его английским по сути».

Он не ведал гордыни, однако во всем любил стиль. В губернаторской резиденции в форте имелись приличные помещения, но не было элегантности. «Это дом никуда не годится», – говорил он. Однажды мы взяли лодку и отправились на Нат-Айленд, до которого рукой подать от оконечности Манхэттена, и он, прогуливаясь там под каштанами, сказал мне:

– Восхитительное место, Квош. Восхитительное!

И, не теряя времени, затеял на невысоком холме строительство красивого дома. Вскоре остров уже назывался Губернаторским.

За это, конечно, пришлось платить. Однако налог на городские укрепления как раз принес свыше тысячи фунтов – вот он и воспользовался. Кое-кто из купцов-налогоплательщиков негодовал, но ему не было дела.

– Сейчас на нас никто не нападает, – заявил он.

За это время я от случая к случаю виделся с мисс Кларой и остальным семейством, но о Госпоже речь больше не заходила, пока однажды я не повстречал на Уолл-стрит Яна.

– Она вернулась, Квош, – сказал он. – Вернулась и выяснила про все губернаторские дела против голландцев и ради англикан. Через три дня объявила, что больше не вернется, и снова отправилась в Скенектади. – Яна разбирал смех. – Благослови Господь лорда Корнбери!

А у меня тоже была причина благодарить его светлость. Однажды он заметил, что я смурной, и спросил, в чем дело, и я сказал, что гадаю о судьбе моего Гудзона. И что он сделал-то! Разослал письма во все порты по всему белу свету, где торговали англичане, да еще на каждое английское судно – пусть наведут справки.

– Это займет время, и я ничего не обещаю, – сказал он, – но мы попробуем.

Добрый он был человек.

Он удивил меня, когда мы пробыли вместе уже больше года.

Леди Корнбери была стройная, элегантная дама. Мы мало разговаривали, но она всегда держалась со мной учтиво. Я знал, что она доставляет его светлости определенные проблемы. Я нередко заставлял его стоящим возле стола, что был завален ее непоплаченными счетами, и бормочущим: «Как же мне это уладить?» Его светлость был не такой богач, как думали. Но стоило им с ее светлостью остаться наедине, как начинался дружный смех.

Однажды его светлость сказал мне, что они с ее светлостью будут ужинать наедине с двумя друзьями, только что прибывшими из Лондона. Тем же вечером, когда я тщательно побрил его и выложил ему одежду, он заявил:

– Сейчас ты мне больше не нужен, Квош. Спустишь, отвори гостям и жди в столовой.

Ну, я впустил английского джентльмена с его женой и провел их в главную гостиную, где гостей ожидала ее светлость, так как его светлость еще не сошел вниз. Чуть погодя ее светлость сообщила мне, что ожидается еще одна, тайная гостья, великая личность, и мне надлежит открыть дверь и объявить о ее приходе. И я чуть не лишился чувств, когда она сказала, кого объявлять. Но я сделал, как было велено, и отворил дверь, а за ней, конечно же, находилась великая личность, так что я повернулся и громко произнес:

– Ее величество королева!

Я во все глаза смотрел, как входит королева Анна. Но когда она прошла мимо меня, я узнал его светлость.

Он был одет в платье ее светлости. Оно немного жало, но он управлялся с ним преотлично. И двигался, нужно признать, грациозно. На нем был женский парик. А после того как

я побрил его светлость, он так напудрился, нарумянился и накрутился, что действительно мог сойти за очень красивую женщину.

– Господи, Корни! – воскликнул английский джентльмен. – Ты меня напугал! Тебя выдает рост, но ты необычайно похож на нее. Поразительно!

– Вы же знаете, что мы с ней близкая родня, – ответил его светлость, чрезвычайно довольный собой.

– Покажи-ка нам ножку, – потребовала английская леди.

Так что его светлость поднял юбки и показал нам свою ногу, которая выглядела прелестной в шелковом чулке. А потом он шевельнул ею так, что я чуть не вспыхнул.

– Помилуй, Корни! – расхохоталась леди. – Ты мог бы быть женщиной!

– Иногда так оно и бывает, – негромко заметила ее светлость.

Тогда его светлость пошел по комнате, делая реверансы и срывая аплодисменты.

Я подал ужин, и все весьма развеселились. Его светлость снял парик со словами, что стало чертовски жарко, после чего общество предалось сплетням об общих знакомых при английском дворе. И я был рад видеть их довольными, так как подозревал, что, несмотря на высокое положение в Нью-Йорке, губернатору и его леди наверняка не хватало и театра, и двора, и лондонских друзей.

Похоже, его светлость остался доволен вечером. Через месяц он устроил другой. Я помог ему подготовиться, и он немало повозился с платьем ее светлости, которое ему было слишком тесно.

– Придется что-то придумать, – сказал он мне.

На сей раз к нему пришли два джентльмена из знатных голландских семейств, принадлежавших к английской партии, – ван Кортландт и Филипс. Они крайне удивились явлению королевы и пару минут не осознавали розыгрыша, ибо никогда не видели эту леди. По моему, представление его светлости им не понравилось, хотя они, будучи людьми вежливыми, ничего не сказали.

Дело, как и в прошлый раз, происходило в губернаторском доме в форте. После ухода гостей его светлость возымел желание подышать свежим воздухом и велел мне идти с ним на парапетную стену, которая выходила на бухту.

Ночь была ясной, над водой сверкали звезды. Лишь один часовой нес караул. Он посмотрел на нас и решил, что видит, вероятно, ее светлость. Осознав ошибку, он пригляделся внимательнее, но все не мог сообразить в темноте, кто эта высокая леди.

– Должно быть, здесь стоял Стайвесант, когда англичане явились брать город, – заметил мне его светлость.

– Полагаю, что да, милорд, – ответил я.

Он постоял еще сколько-то времени, и мы пошли назад. Проходя мимо часового, губернатор пожелал ему доброй ночи. И тот буквально обмер, когда услышал мужской голос. Не сомневаюсь, что он так и тарачился нам вслед. А когда мы спустились, я сказал его светлости, что часовой удивился тому, что дама заговорила мужским голосом, – любопытно, смекнул ли он, кто это был? Но его светлость лишь рассмеялся и ответил: «Что, здорово мы его напугали?» И я тогда понял, что губернатор в глубине души, каким бы он ни был аристократом, нисколько не заботился о мыслях часового. И я осознал, что в этом была его слабость.

Из этих вечеров я понял и еще две вещи. Во-первых, его светлости нравилось напоминать о своем родстве и сходстве с королевой. Во-вторых, он любил переодеваться женщиной, королева Анна она или нет.

Так или иначе, а после этого я оказался в фаворе у губернатора, и он не забыл, что я появился у него благодаря семейству ван Дейк. Так что однажды он пригласил в форт

Яна. Я прислуживал в комнате, когда тот вошел. Тогда как раз раздавали правительственные контракты, и его светлость преспокойно взял один и протянул ему:

– Вы славно удружили мне, когда продали Квоша. Быть может, вы сумеете поставить эти товары ко двору ее величества?

У Яна округлились глаза, едва он прочел контракт.

– Ваша светлость очень добры, – сказал он. – Я ваш должник.

– Тогда, наверное, вам будет приятно что-нибудь сделать для меня, – произнес его светлость. И принялся ждать.

– Мне будет очень приятно, – с пылом ответил Ян, – вручить вашей светлости пятьдесят фунтов, если ваша светлость окажет мне честь и примет их.

Ну и его светлость великодушно согласился принять. А мне все это было крайне интересно – наблюдать, как вершатся государственные дела.

Я продолжил пристально изучать его светлость, все думая, чем бы ему угодить, и вскоре после этого мне представился удобный случай. Проходя мимо лавки портного на Док-стрит, я заметил большую шелковую нижнюю юбку, которая, как я прикинул, очень неплохо подойдет его светлости. Всегда держа при себе деньги, что мне перепадали, я приобрел ее без труда и тем же вечером, когда мы остались наедине, вручил его светлости.

– Это на следующий раз, как ваша светлость будет ее величеством, – сказал я.

Он пришел в полный восторг и тут же ее примерил.

– Все, что мне нужно, – изрек он, – это такое же просторное платье.

Я обратил внимание, что всякий раз, когда он переодевался королевой, детей удаляли из дому. Так я сообразил, что его светлость все-таки немного побаивался людского мнения о своей привычке. Поэтому я постарался изгнать из моего поведения даже намек на насмешку. Через неделю после того, как я отдал ему юбку, он надел оную под платье для ужина наедине с ее светлостью и, когда я заблаговременно помогал ему нарядиться, спросил:

– Ты не находишь странным то, что я так одеваюсь?

– Милорд, в Африке, – ответил я, – откуда происходит мой народ, есть племена, великие вожди которых одеваются как женщины. Но это дозволено только им. Мы считаем это особым отличительным знаком.

Я все это выдумал, но его светлость об этом не знал.

– Ах вот оно как, – произнес он довольным голосом.

Прошло несколько месяцев; его светлость время от времени наряжался королевой, а то еще просто расхаживал в женском платье.

В том же году занедужила ее светлость. Врачи не знали, что с ней такое, а потому отворяли ей кровь, давали травы и рекомендовали покой. Домашний уклад во многом остался прежним. Его светлость часто присутствовал на уроках сына или читал вечерами Феодосии. Но я заметил, что нездоровье ее светлости иногда отзывалось в нем бессонницей. Он в одиночестве расхаживал по комнате, и я знал, что при этом он часто бывал облачен в женское платье.

В течение некоторого времени я гадал, нельзя ли извлечь из этой ситуации какую-нибудь пользу, и вот однажды на рынке я повстречал не кого иного, как Вайолет, ту самую мулатку с Ист-Ривер, с которой когда-то водился. Она сильно постарела, но я узнал ее, а она меня. С ней была девчушка лет девяти, ее внучка.

– А мне она, часом, не внучка? – спросил я негромко.

И она со смехом ответила, что может быть. Это малышку звали Роуз.

Ну и было похоже, что эта Роуз на удивление ловко орудовала иглой, а Вайолет была занята поисками для нее постоянной работы. А когда я сообщил, что ныне принадлежу губернатору, она спросила, не сумею ли я помочь.

– Подожди немного, и я узнаю, – ответил я.

Я взялся за дело на следующий день. С помощью каркаса из тонких палочек я, как корзинщик, принялся сооружать грубое подобие губернаторского тела. Руки у меня, к счастью, всегда были приличные, и дело спорилось. Взяв его рубашку, я сумел преотлично подогнать болванку. Затем я купил отрез шелка и отрез льняного полотна. Это обошлось мне в солидную часть моих сбережений, но я был уверен, что все окупится сторицей. После этого я позаимствовал старое платье ее светлости, которое она никогда не носила. Потом погрузил эти вещи в тележку и отвез к Вайолет.

– Ее светлость желает подарить подруге с Лонг-Айленда платье, – сообщил я. – Корпус у нее вот такой, но в росте мы не уверены, так что сшейте подлиннее, а лишнее потомотрежем. – Затем я показал ей позаимствованное платье как образец и сказал, что если Роуз справится, то ей хорошо заплатят.

– Справится, – ответила Вайолет.

Я пообещал вернуться через две недели.

И сомневаться не пришлось: когда я вернулся, платье было готово. Тогда я пришел к его светлости и сказал, что у меня есть платье, которое, по-моему, подойдет ему лучше. Увидев наряд, он уставился на материал, погладил шелк и от души похвалил мой выбор. Платье сидело превосходно. Я прихватил его там и сям, и его светлость пришел в совершенный восторг.

– Милорд, мне пришлось немного потратиться, – признался я и назвал сумму меньшую, чем запросил бы любой городской портной.

Он немедленно выложил деньги. На следующий день я заплатил Роуз – немного, но достаточно, чтобы она осталась довольна. А после стал ждать.

Ее светлости тем временем полегчало. Она и его светлость вернулись к обычной жизни. Он несколько раз надевал то самое платье к ужину и был полностью удовлетворен. Но чуть погодя он, как я и рассчитывал, спросил, не достану ли я еще одно. Я ответил, что, пожалуй, смогу. Однако на следующий день явился с унылым лицом:

– Возникло затруднение, милорд. – Я объяснил ему, что у портнихи, которая шила платье, возникли подозрения. Она спросила, не губернаторский ли я раб, и заявила, что если ее светлость желает платье, то ей не предоставят кредит. При этих словах его светлость застоялся. – Но там захотели знать, для кого будет платье, – продолжил я, – и мне не понравился взгляд портнихи, а потому я сказал, что мне придется справиться у ее светлости.

Хотя я выдумал эту байку, его светлость знал, что становится все менее популярным среди голландцев, пресвитерианцев и многих других. У него были враги. Как и у ее светлости – из-за неоплаченных счетов. Да и о странных переодеваниях его светлости ползли кое-какие слухи, которых хватало, чтобы вынудить к осторожности даже гордого человека, каким был он.

– Ты поступил правильно, – признал он. – Давай-ка мы с этим повременим.

Правда, я видел, что он разочарован.

Поэтому я выждал еще несколько дней. Затем однажды вечером, когда он вроде как приуныл, сделал ход.

– Вот что я подумал, ваша светлость, – сказал я. – Наше затруднение можно разрешить.

– Да неужели? – вскинулся он.

– Да, – подтвердил я и признался, что всегда подумывал, если вдруг стану вольным, открыть магазинчик с разнообразными товарами для дам, а заодно и шить платье. Я считал,

что Ян и мисс Клара поддержат меня и направят ко мне покупателей и заказчиков, да и швею я уже приметил, которую мог бы нанять. – Открой я это дело, – заметил я, – можно было бы одевать вашу светлость в какие угодно платья, а любопытствовать стало бы некому. Никто, кроме меня, даже не знал бы, что я ваш поставщик. Можно обшивать и ее светлость. И разумеется, имея дело с вашей светлостью, я не искал бы выгоды. Я одевал бы ваши светлости по себестоимости.

– По себестоимости? – повторил он, и я кивнул.

– И не только платья, милорд. Юбки, шелковые чулки – все, что понравится вашим светлостям.

– Гм... – произнес его светлость. – А ценой всего этого будет твоя свобода?

– Иначе у меня ничего не получится.

– Я подумаю, – сказал он.

Вы скажете, что я сделал рискованное предложение, пообещав одевать и обшивать ее светлость, при том что она не всегда платила по счетам. Но я рассудил, что об этом позаботится его светлость, если ему захочется новых платьев.

На следующий день меня вызвали в малую гостиную. Я ожидал застать там его светлость, но это оказалась ее светлость. Она сидела в кресле.

– Его светлость рассказал мне про ваш разговор, – сообщила она, наградив меня задумчивым взглядом. – И есть одна вещь, которая меня беспокоит.

– Ваша светлость, прошу прощения?

– Освободив тебя, его светлость утратит над тобой власть, если ты вздумаешь болтать. Ты знаешь, о чем я. – И она посмотрела мне прямо в глаза. – Я обязана защитить его.

Она, конечно, была права. Его светлость отдавался в мои руки. И я был восхищен тем, что она это сказала. Поэтому немного помолчал. Затем снял рубаху. Я увидел, как расширились ее глаза. Но я повернулся и услышал, как она тихо ахнула при виде моих шрамов.

– Вот что сделал со мной плантатор, ваша светлость, до того, как я появился у вас, – проговорил я. – И правду сказать, миледи, я убил бы его, если бы мог.

– О, – выдавила она.

– Но в этом доме я не видел ничего, кроме добра. – И я сказал это с некоторым чувством, потому что не лгал. – Если его светлость даст мне свободу, о чем я мечтал всю жизнь, я скорее снова лягу под кнут, чем отплачу ему предательством.

На это она смерила меня долгим взглядом, а потом сказала:

– Спасибо тебе, Квош.

Я надел рубаху, поклонился и вышел.

Вот так и случилось, что в 1705 году я, будучи в возрасте примерно пятидесяти пяти лет, получил-таки вольную. Все сработало по моему замыслу. Ян был добр ко мне, помог арендовать лавку в приличной части города на Куин-стрит и научил закупке лучших товаров, а мисс Клара направляла ко мне столько народу, что я трудился не покладая рук. Я нанял не только малютку Роуз, но вскоре и еще двух таких же. Они были малы, и я платил им немного, но они радовались постоянной работе, и в скором времени я уже делал хорошие деньги.

И вот из этого и всего, что произошло в прошлом, я научился важному: дай людям то, что им хочется, – и обретешь свободу.

В следующем году скончалась ее светлость. И мне было жаль ее. Еще через год партия его светлости вылетела из лондонской канцелярии. И все его нью-йоркские враги, едва об этом проведали, немедленно направили в Лондон петицию с просьбой убрать его светлость с поста за все долги, по которым он еще не рассчитался. Сказали и про то, что он переодевался

женщиной, ибо слухи об этом тоже множились, хотя от меня никто не услышал ни единого слова. Его светлость даже бросили в долговую тюрьму.

Ему повезло: умер его отец, и он стал графом Кларендоном, что означало полноправное английское пэрство, а следовательно, по английским законам его нельзя было преследовать – отменный трюк, должен заметить. И ныне он живет и здравствует в Англии.

Ян и мисс Клара продолжали мне всячески помогать, оповещая о прибытии в порт грузов с шелком и другими товарами и содействуя в приобретении кое-чего по себестоимости. Поэтому я не удивился, когда вскоре после отбытия его светлости в Англию получил записку от Яна: он приглашал меня к себе за неким товаром.

По случаю мисс Клара оказалась там же, и мы прошли в гостиную.

– Квош, я приобрел кое-какое добро, которое счел для тебя интересным, – заявил Ян. – Да и Клара думает, что тебе понравится.

Я знал, что глаз у нее наметанный, и меня охватило нетерпение.

– Вот оно, изволь! – сказал он.

Я услышал, как отворилась дверь гостиной, и повернулся. И увидел моего сына Гудзона.

Он был силен и ладен, он улыбался. И мисс Клара, по-моему, тоже улыбалась, а может быть, плакала, но я не уверен в этом, потому что мой взор вдруг заволочло слезами и я ничего не видел толком.

Но после объятий я захотел убедиться, что понял правильно.

– Значит, теперь Гудзон принадлежит...

– Гудзон свободен, – возразила мисс Клара. – Мы купили его, а теперь отдаем тебе.

– Тогда он свободен, – кивнул я и какое-то время не мог ничего сказать.

Но потом – не знаю почему – мне пришло в голову, что я не удовлетворен. Я знал, что они желали нам с Гудзоном добра. Из прожитых лет мне было ясно и то, что вся эта торговля людьми, которой занимался мистер Мастер, – ужасное дело. В душе я считал, что ни он, ни кто-либо еще не вправе владеть другим человеком, и если он отказался хотя бы от одного раба, то уже хорошо. И я знал, что мечтал о свободе Гудзона больше, чем о своей. И все-таки, несмотря на эти соображения, я понимал, что в душе не удовлетворен этой сделкой.

– Спасибо за вашу доброту, – сказал я мистеру Мастеру. – Но я его отец и хочу купить свободу для моего сына.

Я увидел, как Ян быстро глянул на мисс Клару.

– Он обошелся мне в пять фунтов, – сказал он.

Я был уверен, что это слишком скромная сумма, но ответил, что столько мне следует и вернуть, после чего я тем же вечером выплатил ему первую часть.

– Ныне отец твой купил тебе волю, – сказал я сыну.

Не знаю, прав я был или нет, но для меня эта покупка значила много.

Это было два года назад. Сейчас мне шестьдесят, то есть больше, чем проживают многие, и намного больше, чем живут рабы. Недавно я прихворнул, но думаю, у меня еще есть в запасе время, и мой бизнес процветает. Мой сын Гудзон держит маленькую гостиницу сразу за Уолл-стрит и управляется хорошо. Я знаю: он предпочел бы море, но остается на берегу в угоду мне. У него есть жена и малыш-сыночек, – может быть, они удержат его на месте. Мы ежегодно ходим в гости к мисс Кларе отпраздновать день рождения маленького Дирка, и я замечаю на нем вампумный пояс.

Девушка из Бостона

1735 год

Суд назначили на завтра. Жюри было созвано губернатором. Тщательно отобранные марионетки. Обвинительный вердикт обеспечен. То есть речь идет о первом жюри.

Потому что едва двое судей взглянули на него, они, хотя и сами были дружны с губернатором, вышвырнули подставных присяжных и начали заново. В новом жюри были исключены подтасовки. Суд будет справедливым. Честный британский процесс. Пусть от Нью-Йорка до Лондона далеко, но город был все-таки английским.

Вся колония ждала затаив дыхание.

Но это не имело значения. У подсудимого не было надежды.

3 августа 1735 года от Рождества Господа нашего. Британская империя наслаждалась Георгианской эпохой. После кончины королевы Анны на трон был призван ее сородич Георг Ганноверский, такой же протестант; ему же вскоре наследовал сын, второй Георг, который и правил империей ныне. Это был век уверенности, изящества и разума.

3 августа 1735 года. Нью-Йорк, жаркий и душный полдень.

С другого берега Ист-Ривер могло показаться, что пейзаж сошел с полотна Вермеера. Тихие воды, мирная картина: длинная, низко прочерченная линия далеких причалов, все еще носивших имена вроде Бикман и Тен Эйк, уступчатые остроконечные крыши, приземистые склады и парусники на рейде. В центре же ловчился ужалить небо изящный маленький шпиль церкви Троицы.

Однако обстановка на улицах была далека от мирной. В Нью-Йорке уже проживало десять тысяч человек, и город рос с каждым годом. Лишь половина Уолл-стрит, пролежавшей по линии бывших валов, тянулась вдоль береговой черты. Западная часть Бродвея, фруктовые сады и очаровательные голландские садики сохранились, зато на восточной стороне теснились кирпичные и деревянные дома. Пешеходам приходилось протискиваться между открытыми верандами и лотками, лавировать между водяными бочками и мотающимися ставнями, уворачиваться от тележных колес, кативших себе по грунтовым и мощеным улицам к шумному рынку.

Но главной бедой для всех и каждого было зловоние. Конский навоз, коровьи лепешки, помои, мусор и грязь, дохлые птицы и кошки, всевозможные экскременты покрывали землю в ожидании, когда все это смоет дождем или высушит солнцем. А в знойный и душный день от этой гнили и нечистот исходил густой смрад. Вызревший на солнцепеке, он всплзал по деревянным стенам и заборам, пропитывая кирпич и известку, спирая дыхание в каждом зубу, разъедая глаза и поднимаясь до скатов крыш.

Таков был запах лета в Нью-Йорке.

Но Бог свидетель, то был британский город. Человек, глазевший на него через Ист-Ривер, мог находиться возле деревни Бруклин, где до сих пор звучала голландская речь, но пребывал тем не менее в графстве Кингс, с которым выше по реке соседствовало графство Куинс. За островом Манхэттен и рекой Гудзон по-прежнему простиралась материковая часть, которую английский король Карл II самолично нарек Нью-Джерси.

В самом городе все так же встречались милейшие голландские домики с остроконечными уступчатыми крышами, особенно в нижней части Уолл-стрит, однако дома поновее были выдержаны в английском георгианском стиле. Старый голландский Сити-Холл тоже

сменился классическим зданием, расположившимся на Уолл-стрит и самодовольно взиравшим на Брод-стрит. Голландская речь сохранилась близ рыночных прилавков, но исчезла из торговых домов.

С английским языком пришли и английские свободы. Город обладал королевской хартией с личной печатью короля. Да, бывший губернатор потребовал взятку за хлопоты в получении сего королевского признания, но этого следовало ожидать. Когда же хартия была дарована и запечатана, свободные люди города могли ссылаться на нее сколь угодно долгое время. Они выбрали своих городских советников; они были свободнорожденными англичанами.

В Нью-Йорке нашлись бы люди, способные упрекнуть эту английскую вольницу в несовершенстве. С ними согласились бы и рабы, торговля которыми на рынке близ Уолл-стрит неуклонно расширялась, но то были негры – люди низшего сорта, как в общем и целом полагали ньюйоркцы. Возможно, что и женщины Нью-Йорка – те, что еще помнили старое голландское право, уравнивавшее их с мужчинами, – посетовали бы на свой униженный по британским законам статус. Но честные англичане были твердо уверены в непристойности подобных жалоб со стороны слабого пола.

Нет, главным было бежать тирании королей. Пуритане и гугеноты держались в этом единого мнения. Не надо Людовика, короля французского, не надо католика Якова. Итогом «Славной революции» 1688 года стало превосходство протестантского британского парламента над королем. В отношении «общего закона»¹⁸ – право на суд присяжных и ассамблеи, оспаривающие неподъемные налоги, тогда как иные из этих древних прав восходили к Великой хартии вольностей, принятой пятьсот лет назад, а также к более ранним установлениям. Короче говоря, жители Нью-Йорка пользовались не меньшей свободой, чем их добрые английские друзья, которые еще и века не прошло, как отрубили голову своему королю, когда тот попытался стать тираном.

Вот почему был так важен завтрашний суд.

Два человека шли по дороге. Тот, что был в наглухо застегнутом коричневом сюртуке, испытывал неудобство. Возможно, ему было просто жарко. А может быть, его беспокоило что-то еще.

Мистер Элиот Мастер из Бостона был славный человек, который пекся о своих детях. Он также был осмотрительным адвокатом. Он, разумеется, улыбался, когда это бывало уместно, и смеялся, когда его к этому приглашали, хотя не слишком громко и не очень долго. Поэтому для него было необычно переживать из-за возможной ужасной ошибки.

Он только что впервые встретился со своим нью-йоркским кузенем, но уже успел составить впечатление о Дирке Мстере. Он всегда знал, что их деда – его тезка Элиот и дед Дирка Том – избрали разные стези. Бостонские Мастеры не водились с Мстерами из Нью-Йорка. Но Элиот, собравшись посетить Нью-Йорк, задумался: не пора ли восстановить отношения, ведь времени прошло немало. Однако, прежде чем написать своему кузену, он навел кое-какие справки об этих людях и убедился, что купец был состоятельным человеком. Для Элиота это явилось облегчением, ибо он был бы разочарован наличием бедного родственника. Но относительно натуры – что ж, в ней еще предстояло разобраться.

Поскольку было жарко, купец был одет в просторную легкую рубашку, которая называлась «баньян»; вполне разумно. Но шелковый жилет под ней огорчил адвоката. Слишком яркий. Да и парик избыточно пышный, а крават повязан чересчур небрежно. Не есть ли это

¹⁸ Первоначально юридическая система в Англии была основана на общепринятых обычаях, привычках и обрядах, и законы не были нигде записаны. Споры между гражданами и преступниками решались согласно местной интерпретации так называемого общего закона. С XV в. судебные дела решались по прецеденту, и мало-помалу вошли в обиход законы, написанные парламентом, – статутное право.

свидетельства легкомыслия? Хотя сородич со всей сердечностью пригласил Элиота остановиться в его доме на время суда в Нью-Йорке, Элиот Мастер договорился о том же со знакомым надежным юристом; при виде же шелкового жилета кузена он счел свой выбор мудрым.

Никто не признал бы в них братьев. Дирк был высок, белокур, с лошадиными зубами и добродушными уверенными манерами. Элиот был среднего роста, шатен, с широким и серьезным лицом.

Бостонские Мастеры жили на Пэчес-стрит. Элиот был дьяконом конгрегационной церкви Старого Юга и членом городского управления. Он был не чужд бизнеса. Как же иначе, среди бостонских верфей и водяных мельниц? Жена его брата занималась пивоварением, – к счастью, это было доброе, солидное предприятие. Но Элиот, будучи выпускником Бостонской латинской школы¹⁹ и Гарвардского университета, превыше всего ценил образование и моральные устои.

Он сомневался в наличии того и другого у своего нью-йоркского кузена.

Несмотря на свою осторожность, Элиот Мастер был готов постоять за принципы. В отношении рабства, к примеру, он занимал твердую позицию. «Рабовладение – зло», – говорил он своим детям. Тот факт, что теперь даже в Бостоне на каждые десять человек приходилось по одному рабу, не производил на него ни малейшего впечатления. В его доме рабов не было. В отличие от многих упертых бостонцев прошлого, он, будучи протестантом, исповедовал веротерпимость и, как его пуританские предки, отчаянно сопротивлялся любым попыткам тирании со стороны короля. Именно поэтому он и прибыл в Нью-Йорк на суд.

Кузен Дирк повел себя правильно, пригласив их с дочерью отобедать, и оказался полезным в том, что повел его посмотреть город, пока Кейт отдыхала в доме. Торговец был, безусловно, осведомлен и явно гордился городом. Пройдя по Бродвею и восхитившись церковью Троицы, они направились на север по дороге, повторяющей древний индейский тракт, и шли, пока не приблизились к старому пруду.

– Пару лет назад на востоке были сплошные болота, – сообщил купец. – Но мой друг Рузвельт купил эту землю, и полюбуйте, какая она теперь.

Участок был осушен, и по нему пролегла красивая улица.

Такой успех впечатляет, заметил адвокат. Он-то слышал, что нью-йоркская торговля в последние годы переживает упадок.

– С торговлей нынче плохо, – признал купец. – Сахарные плантаторы в Вест-Индии оказались слишком жадны и учинили перепроизводство. Многие разорились, поэтому нашему собственному делу, которое сводится в основном к поставкам для них, был нанесен серьезный удар. Да еще эти проклятущие ребята из Филадельфии поставляют им муку дешевле, чем можем позволить себе мы. – Он покачал головой. – Скверно!

Бостонец не сумел подавить улыбку при известии о нынешних неприятностях Нью-Йорка – тот уже полвека обворовывал бостонскую торговлю.

– Но вы справляетесь? – спросил он.

– Я торгую всем, – ответил кузен. – Рабы по-прежнему идут хорошо.

Элиот Мастер промолчал.

На обратном пути они миновали Милл-стрит, и Дирк Мастер показал на стоящее там здание.

– Это синагога, – непринужденно объявил он. – Неплохое строение. У них, знаете ли, две общины: сефарды, прибывшие из Бразилии первыми, – вполне себе джентльмены – и ашкенази, то бишь немцы, – не джентльмены, но их больше. Поэтому они выбирают пре-

¹⁹ Первая государственная средняя школа на территории современных США.

зидентом конгрегации ашкенази, но службы проводят сефарды. Бог знает, понимают ли их немцы. Забавно, правда?

– Не думаю, что в вере есть что-то забавное, – негромко заметил адвокат.

– Нет. Разумеется. Я не это хотел сказать.

Возможно, и не это. Но бостонцу показалось, что он уловил в купце толику моральной беспечности, и это подтверждало правильность его соображений насчет жилета.

Они собрались проститься, когда Дирк Мастер вдруг остановился и наставил палец с криком:

– Вон он!

Видя недоумение Элиота, он улыбнулся.

– Этот чертенок, – объяснил он, – мой сын.

Адвокат оцепенел от ужаса.

Элиот Мастер никогда не признался бы в том, что у него есть любимчики, но из своих пятерых детей больше всех любил Кейт. Она была самая смышленная, хотя порой он сокрушался, что такие мозги понапрасну достались девочке. Ему нравилось, что женщины в его семействе умели читать и писать, но пусть их грамотность не превышает допустимых пределов. У Кейт было доброе, даже слишком отзывчивое сердце. В возрасте пяти лет она расстроилась при виде бостонских бедняков. Похвально, вне всяких сомнений. Но далее он три года терпеливо растолковывал ей разницу между заслуженной и незаслуженной нищетой.

И поэтому он страстно хотел найти для Кейт подходящего мужа. Человека умного, доброго и строгого. Одно время он посматривал на сына своего почтенного соседа, юного Сэмюэла Адамса, хотя парнишка был на несколько лет моложе Кейт. Но вскоре он заметил в нем строптивость и недостаток усердия, а потому исключил его из числа кандидатов. Сейчас Кейт было восемнадцать, и отец все пристальнее следил за тем, чтобы ее не брали никуда, где может возникнуть неблагоприятная привязанность.

Поэтому естественно, что он сомневался, везти ли ее в Нью-Йорк, где риск повышался из-за присутствия всех этих малоизвестных родственников.

Но она принялась клянчить. Ей хотелось побывать в суде, и уж она-то всяко разбиралась в юриспруденции лучше, чем остальные дети. Она будет все время при нем, опасности никакой, и ему пришлось признать, что он всегда рад ее обществу. Вот и согласился.

Сейчас ярдах в пятидесяти перед ним, а то и меньше, оказался высокий белокурый юнец. Он выходил из трактира в сопровождении трех простых матросов. Один расхохотался и хлопнул юнца по спине. Молодой человек в не слишком свежей рубашке был далек от негодования; он ответил какой-то шуточкой и тоже рассмеялся. При этом он наполовину развернулся, и адвокат рассмотрел его лицо. Парень был красив. Он был более чем красив.

Он выглядел как греческий бог.

– Ваша дочка, должно быть, его ровесница, – бодро заметил купец. – Надеюсь, они поладят. Ждем вас к обеду, ровно в три.

Кейт Мастер посмотрелась в стекло. Она знала, что у некоторых знакомых ей девушек были маленькие манекены, наряженные по последней парижской и лондонской моде. Ее отец никогда не допускал дома такой тщеславной чепухи. Но даже одеваясь проще, она все равно оставалась довольна результатом. У нее была хорошая фигура. Очаровательные груди – никто их, правда, не видел, благо они были скромно прикрыты кружевами и обнаженным оставался лишь самый верх. Корсаж и юбка были из красно-коричневого шелка, под ними – кремовая сорочка в тон. Каштановые волосы убраны просто и естественно; туфли – на каблучке, но не слишком высоком, и с закругленными носами, так как отец не жаловал новомодных острых. Кожа у Кейт была свежая, и пудрилась она лишь самую малость в надежде, что не заметит отец.

Она хотела понравиться нью-йоркским родственникам. Ее томил вопрос, найдутся ли среди них молодые люди ее возраста.

Дом в фешенебельном районе Саут-Уорд неподалеку от старого форта произвел сильное впечатление на Кейт и ее отца. Особняк был красив. Простой и классический, с двумя этажами над цокольным и разделенный на пять частей поперек. Дом джентльмена. Войдя, они заметили в холле большой дубовый буфет явно голландской работы и два английских кресла времен Карла II. В гостиной висели сумрачные портреты родителей Дирка, на отдельных полках был расставлен черно-золотой чайный сервиз из Китая, а изящные, орехового дерева стулья с декоративными сиденьями под гобелен относились к эпохе королевы Анны. Все заявляло о том, что нью-йоркские Мастеры сколотили свой капитал в добрые старые времена.

Дирк тепло приветствовал гостей. Его жена была высокой элегантной леди, чей мягкий голос деликатно дал им понять, что она уверенно занимала свое положение в обществе. А затем появился их сын Джон.

Отец не сказал Кейт о юноше. Она же, хоть и старалась этого не делать, украдкой постоянно бросала на него взгляды. Он был в белоснежной рубашке из лучшего льна и золотисто-зеленом шелковом жилете. Парика не носил – да и к чему был парик при такой роскошной гриве волнистых золотых волос? Она в жизни не видела такого красавца. Когда их представили, он сказал ей несколько учтивых слов, хотя она едва ли их услышала. Но он удовольствовался тем, что принялся внимать отцу, и ей осталось только гадать, о чем он думает.

Предобеденная беседа ограничилась семейными темами. Кейт узнала, что у Джона есть две сестры, обе нынче в отъезде, но ни одного брата. Значит, он был наследником.

Обед подали превосходный. Еда обильная, вино хорошее. Кейт усадили справа от купца, между ним и Джоном. Шел задушевный светский разговор, но она заметила, что стороны всячески старались не уязвить друг друга. Миссис Мастер сказала, что знакома с адвокатом, у которого они остановились. А ее муж выразил надежду на то, что его кузен найдет толковых юристов среди представителей нью-йоркской адвокатуры.

– В Нью-Йорке есть светлые умы и вне юриспруденции, – вежливо ответил Элиот. – Уверяю вас, в Бостоне продолжают ценить славное окружение губернатора Хантера.

Губернатор Хантер, сменивший эксцентричного лорда Корнбери, собрал примечательный круг друзей – в основном, как и сам он, шотландцев, создав своего рода интеллектуальный клуб. Двумя десятилетиями позднее об этом кружке все еще почтительно отзывались культурные деятели в других городах. Кейт часто слышала о нем от отца. Она посмотрела на юношу справа. Он был бледен. Дальше сидела его мать с рассеянным взглядом.

– А, Хантер! – уверенно воскликнул хозяин. – Вот бы нам всегда так везло с губернаторами.

Надеясь вовлечь юного Джона в беседу, Кейт сказала ему, что видит в Нью-Йорке больше негров, чем в Бостоне. Да, спокойно ответил он, примерно каждый пятый житель города – раб.

– Мой отец не одобряет рабства, – пылко доложила она и перехватила остерегающий взгляд Элиота.

Но их хозяин с обычной непринужденностью поддержал разговор:

– Наверное, вы обратили внимание, мисс Кейт, что в этом доме прислуживают не рабынегры, а ирландцы, которые отработывают свои договорные обязательства – в основном расплачиваются за переезд через океан. Однако я действительно занимаюсь работоторговлей, как и некоторые лучшие бостонские фамилии – Уолдо и Фэннел, например. Мой знакомый бостонский торговец сказал, что нынче в ходу главным образом три товара: ирландское масло, итальянское вино и рабы.

– Кузен, моя дочь не хотела нагрубить, – быстро вмешался Элиот, – а в Бостоне у меня мало единомышленников. – Он явно был настроен на мирный обед. – Правда, я признаю, – не удержался он, – что, как англичанин, не могу игнорировать тот факт, что в Англии главный британский судья поставил рабство вне закона.

Дирк Мастер задумчиво посмотрел на бостонского кузена. Ему было весьма интересно познакомиться с ним. Сам он был в Нью-Йорке единственным Мастером по мужской линии. Его сородичи ван Дейки были сплошь женщины, которые повыходили замуж и покинули город, поэтому родни у него осталось мало. Этот бостонский адвокат был, безусловно, совсем другой человек, но Дирк не испытывал к нему неприязни. По крайней мере, начало положено. Да и дочь его казалась вполне довольной. Он откинулся на спинку стула и подобрал слова.

– Сорок лет назад, – сказал он, – мой дед-голландец торговал мехами. Торговля продолжается по сей день, но уже не так важна. Другой мой дед, Том Мастер, сотрудничал с Вест-Индской компанией. И это предприятие разрослось до того, что весь городской бизнес на три четверти сводится к поставкам на сахарные плантации. А там нужны рабы. – Он выдержал паузу. – Что же касается нравственной стороны работорговли, кузен, то я уважаю ваше мнение. Мой дед-голландец собирался освободить тех двух единственных рабов, которыми владел.

Элиот уклончиво кивнул.

В глазах у купца заплясали чертики.

– Но в то же время, кузен, – продолжил он, – признайте, что мы, британцы, повинны и в крайнем лицемерии на этот счет. Мы называем работорговлю чудовищной, но только в случае, когда она происходит на Британских островах. Во всех иных областях Британской империи она разрешена. Торговля сахаром, столь важная для Англии, целиком зависит от рабов, и британские суда ежегодно переправляют их по несколько тысяч.

– Это неоспоримо, – вежливо согласился Элиот.

– Не беспокоит ли вас, сэр, – дерзнула встрять Кейт, – то, что Нью-Йорк настолько зависим от одного-единственного товара?

Голубые глаза купца одобрительно переключились на нее.

– Не особенно, – ответил он. – Не сомневаюсь, вы слышали о «Шугар интерес». Крупные сахарные плантаторы сформировали группу для влияния на лондонский парламент. Они несметно богаты, так что могут себе это позволить. Заседают с друзьями в легислатуре, других членов парламента уламливают или подкупают. Система достигает высших кругов. И это лоббирование парламента, как можно назвать сию деятельность, завершилось полным успехом. В течение последних двух лет, когда торговля сахаром пошла на спад, британский парламент принял две меры в ее поддержку. Главной является ромовое довольствие. Каждому человеку, кто служит в британском флоте, отныне причитается полпинты рома в день. Не знаю, во сколько это обходится правительству, но если взять весь флот и прикинуть на год, то рома получается необычайно много – а следовательно, и мелассы²⁰ с плантаций. – Он улыбнулся. – И их спасение не только в ромовом довольствии, но и в том, что это спасение навеки. Матрос, если наделить его правом на ром, уже не отлипнет. Отнимете ром – и получите бунт. Этого мало: по мере того как растет флот, увеличивается и ромовое довольствие, а с ним и состояние плантаторов. Так что, мисс Кейт, на деле оказывается, что альфой и омегой Нью-Йорка является английское общество «Шугар интерес».

²⁰ Меласса, или, как еще ее называют, черная патока, – тягучая темно-бурая масса, очень важный продукт в производстве рома.

Кейт взглянула на отца. Она знала, что ему не могло прийти по душе циничное употребление библейского выражения, хотя втайне порадовалась грубой откровенности купеческого ума.

– Сэр, вы упомянули вторую меру, – напомнила она.

– Да. Акт о мелассе. В нем сказано, что мы имеем право приобретать мелассу только у английских торговцев и с английских кораблей. Это оставляет ее в высокой цене и защищает английских плантаторов. Мне это не очень нравится, потому что я тоже произвожу ром здесь, в Нью-Йорке. Если бы разрешили, – пожал он плечами, – то у французов я покупал бы мелассу дешевле.

Теперь решил подать голос Джон Мастер.

– Правда, так мы и делаем, – ухмыльнулся он, повернувшись к Кейт. – Берем мелассу у французов подальше от порта и ввозим контрабандой. Конечно, это незаконно, но отец все равно так делает. Я тоже хожу на такие вылазки, – заверил он ее не без некоторой гордости.

Хозяин раздосадованно взглянул на сына.

– Хватит, Джон! – сказал он громко. – Сейчас нам всем не терпится узнать мнение моего кузена о завтрашнем суде. – Он отвесил Элиоту поклон.

Элиот Мастер уставился в стол. Правду сказать, он испытал облегчение. До прихода в сей дом его тайный ужас сводился к тому, что дочери полюбит красавец-кузен. Однако, увидев, что юноша прихорошился, и осознав, что тот унаследует куда большее состояние, чем его собственное в Бостоне, он встал перед непростым выбором: какие бы чувства ни питал он к этим ньюйоркцам с их бизнесом, имеет ли он право отказать Кейт, если та и правда захочет выйти за такого богатого родственника? И до сих пор боролся с собой. Но этот мальчик глупой выходкой взял и выставил свое семейство в истинном свете. Они не только работоторговцы, но и контрабандисты. Таким образом, значительное превосходство их состояния разъяснилось. Конечно, он будет держаться с ними вежливо. Но с точки зрения Элиота Мастера, они ничем не отличались от преступников. Его отцовский долг, следовательно, понуждал лишь увериться, что дочь увидела истинное лицо этого юного негодяя.

А потому, вполне удовлетворенный, он обратился мыслями к суду над Джоном Питером Зенгером.

Завтрашний суд был чреват важнейшими последствиями для американских колоний, однако корни его тянулись в Англию. Политические события в Лондоне никогда не опаздывали отразиться на Бостоне и Нью-Йорке. Как любил говорить Дирк Мастер, «Лондон поставляет нам законы, войны и шлюх». Правда, под «шлюхами» он разумел королевских наместников.

Несмотря на почтенные исключения вроде губернатора Хантера, большинство этих людей прибывали в Америку с единственной целью набить карманы, и колонист это знал. А нынешний губернатор был из худших. Губернатор Косби был фигурой продажной. Никто и глазом не успел моргнуть, как он устроил незаконные поборы, купил суды и выборные инстанции да выгнал судей, которые не пожелали плясать под его дудку. Единственная городская газета находилась под контролем губернатора, и ряд купцов начал издавать другую – с нападками на Косби и разоблачением его махинаций. Для этого они наняли печатника Джона Питера Зенгера. Губернатор был полон решимости прикрыть эту лавочку. И вот дело закончилось тем, что в прошлом году он посадил Зенгера в тюрьму, а теперь изготовился засудить за подрывную клевету.

Элиот Мастер сложил пальцы домиком. Как адвокат, он усматривал несколько проблем.

– Мое первое замечание, – начал он, – касается обстоятельств ареста Зенгера. Насколько я понимаю, он не богатый человек.

– Он бедный иммигрант из Верхнего Пфальца, что в Германии, – ответил Дирк Мастер. – Обучился там печатному мастерству. Правда, выяснилось, что он и пишет очень недурно.

– А после ареста губернатор назначил возмутительно высокий залог, который Зенгер никоим образом не смог внести. И в результате протомился в тюрьме восемь месяцев.

– Именно так.

– Тогда мы имеем принципиальный вопрос о чрезмерном залоге, – сказал бостонский адвокат. – Это недопустимо. Но главным является оскорбление королевского губернатора.

– Мы все только рады оскорбить этого королевского губернатора, – заметил хозяин, – но бедняга Зенгер печатал газету, и из него сделали козла отпущения. Наши люди рвутся обеспечить ему хорошую защиту. А в новом жюри собрались отличные ребята. По-моему, семеро из них даже голландцы, поэтому там нет губернаторских дружков. Есть ли у малого надежда?

– Полагаю, что нет, – ответил Элиот. – Если удастся доказать, что Зенгер действительно напечатал оскорбительные статьи, то по закону жюри обязано признать его виновным.

– В том, что напечатал, сомнений мало, – сказал Дирк. – И продолжил даже в тюрьме – просовывал новые статьи под дверь камеры, а жена забирала. Но как быть с тем, что каждое слово, которое он напечатал о губернаторе Косби, – это чистая правда? Разве это не в счет?

– Наш британский закон о клевете не считает это оправданием, – ответил адвокат. – И если эти слова оскорбляют представителя короля, то они являются подрывной клеветой. Правда они или ложь, разницы никакой.

– Это чудовищно, – изрек купец.

– Пожалуй, – кивнул Элиот. – Сейчас меня беспокоит злоупотребление законом, и вот поэтому мне не терпится взглянуть на этот суд.

– Надо думать, – сказал кузен, – раз вы приехали из самого Бостона.

– Я скажу вам просто, – продолжил Элиот Мастер, – по-моему, это дело ничуть не пустячное. Я считаю, что суд над Зенгером восходит к самым основам наших английских свобод. – Он выдержал короткую паузу. – Сто лет назад наши предки покинули Англию из-за тирании, которую насаждал король Карл Первый. Когда члены парламента оспорили его право, он вздумал арестовать их, когда честные пуритане подавали иски под гнетом его грехов, он клеймил их, отрезал уши и бросал в тюрьму, прибегая, отметим, к этому самому обвинению в подрывной клевете. Тирания короля Карла закончилась восемьдесят пять лет назад, когда парламент отрубил ему голову. Но это не исключило проблем в будущем. И вот извольте, на примере мелкого тиранства этого губернатора мы видим тот же процесс. Я полагаю, этот суд ниспослан нам в качестве испытания – ценим ли мы свободу. – По ходу речи он изрядно возвысил голос.

– Да, кузен, – уважительно сказал Дирк Мастер, словно посмотрел на него свежим взглядом. – Я вижу, вы настоящий оратор!

Кейт редко слышала, чтобы отец говорил с таким пылом. Она преисполнилась гордости за него и вступила в беседу, рассчитывая на его одобрение.

– Значит, когда Локк говорит о природном законе и природном праве на жизнь и свободу, то речь идет о свободе слова? – спросила она.

– Думаю, да, – ответил ее отец.

– Локк? – недоуменно переспросила миссис Мастер.

– А, Локк! – сказал хозяин. – Философ, – пояснил он жене, стараясь припомнить что-нибудь об этом мыслителе, чьи доктрины, насколько он знал, вдохновляли свободолюбцев по обе стороны Атлантики.

– Вы читаете философские книги? – спросила миссис Мастер у Кейт, придя в некоторое замешательство.

– Только знаменитые пассажи, – бодро уточнила Кейт и улыбнулась юноше, надеясь, что он ответит ей тем же, но молодой Джон Мастер лишь уставился в стол и покачал головой.

Тогда Кейт решила, что сидящий одесную греческий бог немного стесняется. Ее интерес заметно возрос. Она прикинула, как бы его приободрить. Однако она, воспитанная в просвещенной бостонской среде, еще не вполне поняла, что очутилась на чужой территории.

– Прошлым летом, – сообщила она ему, – мы видели один акт трагедии Аддисона «Катон» в исполнении гарвардцев. Я слышала, что в этом году американским колониям покажут всю пьесу. Вы не знаете, будут ли они в Нью-Йорке?

Вопрос имел прямое отношение к суду над Зенгером, так как Аддисон, основатель английского журнала «Спектейтор» и образец для подражания всем цивилизованным английским джентльменам, добился оглушительного успеха, показав, как благородный римский республиканец противостоял тирании Цезаря. Слава пьесы давно распространилась за океан, и Кейт не сомневалась, что сосед читал о ней в газетах. Но все, что она получила в ответ, было «не знаю».

– Простите нас, мисс Кейт, за то, что в этом доме больше смыслят в торговле, чем в литературе, – подал голос купец, посчитавший своим долгом укоризненно добавить: – Помоему, Джон, ты все-таки слышал о «Катоне» Аддисона.

– Торговля – залог свободы, – уверенно изрек бостонский адвокат, придя им на помощь. – Торговля порождает благосостояние и тем способствует свободе и равенству. Так говорит Даниэль Дефо.

Тут юный Джон наконец поднял взгляд с проблеском надежды:

– Тот, что написал «Робинзона Крузо»?

– Тот самый.

– Я читал.

– Что ж, – заметил адвокат, – это уже кое-что.

Они оставили попытки заговорить о литературе и временно посвятили все внимание великолепным фруктовым пирогам, которые как раз подали. Но Элиот Мастер оглядывал общество, будучи совершенно доволен своей маленькой речью, каждое слово в которой прозвучало всерьез. Его кузен был абсолютно прав в том, что он не явился бы сюда из самого Бостона без страстного интереса к происходящему. Что же касалось характера Дирка, то пусть он был неотесан, но вовсе не глуп. По крайней мере, хоть что-то. Желудок купца он лично не стал принимать в расчет. Остался юнец.

Совершенно ясно, подумал Элиот, что этот малый хоть и красив, но небольшого ума. Сойдет для компании контрабандистов и матросни, а так – деревенщина. Он уверился, что Кейт, столь искушенная в беседах, никоим образом не может увлечься подобным типом. Успокоенный, он взял второй ломоть яблочного пирога.

А потому был еще больше признателен за короткий разговор, которым завершился обед.

Уже почти настала пора уходить. Кейт сделала все, чтобы развлечь своего кузена Джона. Она спросила его о любимых занятиях и выяснила, что больше всего ему нравилось на берегу, а еще лучше – на борту корабля. Действуя осторожно, она узнала некоторые подробности о бизнесе его семьи. Как многие подобные им купцы, нью-йоркские Мастеры брались за все подряд. Помимо владения несколькими судами, они располагали процветающей лавкой, производили ром – пускай из нелегально добытой мелассы – и даже страховали чужие корабли. Джон говорил скупно и тихо, но раз или два посмотрел ей в лицо, и ей пришлось приложить все усилия, чтобы не вспыхнуть под взглядом его небесно-голубых глаз. Правда, она так и не поняла, понравилась ли ему.

Перед тем как они встали из-за стола, Дирк Мастер взял с ее родителя слово еще раз зайти, пока он в Нью-Йорке, и Кейт обрадовалась учтивому обещанию отца так и сделать.

– Вы посмотрите весь суд целиком? – спросил купец.

– От и до.

– А мисс Кейт?

– О да! – вдохновенно вторила она. – Отец озабочен королевской тиранией, но я пришла поддержать свободу прессы.

Ее отец улыбнулся:

– Моя дочь придерживается мнения поэта: «Убить хорошую книгу значит почти то же самое, что убить человека».

Цитаты такого рода звучали изо дня в день в их бостонском доме.

– «Кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум», – не замедлила подхватить Кейт.

Хозяин посмотрел на них обоих и тряхнул головой.

– Звучит знакомо, но откуда это? – спросил он с искренним непониманием.

Кейт удивила надобность напоминать. Это было сказано Джоном Мильтоном, автором «Потерянного рая». Цитата не из поэмы, а из памфлета, величайшей апологии свободы слова и печати всех времен и народов.

– Это из «Ареопагитики» Джона Мильтона, – сказала она.

– Ах да, Мильтона, – подхватил хозяин.

Но юный Джон наморщил лоб.

– Из Гаррия кого?.. – спросил он.

Это случилось внезапно. Она не успела даже подумать и расхохоталась.

А юный Джон Мастер зарделся и устыдился.

– Ну что тут скажешь, – бодро заметил ее отец на обратном пути, – обед мог быть и хуже. Хотя мне жаль, что твои нью-йоркские сородичи оказались контрабандистами.

– Мистер Мастер кажется знающим человеком, – предположила она.

– Гм... В своем роде, смею судить. А мальчик, боюсь, безнадежен.

– Возможно, ты слишком суров, – дерзнула она возразить.

– Вряд ли.

– Он мне понравился, отец, – сказала она. – Очень.

Суд находился на первом этаже Сити-Холла, что на Уолл-стрит. Помещение было просторным и светлым. Судьи Филипс и Деланси – в париках и алых мантиях – уселись на возвышении. Жюри собралось слева на двух скамьях. Разношерстная толпа расположилась по краям зала и на полу. Общество смахивало на протестантскую паству в ожидании проповеди. В центре, перед судьями, была огороженная скамья подсудимых, похожая на выделенную церковную. Идти обвиняемому было недалеко, благо камеры находились в цокольном этаже.

У Кейт с отцом были хорошие места в первом ряду. Кейт жадно озиралась по сторонам, впитывая картину. Но самым интересным было видеть, как изменился отец. Стороннему наблюдателю он показался бы спокойным, бдительным адвокатом, каким и был, однако Кейт его необычная бледность, блеск в глазах и напряженное лицо подсказывали иное. Она никогда не видела отца таким возбужденным.

Генеральный прокурор Бредли, в черной мантии и парике, дородный и уверенный, отвечивал короткие поклоны то одному, то другому. Для защиты печатника суд назначил довольно толкового адвоката по имени Чемберс. Генеральный прокурор кивнул и Чемберсу, словно говоря: «Сэр, вы неповинны в том, что потерпите поражение».

И вот возникло оживление. Открылась маленькая дверь в задней части зала, и два стража в черном, похожие на огромных шмелей, ввели Зенгера. Тот, заключенный между ними, казался очень маленьким – приятный человек в синем сюртуке, который, однако, держался отважно и с поднятой головой дошел до клетушки со скамьей, где и был заперт.

Прочли обвинение. Генеральный прокурор встал.

Кейт уже бывала в судах. Она знала, чего ждать. В скором времени юрист объявил Зенгера «подрывным элементом», виновным в клевете, призванной скандализировать и очернить доброе имя губернатора Косби. Жюри внимало. Ей было не прочесть мыслей присяжных.

Затем поднялся Чемберс и вяло сказал несколько слов в защиту печатника. Кейт увидела, что отец насупился.

– Заступники Зенгера могли бы выставить защиту и получше, – шепнул он ей на ухо.

Но тут произошло нечто странное. Преклонных лет джентльмен, тихонько сидевший в заднем ряду, вдруг встал и чопорно пошел вперед.

– Ваши чести, если вам будет угодно, я нанят представлять подсудимого.

– А кто вы такой? – раздраженно осведомился один из судей.

– Гамильтон, Ваша честь. Эндрю Гамильтон. Из Филадельфии.

И Кейт увидела, как ее отец вздрогнул и возбужденно подался вперед.

– Кто это? – спросила она.

– Лучший судебный адвокат в Америке, – тихо ответил он, тогда как помещение наполнилось гулом.

Было ясно, что судьи и генеральный прокурор захвачены врасплох, но сделать ничего не могли. Они удивились еще сильнее, когда филадельфийский адвокат хладнокровно уведомил их:

– Мой клиент не отрицает того, что публиковал оскорбительные статьи.

Таким образом, прокурору не понадобилось вызывать свидетелей. Последовала долгая тишина, наконец прокурор Бредли, теперь уже изрядно озадаченный, встал и заявил, что коль скоро подсудимый не отрицает того, что печатал клевету, жюри должно признать его виновным. Чуть нервно глянув на Гамильтона, он также напомнил жюри, что не имеет значения, правдивы были статьи или лживы. Они в любом случае являются клеветой. Затем прокурор перешел к пространному цитированию законов, положений общего права и Библии, после чего объяснил жюри, почему клевета считается столь тяжким преступлением, а также то, что у них нет иного выбора, как только признать Зенгера виновным. Наконец он сел.

– Гамильтон уже проиграл, – шепнула Кейт отцу, но тот ответил коротко: «Жди».

Старик из Филадельфии, похоже, никуда не спешил.

Он подождал, пока Чемберс не скажет несколько слов в защиту, после чего отложил свои бумаги и медленно встал. Он обратился к суду почтительно, однако лицо его выдавало легкое недоумение из-за всего происходящего.

Ибо ему, сказал он, непонятно, что они тут делают. Если обоснованная жалоба на скверное руководство есть клевета, то это для него новость. На самом деле – он покосился на жюри – ему бы и в голову не пришло, что статьи в газете Зенгера относятся к губернатору лично, если бы обвинитель не заверил в этом суд. При этих словах несколько присяжных ухмыльнулись.

Более того, отметил Гамильтон, законное обоснование идеи обвинителя о клевете явилось из Звездной палаты Англии образца XV века. Не лучший пример. Да и разве не может случиться так, что английские законы многовековой давности перестали годиться для современных американских колоний?

Кейт показалось, что это прозвучало не слишком верноподданнически по отношению к Англии, и она глянула на отца, но тот наклонился к ней и шепнул:

– У семерых присяжных голландские фамилии.

Но старика вдруг почему-то понесло в сторону. Он заявил, что это дело напоминает положение американских фермеров, которые живут по английским законам, разработанным для совершенно иной системы землепользования. Он принялся разглагольствовать о лошадях и рогатом скоте и уже разогнался до огораживания, когда прокурор встал и указал, что все это не имеет никакого отношения к рассматриваемому делу. И Кейт могла бы заключить, что старец из Филадельфии действительно утратил нить, не заметь она мрачных взглядов, которые бросили на прокурора трое присяжных фермерской наружности.

Но прокурор не сдался. Прозвучало обвинение в клевете, напомнил он, и защита признала его справедливость. Но старый Эндрю Гамильтон уже тряс головой.

– Нас обвиняют в публикации «конкретной лживой, злонамеренной, подрывной и скандальной клеветы», – указал он. Пусть теперь прокурор докажет лживость высказываний Зенгера о негодном губернаторе. Сам-то он будет только рад доказать правдивость каждого слова.

Лица присяжных просветлели. Они ждали этого. Но Кейт увидела, что отец покачал головой.

– Не выгорит, – буркнул он.

И действительно, те несколько минут, что старый адвокат сражался как лев, прокурор и судья перебивали его снова и снова, опровергая приводимые доводы. Закон есть закон. Правда ничего не меняла. Защита не состоялась. Прокурор казался довольным, жюри – нет. Старый Эндрю Гамильтон стоял у своего стула. Его лицо было напряжено. Он вроде как страдал и был готов сесть.

Значит, всему конец. Бедняга Зенгер был обречен к осуждению по чудовищному закону. Кейт посмотрела на печатника, который был по-прежнему крайне бледен и прямо сидел в своей клетушке. Она испытала не только сочувствие к нему, но и стыд за систему, готовую его осудить. А потому донельзя удивилась, когда заметила, что ее отец вдруг восхищенно взглянул на Гамильтона.

– Боже, – пробормотал он под нос. – Хитрая старая лиса!

И не успел он объяснить ей, в чем дело, как филадельфийский адвокат повернулся.

Перемена была замечательная. Его лик прояснился. Он выпрямился во весь рост. Кажется, он вдруг преобразился, словно волшебник. Глаза зажглись новым огнем. И когда он заговорил, в его голосе зазвенела новая вескость. И на сей раз никто не посмел его перебить.

Потому что эта заключительная речь была настолько же мастерской, насколько простой. В этом суде, напомнил он, решение принимает жюри. Юристы могут спорить, судья может подсказывать выводы, но власть принадлежит присяжным. И долг. Этот уродливый закон о клевете настолько же размыт, насколько и плох. Любые слова можно извратить и преподнести как клевету. Даже жалобу на лиходейство, которая является естественным правом каждого человека.

Таким образом, губернатор, который не желает подвергнуться критике, может использовать закон как оружие и поставить себя выше его. Это легально санкционированное злоупотребление властью. И кто же стоит между этим тиранством и вольностями свободных людей? Они, присяжные. И больше никто.

– Для благородного ума потеря свободы хуже смерти, – провозгласил Гамильтон.

Дело было не в печатнике из Нью-Йорка, а в их праве и долге защищать свободных людей от произвола властей, как поступали до них многие отважные люди.

Теперь, объявил он жюри, все находится в руках присяжных. Выбор за ними. И с этими словами он сел.

Судья не обрадовался. Он сказал присяжным, что адвокат из Филадельфии волен говорить что угодно, а печатника надо признать виновным. Жюри удалилось.

Когда помещение наполнилось гулом, а Зенгер остался сидеть будто аршин проглотил, отец Кейт пустился в объяснения:

– Я сам не понимал, к чему он клонит. Он разъярил жюри надобностью отвергнуть естественную защиту Зенгера. Несчастный чертяка всего-то и сделал, что сказал правду. А потом разыграл козырь, который давно держал в рукаве. Это называется присяжной нуллификацией. Жюри имеет право вынести вердикт, противоречащий всему, что было сказано о вине подсудимого и букве закона. После того как присяжные откажутся признать подсудимого виновным, закон не изменится, но прокуроры навряд ли повторят попытку, так как побоятся, что новые члены жюри поступят точно так же. Именно эту тактику и применил старый Гамильтон. И сделал это блестяще.

– Это получится?

– Скоро узнаем, я думаю.

Жюри уже возвращалось. Присяжные заняли свои места. Судья спросил, готов ли вердикт. Председатель ответил, что да. Ему было велено огласить его.

– Невиновен, Ваша честь, – твердо изрек тот.

Судья возвел очи горе, а зрители разразились ликующими возгласами.

Элиот Мастер покинул суд таким счастливым, что Кейт взяла его под руку, – обычно она этого не делала, но сегодня это не встретило возражений.

– Это был важный день в нашей истории, – отметил отец. – Я рад, Кейт, что ты все видела. Полагаю, завтра мы можем благополучно отбыть в Бостон. Вообще, – улыбнулся он криво, – я сожалею лишь об одном.

– О чем же, отец?

– О том, что сегодня нам придется ужинать с нашей родней.

Юный Джон Мастер свернул на Бродвей. Он встретил нескольких знакомых, но лишь отрывисто кивнул и продолжил идти с понуренной головой. Миновав церковь Троицы, он поднял взгляд. Казалось, ее красивая англиканская башня взирает на него с презрением. Он пожалел, что не выбрал другую улицу.

Ему было незачем напоминать о его никчемности.

Вчера ее отлично продемонстрировал застегнутый на все пуговицы гость из Бостона. Вежливо, разумеется. Но когда адвокат узнал, что он читал «Робинзона Крузо», его реплика «Что ж, это уже кое-что» исчерпала все. Бостонец счел его олухом. Джон к этому привык. Викарий, директор школы – все думали то же.

Его отец и педагоги удивились бы, если бы узнали, что Джон порой втайне пытался учиться. Он думал, что в один прекрасный день поразит их, набравшись знаний. Он таращился в книгу, но слова сбивались в бессмысленную окрошку; он ерзал, смотрел в окно, потом опять на страницу – старался как мог, но без толку. Даже когда ему удавалось одолеть несколько страниц, через какое-то время он обнаруживал, что ничего не помнит из прочитанного.

Бог свидетель, его отец тоже не был учен. Джон видел, как он блефовал, когда бостонский адвокат и его дочь распространялись о философии. Но отец хотя бы умел блефовать. И даже отец смутился, когда выяснилось, что он не слышал о «Катоне» Аддисона. Укоризненная нотка в отцовском тоне породила желание провалиться сквозь землю.

Не то чтобы эти бостонцы явились из другого мира. Он не мог просто взять и сказать: «У этих адвокатов, людей возвышенных, нет ничего общего с семьями вроде нашей». Они приходились ему близкими родственниками. Кейт была его сверстницей. Что они подумают о своей нью-йоркской родне?

Они не только тупы и необразованны, но и контрабандисты. Да, он имел глупость обмолвиться и об этом – к еще пушшему смущению отца.

Но хуже всего вышло с девушкой. Его коржило от этого воспоминания.

Дело в том, что, будучи отлично знаком с особами, встречавшимися на прогулках по городу в обществе матросни, он неизменно стеснялся при девушках из семей, похожих на его собственную. Все они знали, каким дураком он был в школе. Он так и не научился хорошим манерам. Даже с его богатством он не считался выгодной партией, и знание об этом понуждало его еще больше чураться модных девиц.

Но эта девушка из Бостона была другой. Он понял это сразу. Она была миловидна, но в то же время проста и бесхитростна. И добра. Он видел, как она старается вытащить его из скорлупы, и был благодарен ей за это. Притом что он не читал тех книг, которые прочла она, на него произвели впечатление ее манера говорить со своим отцом и любовь к адвокату. Он заподозрил, что лучшей жены ему и не нужно. Во время беседы он даже поймал себя на том, что прикидывал, вправе ли надеяться жениться на ком-то похожем. Она приходилась ему троюродной сестрой. Это являлось препятствием. Мысль об этом странным образом возбуждала. А вдруг он ей все же понравился, несмотря на свою неотесанность? Кейт не поняла, но он внимательно ее изучил. Всякий раз, когда в беседе вскрывалось его невежество, он называл себя дураком за одни только мысли о ней. И всякий раз воспарял духом, когда она была с ним добра.

Пока она не высмеяла его. Он понял, что она не хотела, – и это было еще хуже. «Из Гаррия кого?» – спросил он, и она, вопреки желанию, покатила со смеху. Он не мог ее винить. Он выставил себя перед ней полным болваном, и быть ему недоумком до скончания дней. А она была права. Такой он и есть. Все без толку.

И вот сейчас они с отцом подходят к дому для очередной совместной трапезы, а его родитель наказал ему не опаздывать.

На ближайшем перекрестке была таверна. Туда он и вошел.

Настроение за ужином царило праздничное. Ликовал весь город. Печатник Зенгер вышел на свободу. В честь Гамильтона звучали тосты. Тем же вечером разошлось присловье, которому предстояло повторяться из поколения в поколение: «Если дело плохо, зовите филадельфийского адвоката».

Дирк Мастер выставил свое лучшее вино, и Элиот, находившийся в приятнейшем расположении духа, пил с удовольствием. Хотя за ужином обычно съедалось намного меньше, чем за официальным дневным обедом, буфет и стол вскоре уставили блюдами с устрицами, печеными моллюсками, окороком, тонкими ломтиками холодного вареного мяса, цукатами и многим другим. Миссис Мастер держалась менее замкнуто. Едва ли будучи поклонницей литературы, она, однако, обнаружила, что Кейт тоже глотала популярные дамские романы, и им нашлось о чем поговорить.

Одна незадача – куда подевался юный Джон Мастер?

Кейт долго обдумывала их новую встречу. Она горько пожалела о своем бездумном смехе – он был не только обиден, но и груб. Ее всегда воспитывали в том духе, что можно исправить любую, даже самую прискорбную ошибку. Поэтому она исполнилась решимости произвести на сей раз лучшее впечатление и загладить вину. Она тщательно готовилась целый час. Отрепетировала беседу, как представляла ее себе, напряженно обдумала все слова, которыми можно исправить наверняка сложившееся дурное мнение о ней, надела простенькое платье в мелкую белую и коричневую клетку, которое очень ей шло.

К своему удивлению, она осознала, что невежество юного Джона Мастера ее ничуть не волнует. Дело было не только в том, что он выглядел как греческий бог, хотя и это, как она с некоторым изумлением признала, имело значение. В нем было нечто еще, те внутренняя сила и честность, которые она превозносила, а также ум – отличный от отцовского, но не

заслуживающий насмешки. И странно, непривычно привлекало и трогало то, что греческий бог был раним.

И Кейт стала ждать его появления, едва переступила порог. Она видела, что ждет и отец юноши, пребывающий в некоторой растерянности. Когда же сели за стол, она отважилась спросить у хозяина, присоединится ли к ним его сын.

– Он придет, мисс Кейт, – немного смущенно ответил купец. – Не понимаю, где его носит.

Но вот унесли рыбу, и мясо тоже, а его все не было. И вероятно, не только из вежливости, но и надеясь увидеться с ним вновь, она заявила хозяину – при отце, – что будет рада, если тот в скором времени навестит их в Бостоне со всем своим семейством.

Ее отец редко терял самообладание. Ужас, написавшийся на его лице, держался всего секунду. Но увидели все. Он взял себя в руки быстро, но не вполне вовремя.

– В самом деле! – сердечно воскликнул он. – Вы должны отобедать с нами! В смысле, у нас, когда приедете в Бостон.

– Как любезно, – сухо вато отозвался его нью-йоркский кузен.

– Мы будем ждать... – заторопился продолжить Элиот, но чего именно он собрался ждать, так и осталось тайной.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился юный Джон Мастер.

Он прибыл не в лучшем виде. Окажись его рубашка такой же белой, как лицо, было бы легче. Но она была в грязи. Волосы всклокочены. Взгляд плавал по комнате, тщетно пытаясь собраться. Джона шатнуло. Он выглядел сонным.

– Боже правый, сэр... – произнес отец.

– Добрый вечер. – Джон как будто не слышал. – Я опоздал?

Затхлый пивной дух от рубашки и изо рта растекся по всей комнате от самого порога.

– Вон отсюда! Покиньте нас, сэр! – заорал Дирк Мастер, но Джон по-прежнему не обращал на него внимания.

– Ага... – Его взгляд остановился на Кейт, которой пришлось повернуться, так как он стоял сзади нее. – Мисс Кейт. – Он кивнул самому себе. – Моя кузина. Милая, славная мисс Кейт.

– Сэр? – переспросила она, едва ли зная, что сказать.

Но ей было незачем беспокоиться, благо кузена понесло. Он шагнул вперед, рискуя грохнуться на пол, но выпрямился, а затем врезался в спинку ее стула, за которую и схватился, чтобы устоять на ногах, после чего склонился через ее плечо.

– Какое милое платье, кузина! – воскликнул он. – Вы сегодня просто красавица! Да вы всегда прекрасны! Моя прекрасная кузина Кейт. Дайте я поцелую вам руку.

И он, перегнувшись через спинку, потянулся к ее руке. Тут-то его и вырвало.

На ее прическу, на плечо, руку и все ее платье в коричневую и белую клетку.

И продолжало тошнить, когда разъяренный отец поволок сына прочь, оставив за собой сцену некоторого конфуза.

Погожим августовским утром, чуть более прохладным, чем несколько дней назад, по Бостон-роуд катил маленький экипаж, увозивший Кейт и ее отца. Позади ударила пушка. Жители Нью-Йорка, нравилось это губернатору или нет, устроили официальный салют в честь Эндрю Гамильтона, который выехал в противоположную сторону – в Филадельфию.

– Ха! – удовлетворенно произнес отец. – Заслуженный салют. Приехать стоило, Кейт, несмотря на вчерашний досадный эпизод. Я искренне сожалею, дитя мое, что ты пострадала от такого непотребства.

– Я не в обиде, отец, – ответила Кейт. – Брата и сестер тоже, бывало, тошнило.

– Но не так, – возразил он твердо.

– Он молод, отец. По-моему, он стесняется.

– Тьфу! – бросил тот.

– Он не разонравился мне, – сказала она. – На самом деле...

– Нам больше незачем видеться с этими людьми, – решительно перебил ее отец.

И поскольку Бостон был далеко, а ее судьба находилась в отцовских руках, Кейт поняла, что больше никогда в жизни не увидит своего кузена Джона.

Когда над Нью-Йоркской бухтой разнесся пушечный грохот и старый Эндрю Гамильтон отбыл, горожане отпраздновали не только победу над продажным губернатором, но и нечто более важное. Элиот Мастер сказал сущую правду. Хотя суд над Зенгером не изменил закона, он показал всем будущим губернаторам, что жители Нью-Йорка и американских колоний вообще воспользуются, не мудрствуя лукаво, естественным правом говорить и писать все, что им вздумается. Этот суд не забыли. Он сделался вехой в истории Америки, и люди той эпохи правильно уловили, куда дует ветер.

Правда, в этом процессе была еще одна примечательная особенность.

Права, в которые верил Элиот Мастер, – права, предъявленные Эндрю Гамильтоном и осуществленные жюри, – проистекли из «общего закона» Англии. Именно англичане единственные в Европе казнили за тиранию своего короля, именно английский поэт Мильтон дал определение свободы прессы, именно английский философ Локк постулировал существование естественных прав человека. Люди, палившие из пушки, осознавали себя британцами и гордились этим.

И все-таки когда старый Гамильтон обратился к жюри, он высказал еще одно понравившееся им соображение. Древний закон, заявил он, мог быть хорош давным-давно в Англии, однако в Америке спустя века он может оказаться и дурным. Хотя никто особо не обсуждал его утверждение, семена были брошены. И эта идея пустила корни и распространилась по бескрайним просторам Америки.

Девушка из Филадельфии

1741 год

Паренек двигался осторожно. Был майский вечер. Пали тени, и всюду таилась угроза. На улицах, в домах. Знай он заранее о том, что происходит, то по прибытии действовал бы иначе. Но он разобрался лишь час назад, когда в таверне ему объяснил какой-то раб: «В Нью-Йорке ниггеру не сыскать безопасного места. Только не нынче. Будь осторожен».

Ему было пятнадцать лет, и если так пойдет дальше, то это будет худший год в его жизни.

Дела стали плохи, когда ему было десять. В том году умер его отец, а мать сошлась с другим и скрылась вместе с его братьями и сестрами. Он даже не знал, где они теперь. Он остался в Нью-Йорке с дедом, где старик держал таверну, куда часто заглядывали матросы. Они с дедом понимали друг друга. Оба любили и бухту, и корабли, и все морское. Быть может, сама судьба распорядилась при его рождении, когда родители нарекли его дедовым именем: Гудзон.

Но в этом году судьба оказалась жестокой. Старожилы не помнили такой холодной зимы. Бухта застыла. В последний день января в таверну на спор прикатил на коньках один мальчик. До его деревни было семьдесят миль на севере, и он пробежал их по замерзшей реке. Вся таверна проставила ему выпивку. Это был веселый день, но такой выдался только один. После этого ударили новые холода. Еды осталось мало. Дед заболел.

Затем дед умер и оставил его одного-одинешенька на всем белом свете. Пышных семейных похорон не было. Хоронили в ту зиму тихо. Явились соседи да завсегдатаи таверны, а после ему пришлось решать, как быть дальше.

Спасибо, что хоть выбор был прост. Перед кончиной деда у них состоялся разговор. Держать таверну ему было не по годам, да он и сам знал, чего по-настоящему хочет.

– Тебя тянет в море? – вздохнул старик. – Что ж, в твои годы мне хотелось того же. – И он назвал мальчику имена двух морских капитанов. – Они меня знают. Просто назовись, и о тебе позаботятся.

Тут-то и крылась ошибка. Он был слишком нетерпелив. От таверны он избавился быстро, так как помещение только арендовали. И в городе его больше ничто не держало. Поэтому в начале марта, едва переменилась погода, он решил тронуться в путь. Дед хранил свои скромные сбережения и немногочисленные ценности в сундучке. Гудзон отдал его на хранение лучшему другу деда – пекарю, который жил возле таверны. После этого он был свободен.

Капитанов не оказалось в порту, и он сговорился с другим, так что отбыл из Нью-Йорка семнадцатого числа, в день святого Патрика. Плавание прошло неплохо. Они достигли Ямайки, распродали груз и пустились в обратный путь, взяв курс на Подветренные острова²¹. Но там корабль пришлось ремонтировать. С Гудзоном расплатились, и он перешел на другой, направлявшийся вдоль побережья к Нью-Йорку и Бостону.

Там ему преподали урок. Капитан оказался горьким пьяницей. Они едва достигли Чесапика, а буря уже дважды чуть не потопила корабль. Команде не собирались платить до самого Бостона, но Гудзон еще до Нью-Йорка решил выйти из игры и сбежал с корабля. У

²¹ Группа по большей части вулканических островов, образующая южную часть Малых Антильских островов у берегов Венесуэлы к западу от 64° з. д.

него остались деньги за прошлое плавание, и он рассудил, что сумеет прожить в Нью-Йорке до прибытия одного из дедовых капитанов.

Нынешним утром он и удрал. Главным было несколько дней продержаться подальше от порта, пока не уйдет его теперешний корабль со своим запойным хозяином. В конце концов, он был свободным человеком, пускай и негром.

В середине дня он отправился к пекарю. Там он застал пекарского сынка, парнишку своих же лет. Тот почему-то посмотрел на него странно. Он спросил пекаря, но мальчишка замотал головой:

– Он уже месяц как помер. Всеми делами ведает мать.

Гудзон выразил соболезнования и объяснил, что пришел за сундучком. Но паренек лишь пожал плечами:

– Не знаю никакого сундучка.

Гудзону показалось, что он врет. Он спросил, где найти вдову пекаря. Ушла, будет завтра. А можно поискать сундучок? Нет. И тут случилось престранное дело. Особой дружбы между ними не было, но они знали друг друга почти с пеленок. Мальчишка взял и набросился на него, словно прошлого не существовало.

– На твоём месте, ниггер, – сказал он злобно, – я бы держался поосторожнее.

И махнул, чтобы Гудзон шел прочь. Гудзон, входя в таверну, все еще пребывал в изумлении, но встретил раба, который растолковал ему положение дел.

Лучшим выходом было отправиться в порт, но он не хотел натолкнуться на капитана, который, должно быть, уже разыскивал его. В худшем случае можно покинуть город и заночевать под открытым небом. Но ему не хотелось этого делать. Его всерьез беспокоила мысль, что семейство пекаря присвоило его деньги.

Поэтому он пробирался по улицам с великой осторожностью.

Неприятности начались 18 марта. В губернаторском доме загадочным образом вспыхнул пожар, и форт сгорел дотла. Никто не знал, кто это сделал. Ровно через неделю случился новый. Спустя десять дней запылал склад ван Занта.

Было ясно, что это поджог. Но с какой целью? Были и кражи. Может, это шайки взломщиков устроили пожары, чтобы отвлечь внимание от своей деятельности? Или за этим стоят паписты? Британцы опять воевали с католической Испанией, и большую часть стоявшего в форте гарнизона послали атаковать испанскую Кубу. Может быть, это испанские иезуиты устраивают хаос в британских колониях? Пожары множились.

И вот при бегстве с одного из них поймали чернокожего раба по имени Каффи.

Восстание рабов! Кошмар любого колониста-рабовладельца! В городе уже случилось одно, в году 1712-м – его быстро подавили, но оно было ужасно, покуда длилось. Во времена более недавние бунтовали на вест-индских плантациях и в Каролине. Всего лишь в прошлом году орды рабов пытались сжечь Чарлстон.

Поэтому, когда городской рекордер²² начал расследование, подозрение вскоре сосредоточилось на неграх. И не прошло много времени, как он нашел убогую таверну с ирландцем-хозяином, где прятали краденое и часто бывали негры. Затем разговорилась тамошняя проститутка. Ей предложили деньги за показания. Показания были даны.

Существовал легкий способ добиться признания от рабов. Сложить в общественном месте костер, посадить негра, запалить да расспросить. В подобном духе вскоре были допрошены многие рабы, в том числе те, что принадлежали уважаемым людям. Очутившись в огне, двое, один из которых являлся имуществом Джона Рузвельта, дали желаемые показания и начали сыпать другими именами в надежде спастись в последний момент. Никто и

²² Мировой судья с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам.

глазом не моргнул, а пятьдесят имен уже было названо, и рекордер был готов пощадить их за столь полезные сведения, но только не толпа, которая, движимая собственными естественными порывами, пригрозила взбунтоваться сама, если ей не дадут полюбоваться тем, как поджариваются чернокожие.

Однако тут как раз началось настоящее правосудие. Обвинения сыпались густо и быстро. Любого чернокожего, кто занимался чем-то как минимум подозрительным, бросали в тюрьму. К концу мая почти половина мужского негритянского населения города оказалось за решеткой в ожидании суда неизвестно за что.

Джон Мастер задумчиво взглянул на индейский пояс. Он всегда ему нравился, с детских лет. «Этот пояс завещал мне прадед ван Дейк, когда умирал, – частенько говаривал ему отец. – Он очень ценил его». А потому, когда Джону исполнилось двадцать пять и отец передал ему пояс со словами: «Может быть, он принесет тебе удачу», Джон был тронут и стал хранить его в своем большом, надежном дубовом шкафу. Иногда вынимал и любовался ракушечным узором, но почти никогда не надевал. Однако нынешний вечер был особенным. И он надеялся, что с поясом ему и впрямь повезет.

Сегодня вечером он собрался сделать предложение Мерси Брюстер.

Последние пять лет произвели в молодом Джоне Мастере замечательную перемену. Оставшись красавцем, он вырос и ввысь и вширь. Он больше не считал себя никчемным. Визит бостонских родственников стал поворотным моментом. С утра, после унижительного случая с Кейт, он в первый и последний раз узрел отца по-настоящему взбешенным, и это пошло ему на пользу. Он был так потрясен, что постарался взять себя в руки. Полный новой решимости, он посвятил себя единственному делу, к которому как будто имел способности, и начал с небывалым усердием трудиться на благо семейного бизнеса.

Его отец Дирк был удивлен, но крайне доволен. Дарение вампумного пояса стало знаком доверия к сыну. Джон не свернул с избранного пути, добивался успеха за успехом и ныне уже прослыл состоявшимся купцом. Но он понимал, в чем его слабость. Он знал, что его ум расположен к лени, и ему пришлось умериться в выпивке. Однако он, не питая иллюзий насчет своих недостатков, добродушно принимал и чужие. К двадцати пяти годам Джон Мастер имел широкий и уравновешенный взгляд на человеческую природу.

Поговаривали даже о его политическом будущем. Но у него не лежала к этому душа, так как последние годы городской жизни тоже научили его многому.

После суда над Зенгером продажный губернатор Косби скончался, и в Нью-Йорке начались преобразования. Во власть пришли новые люди: мелкие торговцы, ремесленники, выходцы из народа. Могло показаться, что пошлый коррумпированный режим пал. Но ничуть не бывало. Никто не успел оглянуться, как большинство новичков сами погрязли в коррупции, обосновавшись в роскошных кабинетах, положив себе немалое жалованье и получив возможность обогащаться. Похоже было, что в Нью-Йорке, как и в Лондоне, укоренилась максима старого британского премьера: «Каждый человек имеет свою цену».

– Я буду зарабатывать как честный мошенник, – искренне заявил отцу Джон.

Вышагивая сегодняшним вечером с тростью, украшенной серебряным набалдашником, он выглядел respectable горожанином до мозга костей. С наступлением темноты на улицах было опасно, но он не боялся. Не многие разбойники рискнули бы напасть на него.

Что касалось негритянского заговора, то он не верил ни единому слову о нем. Он знал всех трактирщиков, а тот малый, которого обвинили, был среди них самым большим злодеем. Вполне возможно, что он что-нибудь и поджег да понабрал себе в шайку недовольных рабов и других темных личностей. Но ничему прочему Джон Мастер не верил. Проститутка скажет что угодно, если ей заплатить. А что до рабов, которые принялись называть имена, когда огонь начал лизать им пятки, то их показания не стоили ломаного гроша. Под пыткой

тоже признаешься в чем угодно. Он видел, как городской рекордер жадно записывал выкрикиваемые имена, и испытал лишь отвращение. Всем был известен процесс над салемискими ведьмами в Массачусетсе, состоявшийся в прошлом веке. По его мнению, здесь творилось нечто подобное – бесконечная череда обвинений, казней и трагического абсурда. Он только надеялся, что скоро все закончится.

Слава богу, сегодня он мог подумать о более приятных вещах.

Дирк Мастер был удивлен, узнав о его желании жениться на Мерси Брюстер.

– На квакерской дочке? Да ты в своем ли уме? Во имя Господа, почему?

Мать же пришла в великое сомнение:

– Не думаю, Джонни, что вы будете счастливы.

Но Джон Мастер знал, что делает, а его родители ошибались. Глубоко ошибались.

– Вообще-то, она не квакерша, – возразил он.

Он полагал, что она была таковой, когда они познакомились. В конце концов, ее семья недавно прибыла из Филадельфии, и Мерси обращалась к людям высокопарно-архаически: «thee» и «thou»²³. Но он быстро выяснил, что ее отец, хотя и состоял в квакерах, был исключен из общины за то, что женился на англиканке. Теперь он не числился ни в какой конгрегации. Однако, позволив своей англиканке-жене водить детей в ее церковь, дома он требовал соблюдения квакерских, любезных его сердцу обычаев.

– Ты, собственно, общаешься с квакершей, – с улыбкой заметила Джону Мерси. – В Филадельфии много таких смешанных семей. Там мы не очень-то позволяем идеям вмешиваться в нашу жизнь.

Джон перво-наперво заметил, что этой квакерской девушке не было дела до его наружности. В отличие от большинства девиц. Поскольку он преуспел, его первоначальная неловкость в обращении с женским полом своего круга улетучилась. Когда он входил, большинство женских взглядов приковывалось к нему. Бывало, что молодые женщины вспыхивали при встрече с ним. Но не Мерси Брюстер. Она спокойно смотрела ему в глаза и говорила непринужденно.

Казалось, ей был безразличен и собственный внешний вид. Она была обычная девушка, ростом чуть ниже среднего, с кудрявыми волосами, разделенными прямым пробором, и широко посаженными карими глазами. Она отличалась прозаичностью и пребывала в мире с собой. Он никогда не встречал никого похожего на нее.

Было одно тревожное обстоятельство.

– Я люблю читать, – сообщила она, когда он впервые нанес ей визит, и у него екнуло в груди.

Но она показала ему не философский труд, а развеселый «Альманах» Бена Франклина, филадельфийского печатника. В эту книгу, полную баек и шуток, мог с удовольствием погрузиться и он.

Несколько месяцев он видел в ней только друга. Он легко, по-свойски, приходил в ее дом. Если они встречались в чужом, он болтал с ней и вряд ли осознавал, что проводит в ее обществе больше времени, чем в чьем-то еще. Их беседы были напрочь лишены романтики. Они говорили о делах и вещах обыденных. Она, как большинство квакерских девушек, была воспитана в кротком сознании равенства с любым мужчиной, а ум у нее, несомненно, был деловой. Спросив у него о морских перевозках, она мгновенно и толково усвоила все, что он рассказал. Она не кокетничала с ним, а он не флиртовал с ней. Она не чинила ему спроса и принимала его таким, какой он есть. Ему было легко и радостно в ее присутствии.

²³ «Ты» и «вы» соответственно.

Раз или два он поймал себя на том, что нежно улыбается ей или чуть дотрагивается до плеча как будто в ожидании ответа. Но она неизменно предпочитала рассматривать это как проявление дружбы, и не больше. Откровенно говоря, в последнее время он даже задался вопросом, не сохраняет ли она дистанцию умышленно.

Все изменилось, когда они отправились на проповедь.

В истории христианства не раз возникали харизматичные проповедники: мужи, притягивающие одних и вдохновляющие еще бóльших; так начинается движение – любое движение, подобное реке, которая оставляет богатые залежи плодородной почвы для будущих поколений.

Джон Мастер услышал о братьях Уэсли несколько лет назад. Воодушевленные пылкой верой и желанием проповедовать, они и некоторые их оксфордские друзья развернули евангелическое движение в лоне Англиканской церкви. В 1736 году Джон Уэсли прибыл в американские колонии – в Саванну, что в Джорджии, где надеялся обратить в свою веру коренное индейское население. И хотя через пару лет он вернулся отчасти разочарованным, на смену ему в Джорджии тотчас явился его оксфордский товарищ Джордж Уайтфилд. Тем временем евангелическая миссия Уэсли в Англии потихоньку росла. Тексты их проповедей пересекли Атлантику и достигли Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка. Некоторые церковники сочли движение неприглядным и презрительно нарекли этих серьезных молодых людей методами, но многие были вдохновлены их страстными речами.

Летом 1739 года Джордж Уайтфилд, навестив в Англии Уэсли и посоветовавшись с ними, вернулся с целью шире распространить свое слово в колониях. Его первая остановка была в Филадельфии.

– Он замечательный, – сказала Мерси Джону Мастеру.

– Ты слышала его проповедь?

– Конечно слышала. Я пошла с его другом, Беном Франклином. Будь уверен, – улыбнулась она, – что мистер Франклин не позволит никакой знаменитости прожить в Филадельфии и дня, не познакомившись с ним.

– Он произвел на тебя впечатление?

– Огромное. Голос могучий и такой звучный, что слышно за милю, как Господа нашего во время Нагорной проповеди. Говорит он то же, что и другие проповедники, но так расписывает картины, что они прямо перед глазами. Пробирает до костей. Он выступил под открытым небом и собрал многотысячную толпу. Многих буквально сразил.

– И мистера Франклина?

– Перед выходом он сказал мне: «Уайтфилд – хороший парень, но я не позволю водить себя за нос. Смотрите, я выложил из кармана все деньги. Теперь не дам ему ничего, пока голова не остынет».

– Значит, Франклин ничего ему не дал?

– Как раз наоборот. Мистер Уайтфилд проводил сбор средств для сирот Джорджии, и к концу проповеди мистер Франклин так разволновался, что одолжил у меня. Потом вернул, разумеется.

Уайтфилд посетил Нью-Йорк дважды. Англикане и голландское реформистское духовенство не позволили ему выступить в их церквях. Зато его принял пресвитерианский священнослужитель. Он также проповедовал под открытым небом. Его речи понравились не всем. Когда он заговорил о необходимости богослужений для рабов, кое-кто расценил это как призыв к беспорядкам. В прошлом ноябре он снова приехал в город.

– Хочешь его послушать? – спросила Мерси.

– Да не особенно, – ответил Джон.

– А я хочу еще раз услышать его на свежем воздухе, – сказала она. – Но мне нельзя соваться одной в такую толпу. Сопроводить меня было бы очень любезно с твоей стороны, – добавила она с легким укором.

После этого Джон не сумел отказать.

Холодным осенним днем они отправились по Бродвею. Миновали церковь Троицы и пресвитерианский дом собраний. Еще несколько улиц – и вот они уже шли мимо квакерского дома собраний. Чуть дальше, где вправо отходила старая индейская дорога, начиналась обширная треугольная пустошь Коммон – общественный выгон. И именно на Коммон, невзирая на холод, стекался народ. К приходу Джона и Мерси там уже собралась огромная толпа.

Посреди Коммон был возведен высокий деревянный помост. Публика была разношерстная: почтенные купцы с семействами, ремесленники, подмастерья, матросы, рабочие, рабы. Джон, оглядевшись, прикинул, что сошлось уже тысяч пять, и люди все прибывали.

Прождав больше получаса, толпа, однако, вела себя сдержанно и поразительно тихо. В воздухе витало предвкушение. И вот наконец к помосту направилось с полдесятка человек. Когда они дошли до места, один поднялся по ступеням и повернулся лицом к толпе. Джон ожидал какого-нибудь вступления, но не было ничего – ни гимнов, ни молитв. Проповедник громко прочел отрывок из Писания и перешел сразу к делу.

Джордж Уайтфилд был облачен в простую «пасторскую рубашку» с белым воротничком. На нем был длинный парик. Но даже издалека Джон рассмотрел, что проповеднику еще не исполнилось тридцати.

С какой, однако, уверенностью он вещал! Он рассказал притчу о Лазаре, восставшем из мертвых. Он довольно пространно цитировал Писание и другие источники, но внимать ему было легко. Толпа напряженно слушала с почтением к его учению. Затем Джордж Уайтфилд живописно обрисовал событие. Он не сдерживался в красках. Представьте труп, сказал он, не просто покойника в могиле, а труп смердящий. Вообразите себя рядом. Он снова и снова расписывал эту сцену столь ярко, что Джону Мастеру тоже почудился смрад разложения.

Задумайтесь же над духовным смыслом этой притчи, призвал собравшихся Уайтфилд, не только о свершившемся чуде. Ибо не подобны ли они Лазарю? Смердящие в грехе и мертвые для Бога, пока не позволят Христу воскресить себя к новой жизни! И Джон, сам того не желая, невольно подумал о собственном беспутном прошлом, ощущая глубокую, волнуемую правду в словах проповедника.

Уайтфилд распекал их дальше – за леность, за грехи, за неспособность отречься от зла. Он приводил все мнимые препятствия на пути к Богу, какие мог измыслить, и разбирал каждое. А после, когда аудитория растрогалась, устыдилась и деться ей стало некуда, он приступил к наставлению.

– Придите же! – повысил он голос. – Поспешайте и следуйте за Господом! Остановитесь, о грешники! – загремел он зычно и страстно. – Уверуй же, о необращенный муж! Не медли более, говорю я тебе, и впредь не делай ни шагу по твоей нынешней стезе! – Толпа находилась в его власти. Он овладел публикой. – Прощайте, плотские похоти! – воскликнул он. – Мне больше не по пути с вами! Прощай, гордыня жизни! О, сколько в тебе рассудка! Господь простирает к нему Свою могучую десницу. Да, Он простирает! – И голос его возвысился до экстаза; толпа же взирала на него снизу – кто просветленно, кто со слезами на глазах. – Судия перед вратами. Он тот, кто явится и не замедлит быть. – Теперь он воззвал к собравшимся, время пришло, пробил тот час, что приведет к спасению. – И мы воссияем, аки звезды на небосводе в царстве нашего Небесного Отца, отныне и вовеки...

Призови он их приблизиться, прикажи упасть на колени – большинство подчинилось бы.

И Джон Мастер, сам того не желая, тоже был готов прослезиться. Его затопило большое, теплое чувство. Он глянул на стоявшую рядом Мерси и узрел, что та буквально лучится добром с такой спокойной уверенностью, какой хватило бы, проживи он с ней всю свою жизнь, для познания неведомых ему прежде и мира, и счастья, и любви.

Тогда-то он и решил жениться на ней.

Родители умоляли его повременить с объяснением в чувствах. Познакомиться с ней получше и действовать наверняка. Они смекнули, что дело было отчасти в эмоциях, возбужденных проповедью Уайтфилда, и были рады, когда вскоре евангелист покинул город, а еще больше обрадовались весной – тому, что он не вернулся.

Между тем Джон продолжал, как обычно, встречаться с Мерси.

Но даже будь он осторожен и продолжай скрывать свои чувства, к весне она не могла не понять, что его возрастающее влечение к ней способно привести к чему-то большему, чем дружба. Ему же это деликатное ухаживание было в новинку. До сих пор его отношения с женщинами были весьма прямолинейными и так или иначе разрешались стремительно. Но эта постепенная эволюция, по ходу которой он изучал ее и с каждым днем все больше ценил ее качества, вела его в неизведанный край. К Пасхе он влюбился по уши, и она не могла об этом не знать. Лишь городские волнения заставили его отложить объяснение в любви. Они и еще одно.

Он не был уверен во взаимности своего чувства.

Мерси Брюстер не ведала лукавства и мыслила независимо, но он не понимал ее отношения. Она не подавала никаких знаков. Он мог сказать лишь, что она любила его как друга и что-то – неведомо что – удерживало ее от поощрения его к большему. Недавно он недвусмысленно заявил о своих намерениях. Он выказал любовное влечение, обнял ее за талию, поцеловал целомудренным поцелуем и чуть не зашел дальше. Однако она, хотя и не вполне отвергла эти наскоки, оказала некоторое сопротивление и молча отдалилась, проявив нечто большее, чем обычную квакерскую благопристойность.

Что ж, настало время внести ясность. Он уведомил ее, что вечером зайдет и хочет побеседовать наедине, а потому она должна была понять, что произойдет. Но он не был уверен в ее ответе.

Неудивительно, что под шелковый жилет он надел на счастье вампунный пояс.

Мерси Брюстер ждала. Она оделась получше, выглядела неплохо и решила, что это сослужит свою службу.

Она уже давно переговорила с родителями о Джоне Мастере. В конечном счете ее отец разрешит. Мистер Брюстер несколько сомневался в нравственных принципах юноши, но был не слишком настроен против него. Мать знала родителей Джона и считала их почтенными людьми, не говоря об их богатстве, про которое было известно всем.

Если Джону Мастеру было легко в обществе Мерси Брюстер, то этому не приходилось удивляться. Она выросла в уютном и милом городе. Хотя Филадельфия была основана только в конце XVII века, она располагалась так удобно для южных рынков и была настолько готова принять переселенцев любых вероисповеданий и национальностей, что уже превзошла размерами и Бостон, и Нью-Йорк. И может быть, безмятежность этого места объяснялась тем, что Филадельфия раскинулась не на бесплодных каменистых землях Массачусетса, а на пышнейших лугах в Америке. Сыграла свою роль и религия. Квакеры, столь выделявшиеся в городе, были народом обходительным и скрытным – полная противоположность суровым пуританам, которые основали Бостон и всегда считали своим призванием судить окружающих и помыкать ими.

Если житель Филадельфии читал книги, то и ладно, коль скоро он не навязывал их другим. Избыток учености, избыток достижений, избыток успеха – избыток всего, что могло нарушить растительный и благочестивый покой ее пышных лугов и широких долин, – предавался в счастливой Филадельфии анафеме с момента ее основания. Если Джон Мастер знал свое дело, происходил из хорошей семьи и был дружелюбным малым, то это все, что требовалось милой филадельфийской девушке.

Правда, Джон Мастер ошибся насчет одного. Он думал, что Мерси не заметила его сходства с греческим богом. Еще как заметила! Когда он впервые заговорил с ней, Мерси понадобилось все ее квакерское воспитание, чтобы остаться невозмутимой. «Я должна судить по душе, а не по внешности», – напоминала она себе снова и снова. «Но как возможно, чтобы этот божественный человек захотел тратить время на такую, как я, замухрышку?» Она долго считала, что он видит в ней лишь невинную подругу. Никто не мог заподозрить его в большем. Когда он намекнул на это раз или два, она подумала, уж не глумится ли он. Но даже когда его чувства представились более сильными, одно обстоятельство продолжало тревожить Мерси Брюстер.

Она не знала, добр ли он. О да, он был достаточно добрым вообще, в обыденном смысле. Он любил своих родителей. Похоже, что у него водились порядочные друзья. Но квакерская девушка была в этом смысле более требовательной, чем думал Джон. Она задавалась вопросом: случалось ли ему искренне, по-настоящему, переживать за других? Конечно, он был молод, а юность эгоистична, но в этом пункте она должна быть удовлетворена.

Она не могла сообщить ему об этом сомнении. Заподозри он, в чем беда, ему было бы слишком легко потрафить ей каким-нибудь благородным жестом. Все, что ей оставалось, – наблюдать, ждать и надеяться. Не уверившись в этом, она не сможет его полюбить.

Он знать об этом не знал, но молебен на Коммон стал испытанием. Откажись он идти, она бы тихо замкнулась, тайком захлопнула внутреннюю дверцу и осталась ему другом, но не больше. Во время проповеди Уайтфилда она исподтишка следила за ним, хотя Джон ничего не заметил. Она видела, как он был тронут, заметила слезы в его глазах и осталась довольна. Он добр, сказала она себе. У него есть сердце. Но было ли дело только в проповеди Уайтфилда, или за этим крылось нечто еще, более серьезное и основательное? Она продолжила слезку. Даже когда стало ясно, что он готов объясниться в любви, она не позволила себе отречься от задуманного, осталась в сомнениях и сохранила дистанцию.

И это далось ей с трудом, ибо вот уже несколько месяцев она была полностью, мучительно влюблена.

Он придет сегодня вечером. Она знала, что он скажет. Но все еще не была уверена в своем ответе.

Юному Гудзону не везло. Он сунулся в несколько гостиниц, но везде ему было сказано, что мест нет. Он знал кое-какие уголки, пользовавшиеся дурной славой, но до сих пор избегал их. Он заглянул к знакомому матросу, надеясь найти ночлег, но тот уехал из города, ибо времена были скверные. Другой приятель, такой же вольный чернокожий, как он сам, угодил за решетку. По пути же к знакомому канатчику, минуя Веси-стрит, он совершил ужасную ошибку.

Он сразу заметил дымящую трубу. Она принадлежала дому, что находился через несколько дверей. Даже в сумерках он различил густой черный дым, хотя не заметил пламени. Надо бы проследить, подумал он, но решил не вмешиваться и продолжил путь – тут-то из-за угла и вывернула пара дозорных.

Они тоже увидели дым. И чернокожего. И уставились на него. Пристально и сурово.

А он ударился в панику.

Он знал, о чем они подумали. Никак это чернокожий поджигатель? Он, разумеется, мог остаться на месте и заявить о своей невинности. Но вот поверят ли ему? Так или иначе, его еще и разыскивал капитан корабля, и Гудзону не улыбалось предстать перед властями. Выход был только один. Он бросился наутек. Скорее за угол, в проулок, потом через стену, затем в другой проулок – и он оторвался.

Пройдя половину Ферри-стрит, Гудзон понадеялся, что очутился в безопасности, но позади вдруг послышался топот ног, и он, обернувшись, увидел двоих дозорных.

На миг он растерялся. Бежать? Возможно, он и скроется, но если нет, то бегство подтвердит его вину. Поймут ли они в темноте, что он тот самый чернокожий? Наверное, нет. Но им, быть может, все равно. Он заколебался и был готов снова задать стрекача, когда увидел еще одного человека, который шел к нему с другого конца улицы. Это был ладный здоровяк с тростью, увенчанной серебряным набалдашником. Небось поймает, если он бросится бежать, а дозорные устроят погоню! Осталось стоять на месте со всем возможным достоинством.

Дозорные подбежали к нему. Хотя он не тронулся с места, один схватил его за шиворот.

– Попался! – встряхнул. – Мы тебя видели!

– Что вы видели?

– Там, на Веси-стрит. Ты поджигал...

– Чего?.. Да не было меня на Веси-стрит!

– Не гавкай, ниггер. Пойдешь в кутузку.

Тут приблизился человек с тростью.

– В чем дело? – спросил он.

– Мы видели, как этот мелкий ниггер поджигал дом на Веси-стрит, – сказал один из дозорных. – Верно, Герман?

– Мог, – ответил второй.

Но Гудзон заметил в нем некоторую неуверенность.

– Это не я! – возразил Гудзон. – Меня даже не было в той части города...

– А когда это случилось? – осведомился незнакомец.

– Минут десять назад, да, Джек? – сказал Герман.

– По ниггеру тюрьма плачет, – ответил Джек.

– Не по этому, – хладнокровно произнес незнакомец. – Потому что я только пять минут как отправил его с поручением, а до того он был со мной. – Он посмотрел Гудзону в глаза и вновь повернулся к дозорным. – Меня зовут Джон Мастер. Дирк Мастер – мой отец. А этот раб принадлежит мне.

– Да неужели? – подозрительно спросил Джек.

Но Герман был готов уступить.

– Тогда все ясно, – сказал он. – По-моему, тот и выглядел-то иначе.

– Вот же черт! – ругнулся Джек.

Незнакомец дождался, пока дозорные не скроются за углом, и заговорил:

– Ты ведь не поджигал?

– Нет, сэр, – сказал Гудзон.

– Потому что если поджигал, то у меня неприятности. Ты чей?

– Ничей, сэр. Я вольный.

– Вот как? Где ты живешь?

– У моего деда была таверна на берегу, но он умер. Его звали Гудзон.

– Знаю. Выпивал там.

– Не припомню вас, сэр.

– Заглянул всего раз или два. Но я побывал во всех тавернах. В большинстве напился.

Как тебя звать?

– Тоже Гудзон, сэр.

– Гм... Так где же ты сейчас проживаешь?

– Пока нигде. Я был в плавании.

– Гм... – Спаситель смерил его взглядом. – Сбежал с корабля? – (Гудзон промолчал.) –

Сегодня в доках бушевал пьяный капитан, все искал мальчишку-негра, который удрал с борта. Не сказать чтобы он мне понравился. Надирался и на борту, как я понимаю.

Гудзон подумал. Незнакомец почему-то был на его стороне.

– Он дважды чуть не утопил корабль, – признался он.

– Что ж, лучше тебе какое-то время побыть при мне, – заявил Джон Мастер. – Будешь изображать раба, пока не подвернется что-нибудь поприятнее.

– Я вольный, сэр, – напомнил ему Гудзон.

– Ты идешь со мной или нет? – спросил благодетель.

И Гудзон, осознав, что податься ему некуда, принял предложение. По крайней мере, на какое-то время он окажется в безопасности.

Мерси Брюстер была немало удивлена, когда Джон пришел с новым рабом. Ему понадобилось несколько минут, чтобы все объяснить, после чего Гудзона отослали на кухню.

– Мне кажется, он говорит правду, – сказал Джон, когда Гудзон ушел и уже не мог слышать. – Если нет, то я страшно ошибся. – Он улыбнулся. – Боюсь, мне пришлось солгать, Мерси. Ты этого не одобришь.

– Но ты же солгал, чтобы спасти его от незаслуженного ареста. Может быть, даже жизнь ему спас.

– Наверное, так. Я не мог бросить беднягу в таком положении.

– Не мог, – подтвердила она тихо. – Я вижу.

– Надеюсь, ты не сердишься за то, что я привел его сюда.

– О нет, – ответила она, чуть задохнувшись, – я ничуть не сержусь. – Она надолго приковалась к нему взглядом и решила. Да, он был добр. Он никогда бы так не поступил, не будь он добр. И тогда, втайне затрепетав, она спросила: – Джон! Ты, кажется, хотел мне что-то сказать?..

Таверна Монтейна

1758 год

В ночь Гая Фокса в Нью-Йорке сжигали папу.

В Англии 5 ноября считалось знаменательным днем. Прошло полтора века с тех пор, как католик Гай Фокс предпринял попытку взорвать протестантский парламент, после чего завелся обычай ежегодно сжигать его чучело. По этой самой причине торжества во многом напоминали древние ритуалы Хеллоуина. Ночь Гая Фокса пришла и в Нью-Йорк. Однако со временем ньюйоркцы решили улучшить старый английский обряд и добраться до самой сути. Они поволокли по улицам чучело самого папы с дальнейшим сжиганием его вечером на огромном костре, и все ликовали. По крайней мере, почти все. Городские католики могли бы и возразить, но их было мало, и им хватило ума помалкивать.

Тем вечером Джон Мастер заметил в собравшейся на Бродвее толпе Чарли Уайта, махнул ему рукой и улыбнулся. А Чарли кивнул, но без улыбки. И Джон сообразил, что они уже годы как не общались, и начал пробираться к нему.

И может быть, Джону Мастеру было чуть-чуть неловко произнести: «Рад тебя видеть, Чарли». И он едва не брякнул: «Как раз вчера о тебе вспоминал», но сдержался, потому что это было бы ложью, черт побери, и оба это знали. Тут он, к счастью, осознал, что они находятся прямо перед таверной Монтейна, и предложил: «Пойдем-ка выпьем». Как в старые добрые времена.

Старые времена. Чарли помнил старые времена будь здоров. В те деньки они с Джоном Мастером были неразлейвода.

Счастливые времена. Рыбалка. Прогулки по Бродвею рука об руку. Ночевки в лесу, где им однажды помстилось, что заревел медведь. Лодочный поход на Губернаторский остров – на целый день, Джон прогуливал школу. Городские проказы. Раз или два Джон брал его в отцовский баркас для ночной доставки мелассы с французских судов. Отец же Джона прилично подмазал Чарли, чтобы молчал, хотя Чарли скорее бы умер, чем обмолвился словом.

Он был почти членом семьи. Это была настоящая дружба.

Когда Джон повзрослел, они пошли и по тавернам. Но Чарли не мог напиваться наравне с Джоном, потому что работал. Поэтому Джон надирался в стельку с матросами, а Чарли отводил его домой.

Потом Джон начал работать и отдалился. Он редко виделся с Чарли, и тот все понял. «Не хочет знаться со мной, – решил Чарли, – потому что я напоминаю ему о том, от чего он хочет отделаться. Я напоминаю о нем самом, каким он был раньше». Он понял, но все равно обиделся. Они иногда встречались и даже пропускали стаканчик, да только прошлого не вернуть.

Однажды Чарли допустил мелкий промах. Он был на рыночной площади и случайно заметил у входа в форт Джона, который беседовал с купцом. Чарли подошел и, как обычно, поздоровался с другом, а Джон наградил Чарли холодным взглядом, потому что его перебили. Купец тоже не слишком обрадовался вмешательству такого типа. Вот Чарли и поспешил отойти, чувствуя себя немного глупо.

На следующий день Джон спозаранку явился к нему в дом.

– Прости за вчерашнее, Чарли, – сказал он. – Ты застал меня врасплох. Я раньше никогда не имел дела с тем малым и пытался понять, чего он хочет.

- Ничего страшного, Джон. Пустяки.
- Вечером свободен? Можем выпить.
- Не сегодня, Джон. В другой раз.

Но другого раза, конечно, не было. Бессмысленно. Они уже обитали в разных мирах.

Правда, Джон его не забыл. Примерно через год он зашел снова. Чарли был человек рабочий, но владел еще и телегой, так что время от времени промышлял перевозками. Джон спросил, не поможет ли он Мастерам развезти кое-какой товар по окрестным фермам. Это будет постоянный подряд, на полный рабочий день еженедельно, и условия приличные. Чарли обрадовался, и эта сделка растянулась надолго. В последующие годы Джон приобщал его и к другим делам, когда выдавалась возможность.

Однако по сути это был случай, когда богатый дает работу бедняку. В последний раз Чарли получил поручение не от Мастеров, а от клерка, пришедшего заключить договор.

Оба они женились: Джон – на квакерше из Филадельфии, Чарли – на дочери возчика. Оба обзавелись семьями. Джон не знал, как зовут детей Чарли, зато Чарли было известно о Джоне все.

Дело в том, что Чарли часто думал о Джоне. Он нередко проходил мимо красивого дома Мастеров. Он знал в лицо и миссис Мастер, и ее отпрысков. Он собирал о них сплетни по тавернам. Его подстегивало любопытство – быть может, немного болезненное. Но Джон Мастер удивился бы, узнай он, сколь глубоко был посвящен в его дела Чарли Уайт.

Они устроились за деревянным столом в углу и пригубили спиртное.

- Как поживает твое семейство, Чарли? Дела в порядке?

Чарли необходимо было побриться, на лице появились морщины. Его глаза сузились под копной черных волос.

- Семейство живо и здорово, – признал он. – Говорят, ты немало преуспел.

– Так и есть, Чарли. – Отрицать это было бессмысленно. – Много людей нажилось на войне.

Три года назад умерла мать Джона, а его отец Дирк отошел от дел и перебрался на свою маленькую ферму, которая находилась к северу от Манхэттена в графстве Уэстчестер. Он был очень доволен тамошней жизнью под присмотром домработницы. «Ты похож на старого голландца, почившего от трудов на своем бувери», – с любовью говорил ему сын. И хотя Дирк любил быть в курсе всех дел, за семейный бизнес теперь полностью отвечал Джон Мастер. А тот, спасибо войне, процветал, как никогда раньше.

Ибо давнее соперничество Франции и Британии приняло новый оборот. С минувшего века две эти силы боролись за контроль над индийским субконтинентом, прибыльной торговлей сахаром в Вест-Индии и северным меховым промыслом, однако в Америке их конфликты сводились главным образом к стычкам, осуществляемым при содействии ирокезов в верховьях Гудзона и реки Святого Лаврентия далеко на севере от Нью-Йорка. Но недавно они попытались овладеть долиной Огайо, что находилась на западе и вошла в обширные северные владения Франции на реке Миссисипи в Луизиане. В 1754 году довольно молодой и зеленый офицер британской армии из Виргинии по имени Джордж Вашингтон вторгся в долину Огайо и обустроил там маленький форт, откуда его немедленно вышвырнули французы. Сам по себе инцидент был мелким, но в Лондоне он принудил британское правительство к решению. Настало время раз и навсегда изгнать заклятого врага с северо-восточных земель. Войну затеяли всерьез.

– Спасибо Джорджу Вашингтону за то, что сколотил мне состояние, – весело говаривал Джон Мастер.

Война означала приватирство, и Джон Мастер хорошо на нем нажился. Дело было рискованным, но он это учел. Большинство походов оказалось убыточным, но прибыль от

захвата нескольких кораблей была баснословной. Имея долю в десятке кораблей зараз и усредняя риск, он добился того, что доход превысил расходы. Фактически он сумел ежегодно удваивать, а то и утраивать свое состояние. Это была игра богача, но он мог ее себе позволить.

Однако настоящим благом для Нью-Йорка стала британская армия. Не прошло много времени, как для борьбы с французами из Англии прибыли десять, двадцать, а вскоре и двадцать пять тысяч «красных мундиров», сопровождаемые огромной флотилией с почти пятнадцатью тысячами матросов. Все они очутились в Нью-Йорке и Бостоне.

Армия и флот нуждались в продовольствии. И не только в нем: офицеры пожелали себе домов и всевозможных услуг. В придачу к постоянным поставкам на Карибские острова Джон Мастер получал правительственные заказы на огромные партии зерна, древесины, тканей и рома; тем же самым занималось и большинство его знакомых торговцев. Скромные ремесленники, тоже заваленные заказами, взвинчивали цены. Правда, некоторые рабочие жаловались на то, что болтавшиеся без дела солдаты устраивались на временную подработку и крали их заработок. Но в общем и целом трудовые семейства вроде того, что было у Чарли, могли выручить неслыханно много. Большинство ньюйоркцев, имевших хоть что-нибудь на продажу, с чувством произносили: «Благослови Господь эти „красные мундиры“!»

– Я много строю, – сказал Чарли. – Жаловаться грех.

Они пили весь вечер и говорили о семьях и старых временах. И Джону при воспоминании о былом казалось, что было не так уж плохо водиться с ребятами вроде Чарли. «Пусть я богат и мне сорок, живу припеваючи, – подумал он, – но мне знакома жизнь улиц, причалов и кабаков, что только на пользу делу». Он знал, о чем думают такие, как Чарли, знал, когда они лгут, и находил с ними общий язык. Он подумал о своем сыне Джеймсе. Джеймс был хороший мальчик. Джон любил мальчишку и не ведал с ним особых хлопот. Он взял на себя его общее образование и постоянно растолковывал тонкости городской торговли – учил, на что обращать внимание. Наставлял на истинный путь. Но фактом, по мнению Джона, было то, что молодое поколение воспитывалось в духе излишнего аристократизма. Как отец, Джон считал, что Джеймсу следует усвоить уроки, которые вынес он сам.

Поэтому, когда Чарли уже запоздно обронил, что его Сэму стукнуло тринадцать – ровно как Джеймсу, Джон вдруг подался к нему со словами:

– Знаешь, Чарли, хорошо бы они сошлись, твой Сэм и мой Джеймс. Как ты считаешь?

– Я не против, Джон.

– Так, может, я его пришлю?

– Ты знаешь, где меня найти.

– Тогда послезавтра. Днем.

– Будем ждать.

– Он придет. Давай по последней.

Когда они простились, папа уже сгорел дотла.

На следующее утро Джон Мастер рассказал Джеймсу о Чарли Уайте и велел заглянуть к нему завтра. Вечером напомнил еще раз. В назначенный день он подробно объяснил, как найти дом Чарли, и велел Джеймсу не опаздывать. Тот пообещал явиться в срок.

В тот же день Мерси Брюстер ждала своего гостя. Она тщательно выбрала время. Ушли и Джеймс, и Сьюзен, его старшая сестра. Муж вернется еще не скоро. Когда архитектор пришел, Гудзон проводил его в гостиную, где она расчистила столик, на котором вскоре и разложили чертежи.

Она готовила для мужа спальню.

Нет, она не желала Джону смерти. Ни в коем случае. Ее любовь проявлялась в заботе о Джоне, живом или мертвом. А коли так, то, будучи квакершей, она отличалась практичностью.

С годами любовь Мерси к мужу только усилилась. Стоило ей увидеть новый парик или сюртук, сшитый по последней лондонской моде, или великолепный экипаж, как она сразу думала: «Моему Джону пойдет». При виде красивого шелкового платья она воображала, как порадует этой обновой Джона и как хороши они будут вдвоем. Если замечала в красивом соседском доме чиппендейловский стул или какие-то особенные обои, то склонялась приобрести такие же, чтобы придать элегантности своему и сделать его достойным своего мужа. Она даже заказала их портреты модному художнику мистеру Копли.

Ее страсть была невинна. Она никогда не отрывалась от квакерских корней. Ее тяга к роскоши не имела целью выставиться за счет других. Но поскольку ее муж был хорошим человеком, благословленным успехом в делах, то она не видела греха в том, чтобы радоваться хорошим, ниспосланным Богом вещам. В этом она безусловно являлась образицей квакерства. Квакеры-олигархи правили Филадельфией, как венецианские аристократы. На севере же Нью-Йорка именно богатый квакер Мюррей построил роскошную загородную виллу, которую нарекли Мюррей-Хилл.

Здесь же, в городе, Бог никогда еще не предоставлял столь широких возможностей к шикарной жизни. Если во времена юности Джона утонченные бостонцы и европейцы находили Нью-Йорк грубоватым, то ситуация быстро менялась. Зажиточные классы селились все дальше от уличной суеты. Чистые георгианские улочки и площади замыкались в изысканной тишине. Перед старым фортом раскинулся скромный и приятный парк Боулинг-Грин, разбитый по образу и подобию лондонских Воксхолл и Ранела-Гарденз. Он стал тихой гаванью для прогулок почтенных людей. Театров и концертных залов было маловато, зато британские офицеры-аристократы, недавно прибывшие в город, могли приобрести дома ничуть не хуже тех, что остались на родине. Дом богатого торгового семейства Уолтон с дубовой обшивкой и мраморным холлом посрамил даже хоромы британского губернатора.

Англия. Все дело было в Англии. Британские законы о грузовых перевозках почти не допускали в американские порты товары из материковой Европы, но это едва ли имело значение. Англия поставляла все, чего требовали утонченные вкусы. Фарфор и стекло, серебро и шелка, всевозможные предметы роскоши, все утонченное и грубое привозилось в Нью-Йорк из Англии на льготных кредитных условиях, которые стимулировали потребление. Миссис Мастер скупала все. По правде говоря, она бы с большим удовольствием пересекла океан и посетила Лондон, дабы увериться, что ничего не пропустила. Но при мужниной занятости мечтать об этом не приходилось.

Джон Мастер отказал ей только в одном – в загородном доме. Не в ферме наподобие старых бувери Стайвесантов и им подобных, а именно в доме, пусть с сотнями акров сельскохозяйственных угодий – не это было важно. Там можно было бы укрыться от нездорового и знойного городского лета. Но главное, дом – вилла и парк – явились бы наградой: местом, где джентльмен мог продемонстрировать хороший вкус. Такова была старая добрая традиция: богатые джентльмены обзаводились парками в эпоху Ренессанса, в Средние века и во времена Римской империи. Теперь настала очередь Нью-Йорка. Кое-что было на Манхэттене; существовал дом Уоттсов на Роуз-Хилл и тот же, разумеется, Мюррей-Хилл; имелись и другие с позаимствованными лондонскими названиями – например, Гринвич и Челси. Некоторые находились чуть дальше к северу, как поместье ван Кортландтов в Бронксе. Как хорошо смотрелся бы ее муж в таком месте! Он вполне мог позволить это себе, но категорически отказался.

– Всегда можно съездить на отцовскую ферму, – заявил Джон. Он уже купил еще севернее и теперь расчищал две тысячи акров земли в графстве Датчесс. – Уэстчестер и Датчесс

будут главными зерновыми краями на севере, – сказал Джон. – И я засею зерном каждый ярд моей земли.

И пусть она вздыхала, но жившая в ней квакерша понимала его правоту.

Однако порой она по-прежнему задавалась вопросом: что сделать для мужа еще, не выходя за границы города? У них были и дом, и мебель с портретами – чего же боле?

Да вот же, усыпальницу. Мавзолей. Если нельзя построить дом, чтобы прожить в нем несколько лет, то можно гораздо дешевле возвести гробницу, чтобы покоиться в ней вечно. Мавзолей отличит супруга, рядом похоронят ее, а следом – их потомков. Это достойный замысел. Можно нанять архитектора. Можно показывать знакомым чертежи. Она уже месяц занималась этим делом, но сохраняла тайну. Она готовила мужу новогодний сюрприз.

А потому немало смутилась, когда в три часа дня муж вернулся раньше, чем она ожидала, и застал ее в обществе архитектора с разложенными чертежами.

Джон Мастер уставился на план своей усыпальницы. Она была под стать римскому императору. Он отлично знал, что некоторые старые землевладельческие семейства в округе, особенно пресвитерианцы, посмеивались над претензиями нью-йоркских торгашей, и в чем-то понимал их, а потому не винил. Но, посмотрев на жену с любовью, он лишь заметил:

– Что же ты, Мерси! Мне чуть за сорок, а ты уже хоронишь меня.

Затем, поскольку единственным жениным недостатком было то, что она не всегда понимала шутку, а сам он заново поразился нелепой пышности гробницы, Джон опустился на чиппендейловский стул и разразился хохотом.

Но быстро встал, поцеловал жену и сказал, что благодарен ей. И улыбнулся украдкой, ибо раскрыл ее план, тогда как и сам готовил ей сюрприз. Но о его секрете, порадовался он, ей все еще ничего не известно.

– Кстати! А Джеймс вернулся от Чарли Уайта? – спросил он и получил отрицательный ответ. – Добро, – сказал он.

Наверное, это означало, что встреча проходила хорошо.

В полдень того же дня Чарли Уайт с сыном ждали перед своим двориком. Улица, где они жили, относилась к западной стороне Бродвея и находилась неподалеку от таверны Монтейна и в полумиле к северу от церкви Троицы, которой принадлежала земля. Если в фешенебельных кварталах улицы были красиво вымощены, а дома построены из кирпича, то ближе к Коммону, где жил Чарли, дороги оставались грунтовыми, а ветхие дома строились из некрашеной дранки. Но район был довольно веселым.

Во дворе позади них стояла телега Чарли с намаляванным красной краской номером. У Чарли было три сына и две дочери. Старший был матросом, средний – пожарным; он гордо разъезжал на новеньком пожарном насосе, доставленном из Лондона. Юный Сэм помогал отцу. Сэм не знал, как отнестись к визиту Джеймса Мастера.

– Мне-то что делать – взять его с собой торговать устрицами на улице? – спросил он.

Устрицы – еда бедняков. Сэм часто выручал скромные деньги, продавая их.

– Будь самим собой, – ответил отец.

Больше говорить было незачем. Если богатый Джеймс Мастер должен сдружиться с Сэмом... Что ж, невозможно сказать, куда заведет подобная дружба.

Правда была в том, что Чарли Уайт чрезвычайно разволновался из-за этого визита. После долгих лет его детская дружба с Мастерами возродится. Вернутся ли старые добрые времена?

Накануне вечером он много чего порассказал своим близким о юности, прошедшей в обществе Джона Мастера. Немного выпил. Чуток прихвастнул. Дети всегда знали про эту

дружбу, но лишь немного, а отец говорил о ней редко. Слушая его теперь, они слегка удивились, и рассказ произвел на них сильное впечатление.

Жена впечатлилась меньше. Миссис Уайт была пухлой, уютной особой. Она любила Чарли, но за годы замужества изучила его слабости. Перевозки никогда не приносили того дохода, что получал ее отец. Он не всегда сосредоточивался на деле, которым занимался. Она боялась, что нынешняя встреча разочарует его, и всяко не хотела, чтобы их дети набрались каких-нибудь дурацких идей. Многолетний брак с Чарли превратил ее в скептика.

– Значит, ты выпил с Джоном Мастером и пригласил его сына.

– Это не я, – сказал Чарли. – Он сам сподобился.

– Во хмелю.

– Видал я его во хмелю, он не был пьян.

– Ты думаешь, что богатенький юный Мастер придет?

– Я знаю, что придет. Мне так сказал его отец.

– Ну, может быть, да, а может, и нет, – заметила жена. – Но вот что я тебе скажу, Чарли: Джону Мастеру что-то нужно. Не знаю, что именно, но, получив это, он снова тебя забудет, как сделал раньше.

– Ты ничего не понимаешь, – возразил Чарли. – Он мой друг.

Дети смотрели на него во все глаза. Жена промолчала.

– Сама увидишь, – сказал Чарли.

И вот Чарли и Сэм ждали. На улице былолюдно. Однажды прошел какой-то знатный субъект, но юный Джеймс Мастер все не показывался. Прошло четверть часа. Сэм посмотрел на отца.

– Он придет, – сказал Чарли.

Прошло еще четверть часа.

В час дня Чарли обратился к сыну:

– Можешь приниматься за дело, Сэм.

Но сам простоял еще долго, глаза на улицу.

Тем же вечером в шесть часов Джеймс Мастер шел домой и надеялся, что не застанет там отца. Он все еще обдумывал, что бы такое сказать.

Он искренне хотел дойти до Чарли Уайта. В каком-то смысле, если вдуматься, он почти так и сделал. По крайней мере, вышел вовремя. Но что-то удерживало его. Ему не хотелось знакомиться с Сэмом Уайтом. Нет, он не смотрел на бедняков свысока. Не в этом дело. Но было бы здорово, если бы отец не договаривался на его счет.

Он-то знал, откуда дует ветер. Очередная попытка отца его воспитать. «Воображает, что мне нужны такие друзья, как Сэм Уайт, чтобы познать мир и вырасти, как вырос он сам», – думал Джеймс.

И лучше бы отец не лез со своими напоминаниями и предписаниями! Сказать ему об этом, конечно, не выйдет, но в данный момент Джеймсу искренне казалось, что в случившемся больше отцовской вины, чем его собственной.

Возможно, это был просто рок. По пути он встретил приятеля – не задержаться было нельзя. А после уже совсем собрался идти дальше, но понял, что задержался слишком надолго и все равно уже поздно.

Поэтому он счел, что лучше всего будет сказать: искал, да не нашел, схожу завтра. И он уже точно решил так и сделать, когда столкнулся с отцом на минуту раньше, чем рассчитывал, перед самым домом.

– Ну, как оно прошло, Джеймс? – выжидающе улыбнулся отец. – Правда, Чарли тот еще тип? А как тебе понравился Сэм? Яблочко от яблоньки?

– Ну... – Джеймс оценил отцовское нетерпение. – Нет. По-моему, довольно смирный.

- Но был настроен дружески, я надеюсь. А ты?
- Да... Да, я тоже. – Он напрочь увяз, совершенно того не желая. Сдаться и признаться? Отец, наверное, выпорот его, но это не беда. Хуже то, что он разочаруется. Хоть бы отстал и не ругался!
- Значит, увидите снова? – с надеждой спросил отец.
- Пожалуй, да. Не беспокойся, отец, мы свидимся, если захотим.
- Вот молодцы!
- Ты только не трогай нас, отец.
- Да. Да, конечно. Не волнуйся, мой мальчик, я не буду вмешиваться. – И с этими словами отец отпустил его в дом.

Отбрехался? Он не был в этом уверен. Он знал, что отец не часто видится с Чарли Уайтом, но они обязательно встретятся. Джеймс подумал, что будет лучше завтра же сходить к тому и сказать, что перепутал день, а дальше пообщаться с Сэмом. Так он преотлично заметет следы и все исправит. И Джеймсу почти удалось это сделать, но на другой день он так долго откладывал выход, что понял в итоге: увы, он опять опоздал. На следующий день история повторилась. На третий же он уже решил плюнуть на все, когда посреди улицы остановилась телега с намалеванным красным номером и коренастый возчик, с недельной щетиной и в тяжелом кожаном плаще, наклонился к нему и спросил:

- Не ты ли будешь Джеймс Мастер?
- Может быть. Кто спрашивает?
- Некто по имени Чарли Уайт. Я думал на днях, что ты заглянешь.

Вот он, шанс. Он мог сказать, что как раз и идет. Извиниться. Исправить все. Секундное дело. И почему же он этого не сделал? Потому что внезапно возникло внутреннее сопротивление всей канители, а может быть, глупый страх попасться. Он сам не понял, что это такое и почему, но тем не менее услышал, как сам говорит:

- Я ничего об этом не знаю, мистер Уайт. Чем могу быть полезен?

И это было сказано так вежливо, с голосом и выражением лица столь невинными, что Чарли Уайт купился.

- Ничего, молодой джентльмен. Ошибочка вышла. Я, видно, неправильно понял. И он, хлестнув конягу, покатил прочь.

Жена оказалась права, подумал Чарли. Возбудив в нем надежды, заставив своего якобы друга почувствовать некоторую привязанность с его стороны, Мастер даже не потрудился поговорить с мальчиком. Лишь выставил его дураком перед Сэмом и унизил перед всем семейством. Он уже тяготился подчеркнутым молчанием жены. Он видел, что дети глядят на него со смесью жалости и насмешки. Возможно, Джон забыл или передумал. Независимо от причины ясно стало одно: бедняцкие чувства в итоге не принимались в расчет. Не было ни дружбы, ни уважения – ничего, кроме презрения со стороны богача. Другого объяснения не существовало. И с этого дня Джон Мастер, сам того не подозревая, обзавелся тайным врагом.

Джон Мастер не видел Чарли Уайта недели две. Однажды он спросил у Джеймса, общается ли тот с Сэмом, а Джеймс промямлил что-то уклончивое, и Джон свернул разговор. Но он все равно заглянул бы к Чарли, когда бы не мелкий инцидент.

Если тринадцатилетний Джеймс был несколько робок, то дочь Джона Сьюзен, которая была на три года старше и унаследовала от отца белокурые волосы и красоту вообще, уже превратилась в уверенную и привлекательную молодую особу, возбуждавшую интерес нью-йоркских мужчин. У Сьюзен был живой, покладистый нрав, но она уже точно знала, чего

хотела: выйти замуж за человека с приличным имением в графстве Уэстчестер или Датчесс. А с ее внешностью и состоянием не было причины думать, что этому не бывать.

Поэтому, когда на обед явились два молодых ньюйоркца, оба выходца из Йеля, Мастер счел, что они ищут его расположения, надеясь на последующее дочернее.

Все было бы славно, не зайдя разговор об университетах.

Коль скоро в Массачусетсе имелся Гарвардский колледж, а Коннектикут не замедлил ответить Йелем, ньюйоркцы решили, что тоже должны обзавестись высшим учебным заведением. Так был основан Королевский колледж. Это было небольшое заведение в бедном районе города, где жил Чарли Уайт, – впрочем, оно дополнялось приятными садами, удивившими к реке Гудзон. Поскольку участок под колледж выделила церковь Троицы, приходской совет рассудил, что заведение должно быть англиканским, с чем согласился английский губернатор. Но это вызвало яростный вой в других церквях, особенно пресвитерианских.

Большинство зажиточных купцов вроде Мастера принадлежало к Англиканской церкви. Некоторые называли их Троицыной толпой. И да, эта Троицына толпа господствовала в ассамблее²⁴ и занимала большинство видных постов. Поэтому попытка захватить и новое учебное заведение была расценена прочими конгрегациями как чудовищный произвол. Пресвитерианцы назвали происходящее заговором. Даже беднота, которая мало интересовалась университетами, бурлила и осыпала проклятиями привилегированных англикан. Обстановка накалилась. Мастер считал, что вся история не стоит ломаного гроша. И компромисс был достигнут, но в городе остался неприятный осадок, и возмущение продолжало звучать.

Молодые выпускники Йеля были пресвитерианцами. Дискуссия вышла жаркой. И эти юнцы дерзнули оскорбить его и обозвать губернаторским прихвостнем – в собственном доме! Он выгнал их вон, и Мерси со Сьюзен поддержали его. Но Джон Мастер еще несколько дней пребывал в раздражении и не находил себе места.

А коль скоро Чарли Уайт, которому могло и не быть никакого дела до университета, принадлежал к классу, который шельмовал англикан, Джон Мастер испытал внезапное и острое нежелание в ближайшее время встретиться с возчиком и его семьей. Это было абсолютно несправедливо, и вряд ли он сам это осознал. Но год подошел к концу, а он так и не навестил Чарли.

В Новый год Джон Мастер преподнес свой сюрприз. Он подготовил к нему постепенно.

– Знаешь, Мерси, – сказал он, – эти неприятные йельцы и сквернота на душе из-за университета заставили меня поразмыслить, и я не прочь на время уехать.

– Ну так и поживем за городом, – предложила жена. – Или можно, если хочешь, съездить к моей родне в Филадельфию.

– Правда, есть одна незадача, из-за которой мне туда нельзя, – продолжил он. – Меня беспокоят дела, которые мы ведем с Альбионами, потому что я знать не знаю этих людей.

Пять лет назад, когда старый лондонский агент его отца отошел от дел, тот порекомендовал Мастерам препоручить агентство фирме Альбионов. До сих пор это соглашение реализовывалось успешно, но их общение сводилось к переписке, а поскольку объем перевозок возрастал с каждым годом, Джон счел, что пора познакомиться с Альбионами лично и сравнить их фирму с другими торговыми домами.

– Чего же ты хочешь? – спросила Мерси.

– Я решил, – и тут его красивое лицо расплылось в ухмылке, – что лучше отправиться в Лондон. И задумался: вдруг ты захочешь поехать со мной?

²⁴ Наименование законодательного органа (или его нижней палаты) в ряде штатов.

Лондон

1759 год

Побывать в Англии – чистый восторг! И вот она здесь. На самой Темзе, в сердце Британской империи.

Под ясным небом громоздились корабли, башни, купола и церковные шпили. На берегу дышал стариной серый лондонский Тауэр. На гребне высился купол протестантского собора Святого Павла – такой могучий, надежный и величественный! Мерси радостно и взволнованно приготовилась ступить наконец на твердую землю.

А Лондон блистал, невзирая на все свои изъяны – удушливые туманы, порожденные пятью веками сжигания угля, пристрастие низшего класса к дешевому джинну и пропасть между богатыми и бедными. Кривые улочки средневекового города, полные крыс, почти напрочь сгинули в огне Великого пожара минувшего столетия, хотя роскошные готические здания и церкви сохранились. Те улочки сменились великолепными проспектами и площадями с георгианскими особняками, образовавшими огромную дугу от Сити до Вестминстера. Подумать только – все это было ее на долгие месяцы! И можно ни о чем не тревожиться!

За исключением юного Джеймса.

Договоренности Джона Мастера перед отплытием из Нью-Йорка были просты. Он перепоручил дела на складе клерку, которому доверял. Хорошим малым был и старший мастер на перегонном заводе по производству рома. Участок в графстве Датчесс находился под строгим надзором агента, который также собирал многочисленную ренту с городской собственности. Что касалось дома, то с ним и вовсе не было хлопот. Гудзон присмотрит. Но тем не менее Джон нуждался в человеке, который бы ведал делами в целом и следил за поступлением прибыли от ряда уважаемых и доходных городских предприятий. В Нью-Йорке, в отличие от Лондона, еще не было банков, и Мастер и такие же, как он, купцы договаривались о ссудах на местах.

Поэтому его отец Дирк согласился вернуться в город и поселиться в доме на время отсутствия Джона. Джон сомневался, что тот горел желанием этим заняться, но отец любезно согласился, и более подходящего человека было, конечно, не найти.

Это решило и другую проблему.

Мерси расстроилась, когда Сьюзен отказалась ехать с ними в Лондон, но отнеслась к этому с пониманием. Дело было не в том, что Сьюзен не любила родителей или не интересовалась миром. Но все, чего она хотела, уже находилось в нью-йоркской колонии – друзья и мужчина, кем бы он ни был, за которого она когда-нибудь выйдет замуж. Пересечь океан и добраться до Лондона не пустячное дело, и дома она, может быть, окажется через год. Для девушки в возрасте Сьюзен это казалось долгим сроком – целый год жизни без прицела на будущее, который можно с большей пользой провести в Америке. Спорить с ней было бессмысленно. Можно заставить, но зачем? Она не собиралась передумывать. А присутствие в доме деда означало, что ее можно спокойно оставить на его попечение.

Но Джеймс был другое дело. Когда он признался матери, что не испытывает ни малейшего желания отправиться в Лондон, она откровенно сказала ему: «Отец настроен решительно, Джеймс, и тебе придется поехать». И, видя его досаду, добавила: «Ты разобьешь ему сердце, если откажешься».

Она не удивлялась. Мальчики в этом возрасте норовисты и ершисты. Дело усугублялось тем, что он был единственным сыном и все надежды отец возлагал на него. Вполне естественно, что Джон постоянно решал за него, и столь же естественно Джеймс чувствовал себя пораженным в правах. «Отец любит тебя и желает только добра», – напоминала ему Мерси. И она полагала, что муж прав. Джеймс просто обязан поехать в Лондон – так она ему и сказала.

Но путешествие стало испытанием.

Лето уже началось, когда они ступили на борт пакетбота, направлявшегося через Атлантику в Лондон вместе с несколькими другими кораблями и военным эскортом для защиты от французских приватиров. Ее муж был замечательным моряком. Недели плавания совершенно не отразились на нем. Пил ли он в величественной ночной тишине или выдерживал натиск бури, когда корабль швыряло, – разницы никакой, она никогда не видела его таким счастливым. Напротив, Джеймс часами просиживал на палубе и мрачно глазел на Атлантический океан, словно на личного врага. Когда же случался шторм и отец бодро оставался на палубе, Джеймс жалко ютился внизу и горько думал, что если утонет, то виноват будет отец, который без надобности потащил его в странствие к совершенно чужим местам. Когда муж посетовал на упорное молчание сына, Мерси сказала:

– Джон, это просто возраст, да еще заточение на корабле.

– По-моему, он меня проклинает, – печально заметил Джон.

– Все нет, – солгала она. Но ей очень хотелось верить, что Джеймс воспрянет духом в Лондоне.

Не успели они ступить на берег, как к ним с протянутой рукой шагнул приятный человек средних лет с глазами невиданной синевы.

– Мистер Мастер? Я Артур Альбион, сэр, к вашим услугам. – И он в мгновение ока подвел их к своему экипажу, а два мальчика погрузили багаж в отдельную повозку. – Я взял на себя смелость подыскать вам жилье, – объявил он, – неподалеку от места, где поселился еще один почтенный джентльмен из американских колоний, хотя сейчас его нет в Лондоне.

– В самом деле? – ответил Джон Мастер. – И кто же он?

– Мистер Бенджамин Франклин, сэр. Смею предположить, что он скоро вернется.

Но пусть бы он и вовсе не появлялся все последующие недели, потому что Лондон превзошел все ожидания Мерси.

В скором времени Джон сообщил ей, что доволен Альбионами, которым принадлежал один из лучших торговых домов Лондона. Они были солидными людьми с хорошей репутацией. Артур Альбион был членом одной из лучших городских гильдий.

– Что касается нашего друга Альбиона, – со смехом заявил Джон, – он джентльмен до мозга костей. Но если можно заработать круглую сумму, то я в жизни не видел субъекта проворнее.

Альбион оказался превосходным гидом. Будучи купцом и человеком городским, он в то же время принадлежал к старинному роду поместных дворян из Нью-Фореста. Благодаря семейным связям и куртуазным манерам он был вхож во многие лондонские аристократические дома. Его жена была из старого рода французских гугенотов. «Торговцев шелком и ювелиров», – охотно поделилась она с Мерси. Кому же, как не ей, водить ее по модным магазинам? Не прошло и недели, как они преотлично сдружились. Шляпки и ленты, шелковые платья и туфли, не говоря о деликатесах из магазина «Фортнум энд Мейсон» – они перебрали все. И пока слуги ждали своих хозяек в их роскошных апартаментах, две леди беспечно болтали обо всем на свете.

Лучше всего было то, что Мерси могла покупать вещи для мужа.

Она мгновенно поняла, что у мистера Альбиона отменный вкус, хотя одевался он скромно. Джон был одет хорошо. И лондонские моды очень быстро достигали Нью-Йорка. Но лондонские портные выдерживали известный стиль – его было трудно определить, но он безошибочно узнавался. Мерси еще и недели не пробыла в Лондоне, а уже упросила мистера Альбиона свести Джона к своему портному и постижеру²⁵.

Они с миссис Альбион смогли порадовать его и другими обновлениями: серебряными пряжками на туфли, красивыми часами, шпагой, темляком, льняной тканью на рубашки. Мерси купила ему даже серебряную табакерку. мода нюхать табак проникла, конечно же, и в Нью-Йорк, так что американские торговцы табаком уже наладили его производство. Джон Мастер всюду дымил трубкой, но табакерку считал излишеством. «Если я начну нюхать, то буду чихать на тебя целый день – и ночь заодно», – посулил он весело.

Джону Мастеру очень нравилось в Лондоне. Альбион подобрал жилье с толком – возле самого Стрэнда, в гуще событий. Очень скоро Джон сделался завсегдатаем лучших кофеен, где были наготове газеты и «Журнал джентльмена», и там заводил беседы со множеством интересных людей. В театрах давали комедии по его вкусу. Желая порадовать Мерси, он даже высидел концерт музыки Генделя – и остался вполне доволен.

Но главное обличение принес Джеймс.

Джон Мастер отлично помнил собственную юность и то, каким разочарованием бывал для отца. И если он часто решал за Джеймса, то только в надежде, что из того выйдет больший толк. В Нью-Йорке он думал, что Джеймсу пойдет на пользу знакомство с людьми вроде Чарли Уайта, а в Лондоне нарисовались совсем другие возможности. Здесь, у истоков империи, тот мог усвоить всю историю, познать все правила и манеры, приличествующие настоящему джентльмену. Перед отплытием он написал Альбиону письмо с просьбой найти для Джеймса наставника и понадеялся, что Джеймс не озлится вконец. Но к его великому облегчению, вскоре стало ясно, что Альбион сделал удачный выбор: он подыскал сметливого юношу, недавнего выпускника Оксфорда, который еще и составил Джеймсу компанию.

– В первые дни, – объявил юноша, – я собираюсь показать Джеймсу город. А по ходу дам несколько уроков истории.

И это, похоже, сработало. Через неделю, когда Мастер отправился с сыном в Вестминстер, он был потрясен знаниями Джеймса о британском парламенте. Спустя несколько дней Джеймс даже вежливо, но твердо поправил его в грамматике.

– Вот наглец! – воскликнул родитель, но ничуть не обиделся.

Джеймс превосходно ладил со своим молодым наставником. Когда Альбионы представили его богатым лондонским сверстникам, он не нашел между ними и собой большой разницы. Нью-йоркская молодежь уже переняла гнусавое, медлительное произношение лондонского света, и Джеймс вполне им овладел. Приятно было, что эти английские ребята приняли его как своего. Сын Альбиона Грей, который был на три года моложе Джеймса, буквально смотрел ему в рот, а Джеймс воодушевился еще сильнее, и вскоре особняк Альбионов у Линкольнс-Инн стал ему вторым домом.

И Джеймс, воодушевленный этой новой уверенностью, потянулся к отцу.

Джон Мастер знал, что мальчики его лет нуждаются в отцовском обществе, и ждал случая поводить сына по Лондону. Чего он не предвидел, так это того, что Джеймс поведет его сам.

Каждый день или два они покидали свое жилище у Стрэнда и шли знакомиться с лондонскими чудесами. Короткая прогулка на восток приводила к старому Темплу – очаровательному месту, где ныне расположились юристы. Дальше, под сенью собора Святого Павла

²⁵ Мастер по изготовлению париков.

на древнем холме, трудились печатники и газетчики Флит-стрит. Затем отец и сын шли к Тауэру. Альбион же, прихватив Грея, сводил их на Королевскую биржу и в порт.

Или, свернув по Стрэнду на запад, они неторопливо доходили через Уайтхолл до Вестминстера или устремлялись по Мэлл к королевскому дворцу Сент-Джеймс, после чего добивались до Пикадилли. Как минимум раз в неделю Джеймс приступал к отцу с каким-нибудь предложением. Не хочет ли он дойти до Тайберна, где на минувшей неделе повесили разбойника? Или в Ранела-Гарденз, или на лодке в Гринвич, или в Челси?

Джон был донельзя растроган желанием сына разделить впечатления и, хотя не говорил этого, считал эти дни счастливейшими в своей жизни.

Странно, но первой почувствовала себя неуютно Мерси.

Артур Альбион пригласил Мастеров на обед, где присутствовали купцы, юристы и духовенство. Он также знался с учеными, писателями и художниками, но правильно рассудил, что Джон Мастер не горел желанием обсуждать достоинства ни поэта Поупа, ни даже романиста Филдинга; тот не стремился к знакомству с солидным доктором Джонсоном, который по соседству на Стрэнде работал над своим великим словарем. Правда, он свел гостей с несколькими членами парламента, и до начала сентября они успели побывать на обедах и небольших приемах в ряде великосветских домов. Однако существовал еще один круг лиц, с которыми они пока не встречались. Это предстояло исправить в первую неделю октября.

– Дорогая, – обратился Джон к Мерси в один прекрасный день, – нас пригласили в Берлингтон-Хаус.

Снаружи Мерси уже видела знаменитые лондонские дома. Она ежедневно проходила мимо огромного фасада Нортумберленд-Хауса, что на Стрэнде, и ей показали еще не меньше десятка других. Она знала, что эти величественные анклавы, укрывшиеся за воротами и стенами, принадлежат высшей лондонской знати. Но поскольку эти строения растягивались на сотни ярдов, она предположила, что во внутренних дворах располагаются всевозможные присутственные места или, может быть, правительственные конторы.

Когда экипаж повез их на вечерний прием, Альбион объяснил дальнейшее.

– Это не совсем частное мероприятие, – сказал он с улыбкой. – Думаю, в Нью-Йорке на него больше всего похож прием у губернатора. Там будет огромная толпа. Мы можем удостоиться, а можем и не удостоиться чести встретиться с нашим хозяином. Но у вас будет возможность увидеть величайших людей Англии.

Берлингтон-Хаус находился на Пикадилли неподалеку от магазина «Фортнум энд Мейсон». Мерси и миссис Альбион воспользовались услугами одной и той же портнихи и одного же парикмахера. Быстрый осмотр показал, что Джон имел такой же безукоризненный вид, как и Альбион. Но Мерси невольно занервничала при виде огромного двора, массивных колонн и широкой дуги ступеней. Фасад палладианского особняка разительно напоминал римские палаццо. По бокам внушительного входного портала стояли ливрейные лакеи. Она услышала, как муж задает разумнейший вопрос:

– Для чего нужно такое огромное здание – я имею в виду, ежедневно?

– Вы не понимаете, мой друг, – улыбнулся Альбион. – Это частные владения.

И тут, впервые за все время, Мерси стало страшно.

Она никогда не видела ничего подобного. Громадные комнаты и залы с кессонными потолками были столь необъятны, что в них поместился бы даже самый большой нью-йоркский особняк. Ничтожной показалась бы даже церковь Троицы. В Америке не было ничего похожего, а если бы и имелось, никто бы не знал, что с этим делать. Какими же скромными, невзрачными, провинциальными должны были казаться живущим здесь даже лучшие нью-йоркские здания! И целый класс жил так по всей Европе – класс, о существовании которого, как вдруг поняла Мерси, она даже не подозревала.

– Такое богатство, – услышала она обращенные к Альбиону слова мужа, – должно сочетаться с огромной властью.

– Так и есть. Взять герцога Нортумберлендского – его лондонский дом еще больше этого: он из рода феодалов, который веками правил на севере, как короли. Сейчас у герцога есть десятки парламентариев, которые голосуют по его указке. Так поступают и другие могущественные магнаты.

– У нас в колонии нет таких семейств.

– Хозяева Мэриленда и Пенсильвании еще владеют земельными наделами, которые обеспечивают им феодальную власть, – заметил Альбион.

Это была чистая правда, ибо те земельные наделы, которых удостоился ряд семейств вроде Пеннов, и те фактически, что были выделены крупным патронам²⁶ на реке Гудзон – предоставленные им для развития не заселенной тогда территории, – вооружили этих магнатов почти феодальным могуществом.

– Дворцов-то они не строят, – сказал Джон.

Тем временем миссис Альбион шептала на ухо Мерси:

– Вон герцогиня Девонширская. У нее похожий дом дальше по улице. Это лорд Гренвиль. О, леди Саффолк! Ее не часто увидишь...

– Кто такая леди Саффолк?

– Ну как же, она бывшая королевская любовница. Очень любезная леди, весьма уважаемая. А вон туда посмотрите! – Она указала на красивую леди, перед которой все склоняли голову. – Это леди Ярмут, нынешняя фаворитка короля. Самая важная особа при дворе.

– Любовница короля – важная особа?

– Конечно. После кончины королевы она стала, можно сказать, супругой без права правления.

– А что же думала королева о любовнице мужа, когда была жива? – Мерси даже перекосило.

– О, они были большие подруги. Говорят, король даже выпрашивал королеву, как завоевать леди Ярмут. Посмотрите налево, это лорд Мэнсфилд, очень влиятельная фигура.

Но Мерси не взглянула на лорда Мэнсфилда. Она все еще пыталась разобраться с понятием «королевская любовница». Как могло быть, чтобы правитель страны, глава государственной Церкви, не только завел любовницу, но женщин ее сорта почитал, как честных жен? Бог свидетель – в Нью-Йорке было много безнравственного, но ее квакерская душа оскорбилась официальным признанием показного порока.

– Неужели у всех придворных есть любовницы? – спросила она.

– Вовсе нет. Лорд Бьют, ближайший советник короля, – набожный человек безукоризненной нравственности.

– Рада слышать. А разве личная порочность не делает человека недостойным государственного поста?

Тут добрая миссис Альбион взглянула на Мерси с неподдельным изумлением.

– Ну, коли так, – рассмеялась она, – то некому будет править страной!

Мерси промолчала.

И вот у двери возникло волнение. Объявили имя, и толпа начала расступаться. Она присмотрелась, кто там такой.

Молодому человеку было около двадцати. Крупный, нескладный юноша с выпученными глазами и маленькой головой. Он будто слегка робел. Но когда ему поклонились, Мерси поняла, кто это.

²⁶ Владельцы поместий с некоторыми феодальными привилегиями (дарованных правительствами штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси голландцам – членам Вест-Индской компании).

Принц Георг был внуком короля, но наследовал трон из-за безвременной кончины отца. Мерси слышала, что он питал нешуточный интерес к сельскому хозяйству и имел добрые намерения. Судя по улыбкам, которыми сопровождалась поклоны и реверансы, его любили. Значит, вот он какой, принц Уэльский.

Наблюдая за ним по ходу вечера и отмечая простоту его манер, она задумалась, внесет ли он, сделавшись королем, какие-нибудь изменения в этот мир аристократических излишеств и безнравственности. У нее почему-то возникли сомнения.

Десять дней спустя Альбионы повезли их на запад. Поехали и Джеймс, и маленький Грей. Выезд получился приятный, тем более что Мерси удалось понаблюдать за сыном и отпрыском Альбиона. Грей был прелестным ребенком, и было очевидно, что Джеймсу нравится изображать из себя старшего брата. Они миновали Нью-Форест, откуда были родом Альбионы, и покатали к Саруму и Стоунхенджу. Они насладились древней глушью леса и восхитились огромными сельскохозяйственными имениями вокруг Сарума. Альбион много рассказывал о новых методах фермерства и машинах, которые вели Англию к еще большему процветанию. Из Стоунхенджа они отправились в Бат и замечательно провели несколько дней в модных римских термах.

Именно там как-то раз, в зале для питья минеральных вод, Альбион встретил друга. Капитан Стэнтон Риверс был родом из знатного семейства – стройный, обходительный человек далеко за тридцать, сын лорда. Но титул и поместье наследовал старший брат, а потому капитан самостоятельно завоевывал место под солнцем.

– В британском флоте каждый офицер томится по войне, – сказал он с милой улыбкой, – поскольку она внушает надежду на призовые деньги²⁷. А здесь, в Бате, – добавил он откровенно, – всегда полно офицеров вроде меня, охотящихся за богатой наследницей или вдовушкой. Но у меня на уме другое. Я подумываю податься в Америку.

– А что ты собираешься там делать? – не без иронии спросил Альбион.

– Мой друг из Каролины дал мне знать, Артур, что там живет вдова без детей, но детородного возраста, которая владеет двумя превосходными плантациями и снова хочет замуж. Ей нужен джентльмен из хорошей семьи. Друг прислал мне ее миниатюрный портрет и уверяет, что рассказал ей обо всех моих изъянах, какие припомнил, но так и не отбил у леди охоту положить на меня глаз.

– Ты собираешься в Каролину?

– Я уже узнал о плантациях все, что мог. Думаю, справлюсь. Я намереваюсь проехать по колониям и заодно побывать в Нью-Йорке. Вдова не вдова, а мне придется познакомиться с ними как можно ближе.

Взгляд Альбиона подсказал Джону Мастеру, что его хозяин просит пособить товарищу. Дважды намекать не пришлось.

– В таком случае я надеюсь, что вы окажете мне честь и остановитесь в Нью-Йорке у нас, – сказал он. – С восторгом буду к вашим услугам.

Из Бата они поехали в Оксфорд. Путь вывел их на ровные платные дороги, разительно, как поневоле признала Мерси, отличавшиеся от разбитых дорог Новой Англии, и все путешествие длиною в семьдесят миль заняло всего один день. Оксфорд, с его закрытыми колледжами и дремлющими шпилями²⁸, очаровал Мерси. Но перед возвращением в Лондон Альбион показал им загородный дом семейства Черчилль в расположенном по соседству Бленхеймском дворце.

²⁷ Деньги, полученные от продажи судна, захваченного в бою.

²⁸ «Городом дремлющих шпилей» Оксфорд назвал поэт Мэтью Арнольд.

И там, как в Берлингтон-Хаусе, Мерси испытала очередное потрясение. Те загородные виллы, которые она знала на родине, были красивы, но к такому она не была готова. Парк простирался, сколько хватало глаз. Огромный особняк с каменными крыльями растянулся на полмили. Четверть же мили было от кухни до столовой. Библиотека, которую она представляла себе уютным уголком, имела шестьдесят ярдов в длину. Холодное величие особняка в стиле барокко ошеломляло. И пока Альбион с гордостью водил их, а муж с мальчишками благоговейно глазели на все подряд, ее спокойный квакерский рассудок постиг назначение этого великолепия. Здесь не кичились богатством, здесь не было державного высокомерия. Послание Черчиллей было столь же просто, сколь и возмутительно: «Мы никакие не смертные. Мы боги. Склонитесь перед нами». Преступление Люцифера. И у Мерси екнуло в груди.

– Я думаю, – сказал ей тем же вечером Джон, – что английскому лорду Америка кажется примерно тем же, чем провинциальная Британия – сенатору имперского Рима.

Такая мысль не могла ее утешить. С этого дня Мерси, не признаваясь в том мужу, ощутила в себе готовность вернуться в Америку.

С Беном Франклином они встретились в декабре. Он жил совсем рядом, на Крейвен-стрит возле Стрэнда. Франклин скромно, но с удобствами расположился в приятном георгианском доме, где занял лучший этаж под присмотром преданной домовладелицы и пары нанятых слуг. Джону очень хотелось, чтобы юный Джеймс взглянул на великого человека, и он заклинал его досконально запомнить все, что скажет Франклин.

Была взволнована и Мерси. Хотя она знала, что мировую известность Бену Франклину принесли опыты с электричеством и другие изобретения, по Филадельфии она помнила его автором «Альманаха Бедного Ричарда» – веселым дружком, сопровождавшим ее на проповеди. Человеком с круглым лицом, в очках, похожим на доброго лавочника; редкие каштановые волосы ниспадают на плечи, в глазах пляшут чертики.

Когда чету Мастер с сыном пригласили войти, навстречу им приветственно поднялся тот самый человек, которого она знала. И все-таки другой.

Мистеру Бенджамину Франклину недавно перевалило за пятьдесят. Он был модно одет в дорогой синий камзол с большими золочеными пуговицами. На шее красовался белоснежный галстук, на голове – напудренный парик. Чертиков не было. Глаза умны и внимательны. Он мог бы быть преуспевающим адвокатом. В его манерах сквозил легчайший намек на то, что времени у него мало, хотя он рад приветствовать соотечественников-колонистов.

«Не забудь, что Франклин сначала сколотил состояние в бизнесе, а уж потом занялся общественной деятельностью, – заметил Джон Мерси накануне. – И ничего не делает бесплатно. Британское правительство выплачивает ему крупное жалованье как почтмейстеру колоний, хотя он находится за три тысячи миль от своего рабочего места. А жители Пенсильвании платят второе за то, что он представляет их интересы здесь, в Лондоне. – Он усмехнулся. – И хитрый же малый этот твой друг мистер Франклин!»

Впрочем, Франклин приветил их хорошо, вспомнил Мерси, а Джеймса усадил рядом с собой. Извинившись за недостаток гостеприимства, он объяснил, что объезжал шотландские университеты, где встретился с Адамом Смитом и другими шотландскими гениями.

– Шесть недель величайшего наслаждения в моей жизни! – провозгласил он. Но, вернувшись, он обнаружил, что его ждет масса безотлагательных дел.

Он вел беседу исключительно дружелюбно. Но вскоре стало ясно, что Мастеры не знали никого из лондонских издателей, писателей и ученых, чье общество так нравилось Франклину, и Джон побоялся, что великий человек заскучает. Стремясь поддержать разговор, он отважился спросить о его миссии в Пенсильвании.

Пенсильванцы могли щедро платить Бену Франклину за представление их в Лондоне, но поручили ему нелегкое дело. Если Уильям Пенн горел страстным желанием основать в Америке квакерскую колонию, то это было в минувшем столетии. Ныне его потомки, проживавшие в Англии, стремились лишь к одному – извлечь беспощинный доход из унаследованных огромных пенсильванских наделов. Жители Пенсильвании устали от них, с их имущественными правами, и хотели себе хартии по примеру других колоний.

Но у Пеннов, как объяснил теперь Франклин, были друзья при дворе. И если тронуть пенсильванские гранты, то могут быть оспорены мэрилендские и все остальные. Британское правительство не хотело разворошить муравейник – не оберешься хлопот.

– Очередной трудностью, которую я не предвидел, – продолжил он, – стало то, что многие государственные служащие рассматривают колониальную администрацию как особый департамент и думают, что можно не считаться с мнением колониальных ассамблей по тем вопросам, которые выходят за рамки сугубо местных. Они полагают, что править колониями следует либо посредством собственников вроде Пеннов, либо напрямую, путем прямого правления короля и его совета.

Тут-то и встрял юный Джеймс:

– Сэр, а разве колонии после этого не окажутся в том же положении, что и Англия при Карле Первом, когда король мог править, как ему вздумается?

– Ты знаешь историю, – улыбнулся мальчику Франклин, – но недостаточно, я думаю, потому что лондонский парламент присматривает за королем. – Он выдержал паузу. – Это правда, что некоторые, в том числе даже мои парламентские друзья, опасаются дня, когда американские колонисты захотят отделиться от родины, хотя я и заверил их в том, что ни разу не встречался в Америке с подобными настроениями.

– Надеюсь, что нет, – подхватил Джон Мастер.

Однако теперь заговорила Мерси:

– Хорошо, если они так и поступят. – Слова вырвались прежде, чем она спохватилась, и прозвучали страстно. Мужчины ошеломленно уставились на нее. – Я достаточно насмотрелась на наших правителей-англичан, – добавила она тише, но с не меньшим чувством.

Бен Франклин был удивлен, но призадумался. После недолгого молчания он продолжил речь.

– Что ж, я держусь противоположного мнения, – сказал он. – Откровенно говоря, миссис Мастер, я намерен пойти дальше. Я верю, что в будущем Америка сделается главным оплотом Британской империи. И я вам скажу почему. У нас есть английский язык, английское право. В отличие от французов, мы отказали в правлении королям-тиранам. И я весьма надеюсь, что молодой принц Уэльский будет отличным королем, когда придет его очередь. Наше правительство ни в коей мере не совершенно, но в общем и целом я благодарен Создателю за британские свободы.

– Согласен с каждым словом, – подал голос Джон.

– Но учтите и следующее, – напомнил Франклин. – Бескрайние просторы Америки находятся за океаном. Так что же она такое, как не западный форпост нашей свободолюбивой империи? – Он оглядел всех. В его глазах зажегся огонь. – Известно ли вам, Мастер, что в Америке мы раньше вступаем в брак и производим вдвое больше здоровых детей, чем народы Европы? Население американских колоний удваивается каждые двадцать лет, а земли еще хватит на многие века. Американские уголья обеспечат британской промышленности постоянно расширяющийся рынок. Британия и ее американские колонии могут расти многие поколения без оглядки на другие народы. Я верю, что это наша судьба.

Таков был рецепт Бена Франклина. Не приходилось сомневаться, что он страстно верил в свою правоту.

– Благородное воззрение, – сказал Джон.

– Вообще говоря, – усмехнулся Франклин, – для совершенства нашей англоязычной империи не хватает лишь одного.

– Чего же? – спросил Джон.

– Выгурить из Канады французов и забрать ее себе, – бодро отвечивал великий муж.

Он еще произносил эти слова, когда вошла горничная с подносом, уставленным закусками. Это стало сигналом покончить с серьезной частью беседы, благо настроение хозяина просветлело, и он настоял на чаепитии перед уходом гостей.

По дороге домой Мастер с легким укором обратился к Мерси:

– Не знал, что ты испытываешь такое отвращение к англичанам. Я думал, ты довольна поездкой.

Ей сразу стало совестно. Она не хотела огорчить горячо любимого мужа, который из кожи вон лез, чтобы ее порадовать.

– Не знаю, что на меня нашло, – сказала она. – Наверное, мистер Франклин прав. Но мне, Джон, бывает трудно постичь английский образ мышления, потому что в душе я все еще квакер.

И она решила, что, пока они будут в Лондоне, сделает все, чтобы муж был доволен.

Удовлетворенный этой полуправдой, Джон Мастер поинтересовался мнением юного Джеймса.

– По-моему, отец, мистер Франклин – великий человек, – ответил тот.

– Тебе понравились его взгляды на предназначение Америки?

– О да!

– Вот и мне понравились. – И будущее показалось Джону Мастеру светлым, как только он подумал о любви своего сына к Лондону и о тех великих возможностях для Британской империи, которые обрисовал Франклин.

Тем же вечером за ужином, когда все находились в приподнятом настроении, Мерси отметила еще кое-что:

– Ты обратил внимание, что случилось, когда горничная подавала чай?

– Да нет, ничего такого, – ответил Джон.

– Мистер Франклин думал, что никто не видит. Он хлопнул ее по заду, когда она проходила мимо.

– Вот старый черт!

– Говорят же, что он совершенно неисправим, – улыбнулась она.

После этого Мерси держала при себе свое мнение о Британии, но недовольство ее сохранилось, а накануне Рождества – усилилось.

Любезное предложение, сделанное в Бате капитану Риверсу, не забылось, и в середине декабря они получили от его отца, лорда Ривердейла, приглашение отобедать на следующей же неделе.

Ривердейл-Хаус был не дворцом, но внушительным особняком неподалеку от Ганновер-сквер. Из холла высотой в два этажа они поднялись по парадной лестнице на piano nobile²⁹, где находился большой салон, занимавший практически всю переднюю часть дома. Компания была невелика. Его светлость – состаренная и более тучная версия сына – был вдовцом. За хозяйку была его сестра. Капитан Риверс пригласил пару армейских друзей. Мерси усадили справа от его светлости, и он оказал ей повышенное внимание, благодаря за любезное приглашение его сына и увлекательно рассказывая о столичных делах.

²⁹ Главный этаж зданий эпохи Ренессанса (*ит.*). Термин также используется для обозначения главных этажей аналогичных зданий, построенных в английском палладианском стиле в XVIII в. и в период неоренессанса в середине и конце XIX в.

Поговорить было много о чем. С утра пришла новость о том, что за океаном в Квебеке британские войска нанесли поражение французам. Хотя отважный молодой британский генерал Вольф трагически погиб, казалось, что мечта Бена Франклина готова сбыться и французов вышвырнут с севера. Когда Мерси рассказала лорду Ривердейлу об их визите к Франклину и его взглядах на будущее империи, он пришел в восторг и упросил ее повторить это для всех собравшихся.

Но если старый аристократ был мил, то сидевший справа полковник понравился ей меньше. Он был военный человек, и поэтому ее не задела его гордость за британскую армию.

– Хорошо вышколенный «красный мундир» стоит отборных французских войск, миссис Мастер, – заявил он. – По-моему, мы это только что доказали. Что же касается братьев меньших...

– Братьев меньших, полковник? – переспросила она.

Он улыбнулся:

– Я, знаете ли, повидал сорок пятый.

Сорок пятый год. Еще не прошло пятнадцати лет с тех пор, как Красавчик принц Чарли высадился в Шотландии и попытался отвоевать старое королевство у лондонских правителей из рода Ганноверов. Это было безумное, романтическое предприятие. И предельно трагическое. «Красные мундиры» обрушились на плохо экипированных и необученных шотландцев и разгромили их.

– Необученные люди не могут противостоять регулярной армии, миссис Мастер, – хладнокровно продолжил полковник. – Это невозможно. А шотландские горцы... – Он улыбнулся. – Они, к вашему сведению, недалеко ушли от дикарей.

Мерси насмотрелась на шотландцев, прибывавших в Филадельфию и Нью-Йорк. Они не показались ей дикарями, но было ясно, что полковник уверен в своих словах, и она сочла неуместным с ним спорить.

Однако чуть позже разговор переключился на Ирландию.

– Коренные ирландцы, – категорично изрек полковник, – немногим лучше животных.

И хотя она понимала, что это не следует воспринимать буквально, ее квакерская душа сочла такие суждения возмутительными и непристойными. Однако она отметила, что никто за столом не выразил несогласия.

– Ирландией подобает править железной рукой, – спокойно высказался лорд Ривердейл. – Уверен, все со мной согласятся.

– Они определенно не способны к самоуправлению, – поддакнул полковник. – Даже те, которые протестанты.

– Но ведь у них существует ирландский парламент? – спросила Мерси.

– Вы совершенно правы, миссис Мастер, – с улыбкой ответил лорд Ривердейл. – Но дело в том, что мы-то уж позаботились, чтобы ирландский парламент не обладал никакой властью.

Мерси не сказала больше ни слова. Она вежливо улыбнулась, и вечер продолжился в приятнейшей атмосфере. Но она поняла, что увидела душу империи, и она ей не понравилась.

Юный Джеймс Мастер не знал, что делать. Он любил родителей. Когда начался новый год, он поговорил с отцом, но не с матерью.

Со времени прибытия в Лондон в нем прибавилось и уверенности, и роста. Он был уже на полтора дюйма выше, чем по приезду, и красивая новая куртка – подарок отца – стала изрядно коротка в рукавах.

– Пожалуй, ты вымахашь выше меня! – рассмеялся отец.

Неудивительно, что Джеймс влюбился в Лондон. Бесспорно, это была столица англоязычного мира. Город настолько кипел, что можно было повторить за доктором Джонсоном: «Кто устал от Лондона, тот устал от жизни». В своем наставнике Джеймс приобрел гида, в маленьком Грее Альбионе – очаровательного младшего брата. Английские сверстники сочли его ровней. Чего еще желать в пятнадцать лет?

Только одного. Ему захотелось в Оксфорд. Он был еще слишком мал, но под умелым руководством наставника делал огромные успехи.

– Нет никакой причины, чтобы через несколько лет ему и впрямь не поступить в Оксфорд, – заявил наставник его отцу.

И правду сказать, Джон Мастер был восхищен этой мыслью.

– Ты куда больший молодец, чем я в свое время, – признался он Джеймсу с чрезвычайной откровенностью.

Он, что и говорить, не мог сдержать улыбку, вспоминая свое унижение перед бостонскими родственниками. Гарвард и Йель – прекрасно, но сын, который учится в Оксфорде! Да он заткнет за пояс этих бостонских Мастеров!

Имелось и другое соображение. Он знал людей из провинциальной ассамблеи, а также близких к губернатору ньюйоркцев, и среди них на удивление многие получили образование в Англии. Оксфордский диплом мог очень пригодиться их семейству в будущем.

Мастер переговорил с Альбионом, и лондонец согласился.

– Если Джеймс поступит в Оксфорд, – сказал он, – то пусть на каникулах живет у нас, в Лондоне. Мы и так уже почитаем его за родного.

Проблема была только одна.

В Новый год Мерси сообщила Джону неожиданную новость:

– Джон, я жду ребенка.

После стольких лет это явилось полным сюрпризом, однако сомнений не было. А за новостью последовала и просьба:

– Джон, я хочу вернуться в Нью-Йорк. Я хочу, чтобы ребенок родился дома, а не в Англии.

Джон выждал день, прежде чем обсудить желание Джеймса учиться в Оксфорде. Он был готов к неудовольствию жены, но не к смятению.

– Отдай его в Гарвард, Джон, но только не оставляй здесь! Я умоляю тебя! – А после того как он расписал преимущества обучения в Оксфорде, она расстроилась еще больше. – Я не вынесу, если брошу сына в этом проклятом месте!

Когда он сообщил мальчику о материнских чувствах, Джеймс промолчал. Но вид у него был такой несчастный, что Джон попросил несколько дней подождать, пока он будет думать.

И Джон Мастер со всей тщательностью обдумал ситуацию. Он понимал Мерси. Ему было так же больно при мысли, что их с сыном разделят три тысячи миль – весьма вероятно, на годы. Возможно, даже больше после того, как славно они поладили в Лондоне. С другой стороны, Джеймсу явно понравился Оксфорд, и Мастер не сомневался в душе, что это удачный выбор.

На другой чаше весов лежало здоровье матери. Беременность всегда опасна, а с возрастом, по его мнению, угроза росла. Вправе ли они с Джеймсом нанести ей такой удар? Вдруг, боже упаси, дела обернутся скверно? Его умственному взору предстала картина: Мерси на смертном одре зовет сына, который находится за три тысячи миль. Ее молчаливый упрек. Муки совести несчастного Джеймса.

Он вновь осторожно коснулся этой темы, но Мерси была непоколебима. Тогда он заключил, что выход один.

– Ты вернешься в Америку и побудешь там несколько месяцев, – сказал он Джеймсу. – Но после этого, если не передумаешь, мы снова обсудим Оксфорд. Я ничего не обещаю,

но мы подумаем. Пока же, мой мальчик, сделай веселое лицо и постарайся не расстраивать маму. Если же будешь ныть и огорчать ее, – зловеще добавил Джон, – то я закрою тему раз и навсегда.

Он не сказал сыну о своем твердом намерении вернуть его в Англию раньше, чем пройдет год.

Догадался ли Джеймс об этом или просто учел его слова, но Джон Мастер был очень доволен тем, что оставшиеся зимние месяцы он был настолько добр и предупредителен, что о большем не приходилось мечтать. Они продолжили наслаждаться Лондоном. И вот наконец в первый погожий весенний день трое Мастеров сердечно простились с Альбионами, взошли на корабль и отправились в долгий обратный путь до Нью-Йорка.

Абигейл

1765 год

Построить империю мечтали многие народы, но к шестидесятым годам XVIII века ни один разумный человек не сомневался в том, что Британии уготована слава. Вскоре после возвращения Мастеров в Нью-Йорк пришло известие о смерти старого короля и восшествии на престол скромного, благонамеренного молодого принца Уэльского – отныне Георга III.

Британские войска в Америке изгнали из Канады французов-соперников. В 1763 году был заключен Парижский мир, и Франция отказалась от всех притязаний на бескрайние американские территории. Французам оставили лишь скромный городок Новый Орлеан в болотах реки Миссисипи, а их союзникам, католикам-испанцам, пришлось проститься с крупными владениями во Флориде.

Теперь все Восточное побережье Америки принадлежало Британии. Конечно, не считая индейцев. Недавно, когда вождь племени оттава Понтиак поднял восстание, которое привело в ужас массачусетских колонистов, британская армия при содействии местных стрелков довольно быстро разгромила индейцев – неплохое напоминание колонистам о важности их далекой родины. Но если не касаться вынужденной строгости, британское правительство считало свою политику благородной и мудрой. Пусть индейцы боятся английской власти, но трогать их незачем. На востоке полно свободной земли. Поход вглубь территории на запад можно было отложить на пару поколений. Возделывайте бескрайний сад Восточного побережья и наслаждайтесь плодами!

С этим не стал бы спорить и сам Бен Франклин. За неутомимую лоббистскую деятельность благоразумное британское правительство даже выделило ему немалую долю в великом предприятии: его сына Уильяма Франклина, дипломированного юриста, но без административного опыта, произвели в губернаторы колонии Нью-Джерси.

Что касается остальных пределов своей разросшейся империи и ее соперничества с Францией, Британия теперь контролировала несметные сокровища Индии и богатый сахарный остров Ямайка. Ее флот господствовал во всех океанах. Британия правила морями.

Такой была просвещенная, счастливая империя, доставшаяся благонамеренному молодому королю.

Но счастливы были не все.

По мнению Чарли Уайта, дела шли от плохого к худшему, и не иначе. Он брел по Бродвею, и порывистый северный ветер с Гудзона разрезал январские сумерки, как острый нож. Улицы покрылись тонкой коркой мерзлого снега. И настроение Чарли было мрачнее некуда.

Была Двенадцатая ночь³⁰. Он собирался сделать жене подарок, но не разжился ничем. Хорошо, не совсем ничем. Купил по дешевке варежки. Тут ему повезло, но это было все.

– Я хотел купить тебе новое платье, – сказал он горестно, – но мне хватило только на еду.

– Не переживай, Чарли, – ответила она. – Главное – намерение.

То же самое относилось и к большинству их соседей. Так стало после ухода проклятой британской армии.

³⁰ Двенадцатой ночью заканчивается Йоль. Двенадцатая ночь считается ночью рождения нового года, нового жизненного цикла.

Война закончилась. В том-то и беда. Ушли нуждавшиеся в продовольствии «красные мундиры», отбыли офицеры, желавшие себе домов, мебелировки и слуг. Военные корабли задержались ненадолго – их тоже след простыл. Вся местность пришла в упадок. С деньгами стало туго. Лондонские купцы переправляли за океан излишки товаров и продавали их по бросовым ценам в Нью-Йорке, из-за чего честные ремесленники не сводили концов с концами. Зато цены взвинчивали фермеры, компенсируя уменьшившийся спрос.

– Англия использует это место для борьбы с французами, – сказал домашним Чарли, – но, едва дело сделано, бросает нас на произвол судьбы.

Не пострадали только богачи. Они обитали в другом мире. Театр был полон. Открывались парки, названные по образу и подобию лондонских – Ранела, например. Люди называли это Лондоном в Нью-Йорке. У лиц вроде Джона Мастера дела шли прекрасно.

Чарли избегал Мастера с момента возвращения купца из Лондона. Он отлично знал о пребывании юного Джеймса в Оксфорде, ибо по-прежнему, с горечью, следил за каждым шагом этого семейства. Но если бы его спесивый друг пожаловал в гости, Чарли плюнул бы ему в лицо.

Дела в доме Уайтов пошли до того плохо, что жена Чарли начала ходить в церковь. Конечно, не в англиканскую. «Оставим это ораве из храма Троицы», – думал Чарли. Она предпочла диссентеров³¹. Иногда, желая ее порадовать, он даже ходил с ней на службы и проповеди. Но сам не веровал.

– Твоя мать обратилась к религии, сынок, – сказал он Сэму. – Думаю, это от нищеты.

Но где носят черти юного Сэма? Вот почему Чарли шагал по Бродвею в морозных сумерках. Искал своего ненаглядного сына. Тот ушел днем. Чем он, черт побери, занимается?!

Конечно, Чарли догадывался чем. Сэму было семнадцать, и Чарли не без гордости заметил, что он начинает пользоваться успехом у девушек. На прошлой неделе он заметил его с хорошенькой горничной. Скорее всего, с ней и прохлаждается шалопай.

Но на дворе была Двенадцатая ночь, которую семейство отмечало в полном составе. Сэму следовало лучше соображать. Чарли собрался устроить ему нагоняй, когда найдет.

Миновал час. Чарли обошел все таверны в Вест-Сайде, но сына нигде не видели. В раздражении он пошел домой. Все остальные были в сборе и ждали трапезы. Так что поели без Сэма. А жена сказала, что если с Сэмом все в порядке, то она ничуть не расстроена, что было откровенной ложью.

Поэтому, когда все закончилось, Чарли вышел опять. Жена сказала, что это бессмысленно, и он был согласен, но просто не смог сидеть на месте. Уже была темная ночь, приправленная злым ветром. По небу неслись рваные тучи, в прорехах слабо и холодно посверкивали редкие звезды. Улицы были почти пусты.

Чарли пошел по Бродвею, заглянул в несколько таверн, но без толку. Миновав церковь Троицы, направился дальше на юг. Теперь он вступал на ненавистную территорию.

Тогда ее называли районом богачей. Старый форт стал фортом Джордж. Находившийся перед ним маленький парк Боулинг-Грин был изящно огорожен и превращен в фешенебельный анклав с уличными фонарями в каждом углу, которые отпугивали бродяг. Здесь стоял губернаторский дом. Даже таверны носили королевские названия.

Во тьме вырисовывались громады богатых особняков. Расцвет и упадок города не отражались на их владельцах – Ливингстонах, Байардах, ван Кортландтах, Деланси и Морри-

³¹ В Англии – одно из наименований лиц, отклоняющихся от официально принятого вероисповедания. Термин появился в связи с распространением Реформации и применялся для обозначения тех, кто подвергался преследованиям со стороны государственной Церкви. В зависимости от характера последней диссентерами в разное время назывались представители различных вероисповеданий. Чаще всего диссентерами назывались пуритане. При королеве Елизавете диссентерами называли всех противников Англиканской церкви.

сах. Они, в их наследственном благополучии, были неуязвимы. Чарли свернул на восток, на Бивер-стрит. В конце ее он дошел до какой-то ограды и красивых железных ворот, увенчанных фонарями. Они охраняли широкую мощеную дорожку и ступени, ведущие к большому дому в классическом стиле. Ставни были не заперты, во двор через высокие окна струился теплый свет.

Дом Джона Мастера. Он выстроил его вскоре после возвращения из Лондона.

Чарли продолжил путь через южную оконечность Манхэттена и добрался до Ист-Ривер. Над длинной линией доков и складов царил тишина, на воду легли тени от множества кораблей. Он немного прошел вдоль причалов, затем свернул на Куин-стрит. Там горели огни, и таверны еще не закрылись.

Через пятьдесят ярдов он наткнулся на какую-то фигуру, устроившуюся на земле. Это был чернокожий, завернувшийся в одеяло и приютившийся у складской стены. Он глянул на Чарли и без особой надежды протянул руку:

– Босс?

Чарли посмотрел на него. Очередная примета времени. По всему городу стесненные в средствах мелкие господа освобождали своих рабов. Это было дешевле, чем кормить их. Они были всюду: вольные чернокожие, которым не оставалось другого выхода, как попрошайничать. Или голодать. Чарли дал ему пенни. Миновав причал Шермерхорна, он вошел в большую таверну.

Там собралась приличная толпа – в основном моряки. За столом он заметил знакомого возчика. Здоровый детина, рыжие волосы. Всегда его недолюбливал. Вспомнить бы имя – тогда можно и заговорить, хотя не особенно хочется. Но возчик встал и уже направился к нему. Что ж, грубить незачем. Чарли кивнул.

Но в следующий миг обнаружил, что детина взял его за плечо. Билл. Вот как его зовут.

– Сочувствую насчет твоего пацана, Чарли, – сказал он.

– Моего пацана? Ты о Сэме? – Чарли почувствовал, что бледнеет. – А что с ним не так?

– Разве не знаешь? – удивился Билл. – Да нет же, Чарли, он не мертв, – зататорил он. –

Ничего такого. Но нынче после полудня его и еще десяток таких же сцапали вербовщики во флот³².

– Вербовщики?

– Они побывали здесь и смылись не поверишь как быстро. Корабль уже отплыл. Твой Сэм теперь в Королевском флоте, служит его величеству.

Чарли ощутил, как чья-то сильная рука поддержала его, иначе он и сам бы не понял, что падает.

– Сядь, Чарли, сядь... Рому ему!

Раскаленная жидкость обожгла рот и согрела желудок. Чарли беспомощно обмяк, а рыжий детина устроился рядом.

И Чарли Уайт разразился бранью. Он проклял британский флот, похитивший его сына, и британское правительство, разорившее его город, проклял и губернатора, и приход церкви Троицы, и Джона Мастера с его большим домом, и его сына в Оксфорде. Он пожелал им гореть в аду.

В ненастный весенний день несколько недель спустя Гудзон заглянул в маленькую комнату, отведенную под библиотеку, и застал Джона Мастера за дописыванием какой-то бумаги. Ему немного мешала пятилетняя девчушка, сидевшая у него на коленях.

– Папа, ну когда же мы пойдем? – спросила она.

³² Принудительная вербовка в Королевский флот практиковалась в Англии до 1830 г., но в той или иной форме продолжала существовать и в дальнейшем.

– Скоро, Эбби, – ответил Мастер.

Тогда Гудзон шагнул вперед и осторожно снял дитя с отцовских колен.

– Я присмотрю за ней, пока вы собираетесь, – сказал он мягко, и Мастер благодарно улыбнулся. Гудзон направился в кухню, девчушка обхватила его за шею. – Пойдемте-ка, мисс Эбби, поищем печенье, – посулил он.

Абигейл не возражала. Они с Гудзоном дружили с ее рождения. Вообще говоря, ему чуть не пришлось принять роды.

С тех пор как Джон Мастер спас его, прошло четверть века, и Гудзон исправно работал на семейство Мастер. Он остался добровольно. Мастер никогда не оспаривал притязания Гудзона на статус свободного человека. Он платил ему умеренное жалование, и Гудзон был волен уйти в любую минуту. Пять раз, когда его одолевало желание, Гудзон ходил в плавание на одном из хозяйских кораблей, однако с годами его тяга к странствиям поубавилась. В доме Джон сперва держал его разнорабочим, потом поручил и другие дела. Теперь Гудзон заправлял всем хозяйством. Когда семейство отправилось в Лондон, Мастер без колебаний оставил дом на его попечение.

Пятнадцать лет назад Гудзон женился. Жена была рабыней в доме Мастеров. Ее звали Клеопатра. По крайней мере, когда прибыла, – Мерси сочла ее имя неудобоваримым и заставила сменить его на Рут. У них с Гудзоном родилась дочь, затем сын. Когда Гудзон нарек его Соломоном и Мерси спросила, почему он выбрал библейское имя, он объяснил это почтением к мудрости царя Соломона. Однако жене он потом тихо добавил: «А еще старый царь Соломон был богатым человеком». Поскольку жена была рабыней, рабами стали и дети. Но Мастер предложил ему напрямик:

– Гудзон, ты можешь выкупить их за разумную цену прямо сейчас, или пусть остаются моими, пока им не стукнет двадцать пять. Тогда я дам вольную и им, и матери.

Сделка была неплохая, поскольку дети были одеты и сыты, а Мастер проследил, чтобы Соломон научился читать, писать и считать.

– В Нью-Йорке вольным чернокожим не так уж сладко, – напомнил Гудзон Рут. – Во всяком случае, не в нынешние времена.

Вольноотпущенные чернокожие еще оставались в городе, но последние полвека определенно выдались тяжелыми для негров. О старых временах голландского правления, когда белые фермеры и черные рабы бок о бок трудились в поле, никто и не вспоминал. Поскольку торговля сахаром, которой занималась Англия, не просто процветала, а неимоверно развилась, постольку возросло и число рабов на невольничьих рынках. С той поры, когда дед Гудзона был мал, Вест-Индия поглотила почти миллион рабов, и вся торговля африканскими невольниками сосредоточилась в руках Британии. При таком рыночном изобилии цена на людей упала. Большинство городских торговцев и ремесленников могли позволить себе дойти по Уолл-стрит до невольничьего рынка и прикупить в хозяйство пару рабов. Фермеры из графства Кингс пользовались Бруклинским паромом, достигали Нью-Йорка и закупали полевых рабочих. В Нью-Йорке процент рабского населения был выше, чем где-либо еще к северу от Виргинии.

И большинство уже соглашались с тем, что коль скоро чернокожие – товар, то, видно, сам Бог сотворил их низшими существами. А раз они низшие, то нет никакой причины давать им вольную. К тому же народ не забыл чинившиеся ими беспорядки – те же поджоги 1741 года. Чернокожие были опасны.

А потому Гудзону не было дела до того, что в нем видели раба Джона Мастера.

– Так меня хотя бы не трогают, – рассудил он.

Все, что ему оставалось, – радоваться своему везению и надеяться на лучшие времена.

Пока Джон и Мерси находились в Англии, он справно вел хозяйство под началом старого Дирка Мастера. Гудзон и отец Джона всегда хорошо ладили, и Дирк отправил в Лондон

письмо с многими похвалами в его адрес. Но восторгов бы поубавилось, предоставь ему Гудзон полный отчет. Проблемой была юная мисс Сьюзен.

Сьюзен Мастер не только выросла в красивую молодую женщину, но и отличалась ровным нравом, практичностью и была себе на уме. Ее дед заметил Гудзону: «По крайней мере, мне незачем за нее беспокоиться».

Но Гудзон был не так уж уверен в этом. Когда за Сьюзен начал ухаживать молодой мистер Медоуз, стало ясно, что его внимание ей весьма по душе. Он был красивый юноша с волевым лицом, да еще и наследовал одну из лучших ферм в графстве Датчесс. Короче говоря, несмотря на ее молодость, он был пределом ее мечтаний.

И все бы ничего, когда бы дело не грозило зайти чересчур далеко еще до свадьбы. А оно грозило. Бывало, что молодые люди слишком долго оставались в доме одни.

– Скажи ей быть осторожнее! – взмолился Гудзон, обратившись к жене.

Да и сам набрался храбрости – деликатно обмолвился старому Дирку, что молодые много времени проводят одни, без присмотра. Жене он горестно сказал:

– Если она попадет в беду, а молодой Медоуз передумает...

– Мастеры заставят его жениться, – утешила Рут мужа.

– Может быть, – ответил он, – но это будет нехорошо.

И снова попытался предупредить деда.

Но старый Дирк Мастер не захотел волноваться. Он наслаждался Нью-Йорком. Бремя дел было невелико. Казалось, он не желал допустить, чтобы хоть что-нибудь нарушило умиротворенность его души. И действительно, веселое лицо и чуткий характер Сьюзен опровергали тревоги Гудзона. Но тот испытал великое облегчение, когда одним летним утром вбежал Соломон, сообщивший, что Мастеры вернулись и Гудзона зовут сейчас же явиться в порт.

Облегчение же мгновенно сменилось паникой. Приехав в порт, он застал Мерси чуть ли не в родах. Они с Мастером помогли ей сесть в экипаж, Соломона послали за доктором, позвали акушерку. Гудзон и Мастер отнесли Мерси в спальню, не исключая, что дитя родится на свет еще до того, как они поднимутся по лестнице.

Ну и денек же выдался! Но и принес же он радости! Не прошло двух часов, как родилась крошка Абигейл.

Гудзон обожал Абигейл. Все обожали. У нее были густые каштановые кудри и карие глаза. Она была пышкой. В колыбели плакала редко, а когда подросла – полюбила решительно всех, кто ее окружал.

– Самое добросердечное дитя, какое я видел, – говаривал Гудзон Рут.

Его собственное лицо лучилось улыбкой. Он играл с ней, когда только мог, как с родной дочерью.

Присутствие Абигейл возместило Мерси отъезд других детей. Сьюзен вышла замуж в том же году. На следующее лето Джеймсу позволили вернуться в Англию, чтобы подготовиться к поступлению в Оксфорд.

– Но Абигейл здесь, – с улыбкой говорил Гудзону Мастер, – а с нею и мы по-прежнему молоды.

Сейчас же счастливый Гудзон развлекал ее в кухне почти полчаса, пока хозяин не покончил с делами.

Джон Мастер посмотрел на два лежавших перед ним письма и вздохнул. Он знал, что был прав, когда отпустил Джеймса в Англию, но скучал по нему и хотел, чтобы тот вернулся.

Первое письмо было от капитана Риверса. После встречи в Лондоне они поддерживали связь. Риверс, как обещал, посетил Нью-Йорк, и они приятно провели вместе неделю. Затем он отправился в Каролину и женился на своей богатой вдовушке. У них уже родилось

двое детей. По всем отзывам, капитан хорошо управлялся с плантациями, и Мастер знал, что его дела с Альбионом шли превосходно. Но многие соседи, по словам Риверса, жаловались на своих английских кредиторов. Они годами жили припеваючи, беря все товары в кредит, который лондонские купцы охотно предоставляли. «Теперь настали трудные времена, – писал Риверс. – Им нечем расплатиться». Сам он был достаточно разумен, чтобы жить по средствам.

Он также описал свой визит в Виргинию. Он гостил у Джорджа Вашингтона, бывшего британского офицера, имеющего там обширные угодья. Вашингтон был тоже недоволен далекой родиной, но по другой причине. «Ему не нравятся правительственные ограничения торговли, особенно железом, которая принесла состояние его жене», – писал Риверс. Но более глубокое недовольство было вызвано состоянием западных рубежей. За воинскую службу Вашингтону пожаловали обширные земли на индейской территории. И вот теперь лондонское правительство, желая сохранить с индейцами мир, уведомило его о невозможности притязать на эти земли и выгнать индейцев. «Я знаю многих виргинцев, угодивших в такое же положение, – продолжал Риверс. – Они надеялись сколотить состояние на этих землях и теперь пребывают в ярости, хотя Вашингтон просит их набраться терпения».

Мастер был в целом согласен с британской позицией. Земли было полно и на востоке. Каждый год с родины прибывали тысячи переселенцев: англичан, шотландцев и ирландцев; они искали дешевых земель и обретали их. Вашингтону и его товарищам следовало смириться.

Однако второе письмо – от Альбиона – заставило его поволноваться.

Начиналось оно достаточно бодро. Джеймс был счастлив в Оксфорде. Высокий и ладный, он представлялся героем юному Грегу Альбиону. В Лондоне же некий Уилкс писал статьи против правительства и был брошен в тюрьму, но тут ополчился весь город, и ныне Уилкс стал национальным героем. Это напомнило Мастеру суд над Зенгером времен его юности, и он был рад, хотя и не удивлен тому, что праведные англичане отстаивают свободу слова.

Но далее Альбион перешел к главному.

Британские финансы пришли в упадок. Годы войны оставили Британию с огромной империей, но и с огромными же долгами. С кредитами стало туго. Правительство старалось повысить налоги, какие могло, однако фискальное бремя англичан было тяжелее любого в Европе. Недавняя попытка ввести на юго-востоке налог на сидр спровоцировала беспорядки. Хуже того: получив обещание снизить некоторые земельные налоги, завышенные во время войны, парламентарии шумно требовали уменьшения, а не роста их числа.

Больше всего тратилось на Америку. Восстание Понтиака показало, что колонии по-прежнему нуждались в дорогих гарнизонах, но кто будет платить?

«И вряд ли можно удивляться тому, – писал Альбион, – что правительство вынуждено обратиться к американским колониям, которые до сих пор не платили почти ничего, с призывом принять участие в расходах на собственную оборону. Новая пошлина на сахар, введенная в прошлом году, покрывает лишь восьмую часть неизбежных издержек».

Мастер покачал головой. Сахарный акт минувшего года явился невразумительным сводом раздражающих установлений. Ньюйоркцы пришли в бешенство. Но это хоть было естественным шагом правительства, которому свойственно облагать пошлинами торговлю, и Мастер рассудил, что роптать не с руки.

«А потому, – продолжал Альбион, – было предложено ввести в колониях и гербовый сбор, который, как вам известно, здесь платят все».

Но Акт о гербовом сборе не утверждал торговую пошлину. Он утверждал налог. Сам налог был достаточно прост. Правительство получало плату за каждый официальный документ, каждый коммерческий контракт и все печатные материалы. Сумма была небольшая, но налог оставался налогом.

Если и существовало правило, понятное всем праведным англичанам, то это был запрет королю вводить налоги без согласия народа. А колонистов никто не спросил.

– Не очень-то умно со стороны королевских министров, – сказал Джон жене, – выбрать тот самый единственный, лучше прочих высчитываемый налог, который разгневаает здешних заправил – купцов, издателей и юристов.

Когда первые слухи об этом предложении достигли Америки, в Лондон полетели многочисленные жалобы и петиции. Мэр Нью-Йорка Крюгер объявил, что городской совет не может позволить себе снабжать английские казармы дровами. «Пусть замерзают! – радостно сказал он Мастеру. – Небось задумаются!» Колонисты умеренных взглядов, которых придерживался и Джон Мастер, согласились с необходимостью изыскать деньги. «Но пусть этим займутся наши законные представители, ассамблеи в каждой колонии – свои», – предложили они. Бен Франклин считал, что колонии должны собрать конгресс и выработать единое решение. Правительство в Лондоне объявило, что дело будет рассматриваться год. Тем и кончилось, решил было Мастер, пока не дочитал письмо Альбиона.

Меня беспокоит Ваше последнее письмо, где говорится о консультациях между колониями и правительством, так как король поручил разобрать это дело премьер-министру Гренвиллю. Гренвиль честен и дотошен, однако нетерпелив и временами упрям. Поэтому я должен предостеречь Вас и сообщить сведения из надежнейшего источника о том, что Гренвиль не намерен ждать каких-либо предложений от колоний. Акт о гербовом сборе станет законом к Пасхе.

И это, угрюмо подумал Мастер, будет сродни коту среди голубей. Но, снова и снова перечитав письмо, он решил, что поделаться тут нечего и остается только пойти гулять с дочкой, как было обещано. Подумать можно и на ходу.

Найдя ее в кухне с Гудзоном, он велел ей одеться, а когда она премило спросила, можно ли пойти и Гудзону, улыбнулся и ответил:

– Разумеется, Эбби. Ему полезно размяться.

Гудзон был рад пройтись. Было ветрено и сыро, но, когда они дошли до Бродвея, солнце уже сияло всюду. Джон предложил пойти в Боулинг-Грин, где Абигейл было место поиграть вволю, но она сказала, что лучше походит. Гудзон держался в паре шагов позади. Ему было отрадно видеть высокого красивого мужчину, который держит за руку свою кроху, и подмечать улыбки, с которыми их приветствуют встречные. Абигейл была одета в серый плащик и остроконечную шляпку в голландском стиле – подарок, которым она очень гордилась. На Мастеру была коричневая домотканая куртка, скроенная, конечно, хорошо, но простенькая.

Если Джон Мастер стал одеваться просто, то Гудзон знал, что это не случайно. Несколько месяцев назад прошел слух о новом обществе лондонских денди. Они называли себя макарони³³. Они прошли парадом по лондонскому Вест-Энду, и их экстравагантные шляпы с перьями и украшенные самоцветами шпагами произвели нешуточный скандал. «Что ни судно, то новая мода из Лондона, – предупредил друзей Джон. – Нам лучше поберечься». Для большинства населения Нью-Йорка, переживавшего трудные времена, такая показная экстравагантность была бы оскорблением, и ничем иным. «Не разрешайте домашним одеваться как макарони! – твердил Джон. – Не время нынче!»

Джон Мастер входил в группу местных ведущих производителей одежды и белья. В последние месяцы он отказался от любимых модных нарядов и ярких шелковых жилетов,

³³ В Лондоне в 1770-е гг. существовал «Макаронный клуб», где подавали макароны – блюдо, тогда еще малоизвестное в Англии. Его завсегдатаи – денди – изобрели собственные стиль и прическу и стали называться *macaronis* (синоним «денди»).

при каждом выходе предпочитая надевать добротную домотканую одежду американского пошива.

Они дошли до церкви Троицы, и Джон решил, что можно и поворачивать домой, но крошка Абигейл заявила, что хочет пройтись еще. «Придется нести на закорках», – с улыбкой подумал Гудзон. Они вступили в бедный квартал, направляясь к Коммону. Гудзон усомнился в разумности этого. Он решил идти рядом. Чуть впереди находилась таверна Монтейна.

Там собралась немалая толпа – моряки, рабочие и мелкие ремесленники. Выпивали прямо у входа на улице. При виде столпотворения Абигейл неуверенно взглянула на Гудзона. Тот улыбнулся.

– Они тебя не обидят, – пообещал он.

– В молодости я часто захаживал в такие места, – бодро сказал Мастер. Едва же переступив порог, он заметил лицо, при виде которого воскликнул: – Да это же Чарли Уайт! – И, взяв Абигейл за руку, позвал ее: – Идем, Эбби, сейчас ты познакомишься с моим старым товарищем. – Заспешив через зал, он крикнул: – Чарли!

Гудзон успел отстать шагов на двадцать, когда стал свидетелем дальнейшего.

Чарли Уайт обернулся и уставился на Джона.

– Чарли! Еще не забыл меня? – (Чарли продолжал пялиться.) – Чарли, это моя дочурка Абигейл. Эбби, скажи «здрасте» моему другу мистеру Уайту.

Чарли едва посмотрел на Абигейл. Затем демонстративно сплюнул Мастеру под ноги. Гудзон увидел, как Мастер побагровел. Чарли уже поворачивался к мужчинам перед таверной.

– Тут у нас мистер Мастер! – крикнул он. – Сосед губернатора. Сынок в Англии. В Оксфордском университете. Чё думаете?

Мужчины нехорошо посмотрели на Мастера. Кто-то издал хамский звук. Гудзон напрягся.

– В чем дело, Чарли? – воскликнул Мастер.

Но Чарли Уайт проигнорировал вопрос. Затем он вдруг резко приблизил искаженную ненавистью физиономию к лицу Мастера:

– Я тебе не друг, двуличный англичанишко! Вали отсюда! – Он глянул на Абигейл в ее высокой шляпке. – И сучку свою прихвати!

Абигейл расширенными глазами смотрела снизу вверх на обоих. Она заплакала. Гудзон устремился вперед.

Но Мастер гадливо повел плечами и отвернулся. Через несколько секунд они уже быстро шли по Бродвею. Гудзон подхватил Эбби на руки, и та обняла его за шею. Мастер шагал с каменным лицом, не говоря ни слова.

– Кто этот злой человек? – шепнула Эбби Гудзону на ухо.

– Забудь о нем, – ответил он мягко. – Он малость не в своем уме.

После такого унижения Джон Мастер негодовал несколько дней. Он, вероятно, врезал бы Чарли, не будь у того рядом столько дружков, которые могли ввязаться в драку, и если бы с ним не было маленькой дочки. Она и без того перепугалась, а ее достоинство серьезно пострадало.

Вдобавок он был озадачен. Откуда взялась такая ненависть в его старом друге? Что означала злоба Чарли? На протяжении следующих двух недель он несколько раз подумывал навестить к Чарли и разобраться. И в этом случае он, вероятно, узнал бы правду. Но жизненный опыт, подсказывавший не будить лихо, и уязвленное самолюбие удержали его от этого шага.

Однако было ясно одно: настроения в городе гораздо хуже, чем он предполагал. Он видел лица собутыльников Чарли, и их озлобленность потрясла его. Он знал, конечно, что

субъекты вроде Чарли недолюбливали богачей-англикан из прихода Троицы, особенно в тяжелые времена. Он понимал их презрение к коррумпированным королевским губернаторам. Он испытывал те же чувства. Но когда Чарли назвал его англичанишкой, да с такой лютой ненавистью, он был застигнут врасплох. В конце концов, они оба были английскими колонистами, ничем в этом смысле не различаясь.

Он всегда гордился знанием таких людей, как Чарли. Может быть, за годы, прошедшие с возвращения из Лондона, он оторвался от уличной жизни? Он понял, что так оно, вероятно, и есть, а потому решил принять меры. В последующие недели он чаще общался со складскими работниками. Он болтал с лавочниками, заходил в таверны неподалеку от дома и слушал чужие толки. Вскоре он убедился, что дурные настроения разошлись шире, чем он предполагал. Все казались чем-то недовольными. Что бы ни случилось, люди винили в этом правительство. А правительство находилось в Лондоне.

И Мастер сильно встревожился, когда в конце весны пришло известие о том, что Акт о гербовом сборе приобрел силу закона.

Однако протесты все равно повергли его в удивление. В Виргинии молодой адвокат по имени Патрик Генри распалил ассамблею тем, что назвал короля Георга тираном. Разъяренный член муниципального совета, с которым Мастер повстречался на улице, сказал: «Теперь нам все ясно, Джон! Эти проклятые законники в Лондоне хотят превратить нас в рабов!» И было похоже, что беднота расвирепела не меньше. Мастер счел это несколько странным. Да, газеты и альманахи обложили налогом, но он подозревал, что основное бремя гербового сбора придется на людей его класса, а вовсе не на таких, как Чарли. Но складывалось впечатление, что налог был символом: лондонским произволом, учиненным без спроса, верным свидетельством того, что британское правительство решило, будто может обращаться с колониями, как ему заблагорассудится.

Акт вступал в силу в начале ноября. Тем временем из Англии вышли корабли с грузом официальных бланков.

Озлившиеся ньюйоркцы были ни в коей мере не одиноки. Прошел слух, что в Бостоне толпа подожгла дом распространителя марок. Его коллеги на Род-Айленде и в Коннектикуте получали угрозы. Нью-йоркский распространитель не стал дожидаться расправы и сбежал.

В провинции Нью-Йорк имелся свой губернатор. Кедвалладер Колден был старым шотландским врачом и владел на Лонг-Айленде фермой. Годы раньше он изучал желтую лихорадку и тем способствовал первым санитарным мероприятиям в городе, но это уже не шло ему в зачет. Возле его городского дома собралась разгневанная толпа. Колден же, старый шотландец, был крепким орешком, несмотря на свои семьдесят семь лет. Он вызвал из верховьев реки британские войска и дополнительно вооружил форт Джордж. Но протесты не прекратились.

Однажды Мастер увидел Чарли возле форта во главе разъяренной толпы. Вспомнив его злые слова, он сказал Мерси:

– Пусть Эбби сидит дома. Как бы не вышло беды.

В тот же день он собрал домочадцев. Помимо Мерси и Абигейл, были, конечно, Гудзон и Рут. Дочь Гудзона Ханна была тихой девушкой, помогавшей матери по хозяйству. Юный Соломон был полной противоположностью – бойкий юнец, любивший, когда Мастер сдавал его напрокат и поручал какие-нибудь дела. Еще трое слуг были наемными работниками.

Мастер спокойно и тихо велел собравшимся соблюдать осторожность, пока на улицах беспорядки, сидеть дома и не высовываться без разрешения. И только потом Гудзон пришел к нему и попросился выйти на разведку. Мастер согласился. Вернувшись в сумерках, Гудзон предостерег его:

– Когда стемнеет, босс, нам лучше закрыть ставни и запереть двери.

Вечером они спустились в погреб и осмотрели арсенал. У Мастера было два охотничьих ружья, кремневое ружье и три пистолета. Имелись и пули, и сухой порох. Но все это оружие давно не использовалось, и они больше часа чистили и смазывали его. Мастеру оставалось надеяться, что оно не понадобится.

Лучик надежды принесла ассамблея провинции Нью-Йорк. Колонией правили разумные ребята, и Мастер испытал облегчение, когда в конце лета его посетил один из участников, сказавший следующее:

– Мы договорились созвать конгресс всех колоний, который пройдет в Нью-Йорке.

Конгресс собрался в октябре. Двадцать семь человек из девяти колоний расположились в городе и прозаседали две недели. Мастер ежедневно видел их на улице. Все они выглядели малыми рассудительными. Закончив работу, они выдали тщательно выверенное, но недвусмысленное заключение. В петициях, обращенных к парламенту и самому королю, было заявлено: «Акт о гербовом сборе противоречит британской конституции».

Если Джон Мастер надеялся, что это разрядит ситуацию, то вскоре его постигло разочарование. Многие торговцы остались недовольны, а Чарли Уайт и ему подобные разжигали беспорядки. Некстати пришлось и то, что в самый день завершения работы конгресса пришел корабль с первыми двумя тоннами гербовой бумаги. Старый губернатор Колден поступил мудро и под покровом ночи тайком переправил груз в форт, но это не решило проблемы. Вокруг форта бродили орды, печатались листовки с угрозами, горожане дружно приспускали флаги. До вхождения закона в силу осталась всего неделя, и гербовой бумаге предстояло пойти в ход. Бог знает, что тогда будет.

В конце месяца Мастер посетил собрание с участием двухсот ведущих городских торговцев. Одни, как он сам, призывали к терпению, но общий настрой был явно не в их пользу. Вернувшись домой, он сказал Мерси:

– Они решили прекратить импорт. Больше никаких товаров из Британии. Умно, конечно, потому что это ударит по лондонским купцам, хотя бы по Альбиону, а те в свою очередь надавят на парламент. Но я все равно жалею об этом шаге.

В последний вечер октября он стоял под звездами у воды. На оконечности Манхэттена темнела приземистая глыба форта Джордж, теперь оснащенного девяноста пушками, безмолвно охранявшая гербовую бумагу из Англии. Завтра эти листы должны разойтись. Через пять дней наступит День Папы³⁴ – пятое ноября, с его обязательными кострами. Но не охватит ли город раньше пожар сильнейший?

День начался. Небо было ясным. Бухту тревожил прохладный легкий бриз. Джон дошел до Боулинг-Грина. Тишина. Он вернулся домой, позавтракал с Мерси и Абигейл и далее несколько часов занимался делами.

В полдень он вышел снова. Сталолюдно, но никаких беспорядков. Он отправился к форту. О том, что старый губернатор Колден предпринял попытку распространить гербовую бумагу, не говорилось ни слова. Хвала Господу хоть за это! Он возвратился в дом и снова засел за работу.

Дел было много. Решение пресечь импорт ударит, конечно, и по его сделкам с Лондоном. Но открывались и новые возможности: как всякий рассудительный бизнесмен, Мастер составлял список товаров, которых будет не достать в Нью-Йорке. Нельзя ли заняться местным производством? Чем их заменить? Как быть с кредитовым сальдо, которое сохраняет для него Альбион? Это были интересные вопросы. В середине дня явился Гудзон, спросивший, не нужно ли чего. Мастер попросил чая и велел Гудзону послать мальчика, чтобы разве-

³⁴ То есть День Гая Фокса.

дал обстановку в городе. Затем вернулся к трудам. Он не знал, сколько времени просидел, когда Гудзон вошел снова:

– Соломон вернулся, Босс. Говорит, на Коммон что-то происходит.

Мастер быстро зашагал по Бродвею. Ноябрьский день уже сменялся сумерками. В правой руке у Мастера была трость с серебряным набалдашником. Он миновал церковь Троицы. Впереди уже показалась таверна Монтейна, а за ней – Коммон. Но дальше он не продвинулся.

На него надвигалась толпа, насчитывавшая не меньше двух тысяч душ. Ее образовали в основном бедняки: мелкие ремесленники, матросы, вольноотпущенные рабы и рабочие. В середине этой процессии Мастер увидел большую телегу, похожую на платформу для карнавальных шествий. Он посторонился, пропуская народ.

Оценить их настрой было трудно. Ему показалось, что они не столько разгневаны, сколько просто язвительны и свирепы. Многие смеялись и шутили. Что касалось карнавальной платформы, то она была в своем роде произведением искусства.

В преддверии Дня Папы соорудили отличную шутовскую виселицу. Правда, вместо Папы было большое и очень похожее на губернатора Колдена чучело, рядом с которым было второе – дьявола. Губернатор держал огромную пачку гербовой бумаги и барабан. Джон, сам того не желая, оценил этот черный юмор. Было очевидно, что в этом году сожгут не папу, а губернатора. Вопрос лишь в том, что за этим последует? Влившись в толпу зевак, двигавшуюся вместе с процессией, Джон снова пошел по Бродвею и постарался идти вровень с платформой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.